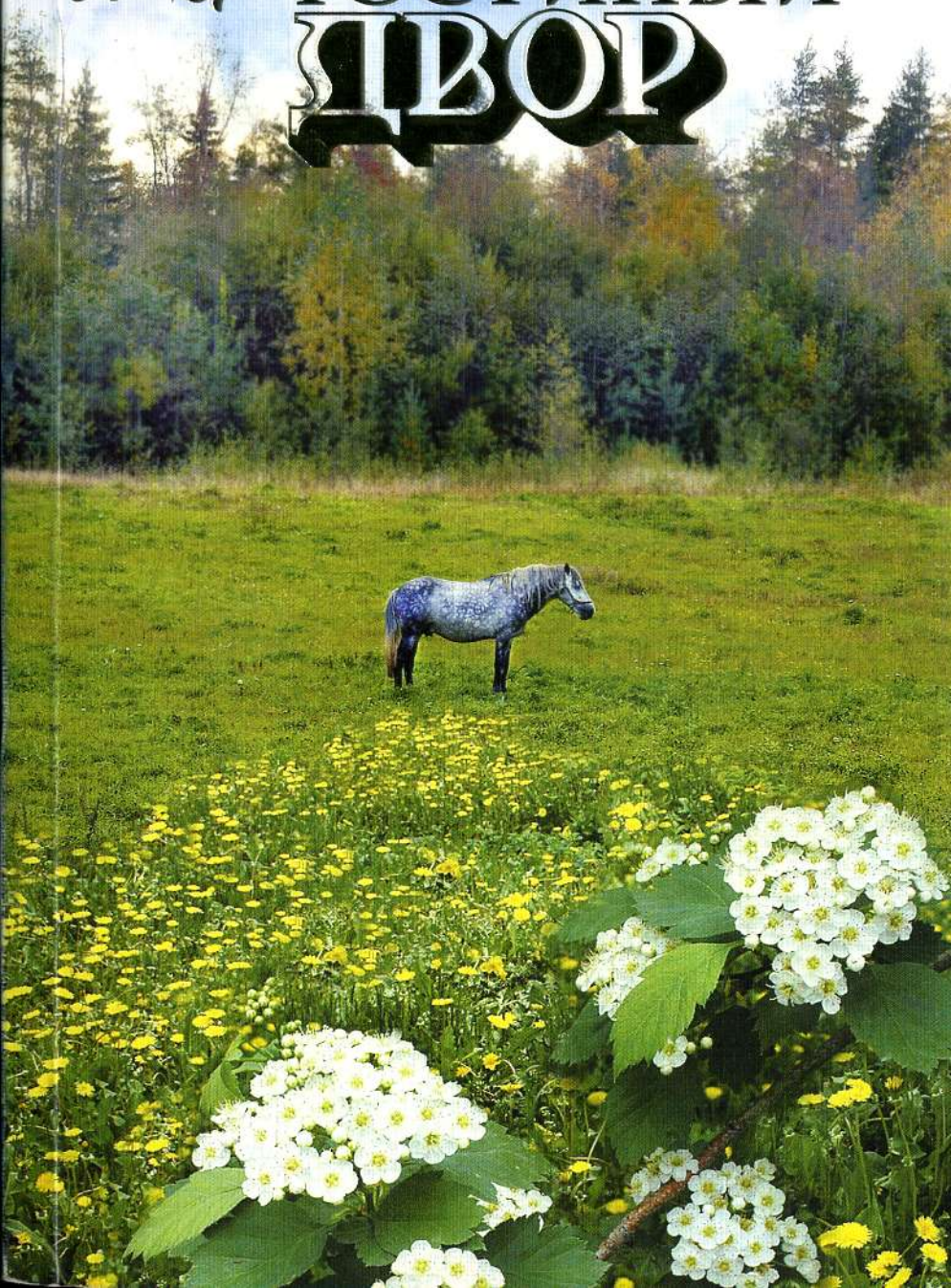

№ 27

ГОСТИНЬИЙ ДВОР

*Лауреаты премии
имени Валериана Правдухина
2008 года*

*Николай Корсунов.
Роман «Лобное место» (посмертно)*

*Анатолий Тепляшин.
Цикл стихов «Жёсткие сроки»*

*Иван Коннов.
Публикации из цикла «Рассказы о малой Родине»*

*Татьяна Судоргина.
Исследовательская работа
«Тополёвый сад в Оренбурге»*

*Алеся Фокина.
Рассказы «Кульчонок», «Тараканья свадьба»*

Поощрительные дипломы

*Юдина Антонина Михайловна
за цикл стихов*

*Абаимова Влада Александровна
за цикл стихов*

*Кильдяшов Михаил Александрович
за цикл стихов*

**ГОСТИНЫЙ
ДВОР**

Литературно-художественный и общественно-политический альманах
Издаётся с 1995 года

*Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области*

Оренбург
2009

Учредители:

Министерство информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области, Оренбургская областная общественная писательская организация Союза писателей России

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный совет:

В.А. Бахревский (Подмосковье)	П.Г. Рыков
С.Г. Горшенин	Л.П. Сковородко
В.М. Капустина	Т.В. Судоргина
П.Н. Краснов	А.А. Тепляпин (Новотроицк)
Г.П. Матвиевская	А.А. Чибилёв
В.В. Ренёв	Н.М. Щербанов (Уральск)

Исполнительный директор – Ю.Н. Мещанинов

Адрес редакции: 460009, г. Оренбург, проспект Братьев Коростелёвых, 4
Государственное унитарное предприятие «Редакция газеты «Оренбуржье»
Телефоны: (3532) 79-43-39, 8-903-394-32-60
E-MAIL: gazorb@mail.ru

На первой и последней страницах обложки – фото В.Б. Соколова

Художник – Ю.Е. Курдакова

Компьютерный дизайн – Л.В. Гмырина, А.А. Воловод

Компьютерный набор – Е.Н. Цыганчук, Н.С. Битюкова

Корректоры – Ф.Н. Кусикова, Л.И. Беляева

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация автора, а также сообщаемые им сведения

Сдано в набор 6.05.2009

Подписано в печать 28.05.2009

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 22,5 печ. л.

Тираж 1 500 экз.

Заказ № 1072

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС7-4641 от 16 ноября 2007 года в Поволжском управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, г. Самара

Отпечатано в ООО «УралПечатьСервис»
462353, г. Новотроицк, ул. Горького, 14

ISBN

© Альманах «Гостинный Двор», 2009

НУЖНО ЛЮБИТЬ РОССИЮ

(Из письма к гр. А.П.Т..... му)

Без любви к богу никому не спастись, а любви к богу у вас нет. В монастыре её не найдёте; в монастырь идут одни, которых уже позвал туда сам бог. Без воли бога нельзя и полюбить его. Да и как полюбить того, которого никто не видал? Какими молитвами и усилиями вымолить у него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свете добрых и прекрасных людей, которые добиваются жарко этой любви и слышат одну только чёрствость да холодную пустоту в душах. Трудно полюбить того, кого никто не видал. Один Христос принёс и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к богу самому. Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям.

Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России. К этой любви нас ведёт теперь сам бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри её и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви. Уже крики на бесчинства, неправды и взятки – не просто негодование благородных на бесчестных, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжёлое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в дома этих страшных врагов душевных, хотя от них освободиться сами, и не знают, как это сделать, и всё сливается в один потрясающий вопль, уже и бесчувственные подвигаются. Но прямой любви ещё не слышно ни в ком, - её нет также и у вас. Вы ещё не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всём дурном, что в ней ни делается, в вас всё это производит только одну чёрствую досаду да уныние. Нет, это ещё не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком ещё отдалённое её предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадёт тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно всё сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдёте, - последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмёте, предпочитая одну крупицу деятельности на нём всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы ещё не любите России. А не полюбивши России, не полюбивши своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к богу, а не возгоревшись любовью к богу, не спастись вам.

Н.В. ГОГОЛЬ

1844 г.

ГОСТИНЫЙ ДВОР

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- 6 Пётр Краснов. Заполье. *Роман*
77 Нина Лукьянова. Прогулки по небу. *Стихи*
93 Михаил Кильдяшов. Изгнание из рая. *Стихи*
97 Мидхат Харасов. Переезд. *Рассказ*
119 СТИХИ ПО КРУГУ: Лидия Журба, Вениамин
Побежимов, Сергей Терентьев, Алексей Никуленков,
Татьяна Антоненко
127 Валериан Правдухин. Охотничья юность.
Неизвестные повести и рассказы. Продолжение.
Публикация Н.М. Щербанова
243 Самигулла Баймурзин. Заноза. *Рассказ*
307 Татьяна Асабина. Исцеление. *Рассказ*

ОРЕНБУРГСКАЯ ДИАСПОРА

- 81 Иван Уханов. Бриллианты для сельского пролетариата. *Проблемы региональные и общероссийские*
176 Лидия Измалкина. Время тёмной воды. *Стихи*

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

- 102 Валентина Головина. Был ли подвиг? *К 55-летию целины*
190 Александр Корсунов. Бросок через полюс.
О чём рассказал музейный экспонат
219 Галина Матвиевская. «Заведения, полезные для города и края...» *О первом водопроводе в Оренбурге. Исследовательская работа*
273 Александр Исковский. Смыть пятно позора и воспитать дочь. *Дело о расторжении церковного брака по прелюбодеянию*

ДУХОВНЫЙ ЩИТ

- 141 Владимир Баклыков. Андреевский Афон

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

- 150 Алла Прокофьева. «Скажи Гоголю... что я от него без ума...» *Заметки литературоведа*
156 Иван Коннов. «Горьким словом моим посмеюся...» *Послеюбилейные размышления*

- 179 Алла Фёдорова. Жили одной судьбой с народом.
О поэтах и писателях военного времени
336 Альбина Кальвина. Счастливый дар видеть мир необычным. *О графике Алёны Наливкиной*
354 Константин Артемьев. Ловец мгновений чудных...
О творчестве оренбургского фотографа Валерия Гунькова

ФИЛОСОФСКИЙ ПРАКТИКУМ

- 166 Елена Новикова. О сущности жизни, смерти и бессмертия в русской культуре. *Окончание. Аналитический очерк*

НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ

- 200 Николай Волженцев. Чернореченские свадьбы.
Картички деревенского быта
300 Валерий Кузнецов. Максимы Александры Протопоповой. *Записки из «Амбарной книги»*

ГОСТИНЫЙ ДВОРИК

- 230 Анастасия Кольцова. На Аренде. *Детские мемуары*

ЧКАЛОВ – ОРЕНБУРГ

- 239 Леонид Футорянский. «Мадрид» моего детства

НАСЛЕДИЕ

- 257 Виктор Шумеев. Неужели Малявин? *Неизвестные страницы жизни*
284 Вильям Савельзон. Добрый человек из Оренбурга.
Воспоминания о друге

КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ

- 266 Валентина Капустина. «Воинские игры» оренбургских казаков
326 Александр Кокшаров. Казачьи трофеи. *Исследования, находки*

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ

- 313 Сергей Левыкин. Можно ли реставрировать степь?
Ответ степеведов мировому кризису

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

- 322 Пушкинские дни в Оренбурге в 1900 г.

НАША ГОСТИНАЯ

- 319 Мария Сотник. Счастливая замужем. *Стихи*
344 Оксана Васильева. Никчёма. *Рассказ*

Валентина ГОЛОВИНА

**БЫЛ ЛИ
ПОДВИГ?***К 55-летию целины*

Валентина Александровна Головина родилась в Кувандыжском районе. Окончила исторический факультет Оренбургского педагогического института, по распределению была направлена в Адамовский район. Живёт в посёлке Адамовка, работает учителем истории в средней школе № 2.

Снова о целине... За последние годы о ней написано так много, что, кажется, известно всему миру — бураны, трудности бездорожья, прелести весенней степи, шорохи ссыпаемого в бурт зерна, даже поимённо люди, гордо именуемые целинниками.

Календарь отсчитывает юбилей. Люди, будто спохватившись, боясь что-либо забыть, записывают воспоминания. В редакцию адамовской районной газеты «Целина» потоком шли письма ветеранов-первоцелинников. Они писали о жизни в палатках, о пыльных шлейфах, о большом хлебе и горячих чувствах. Ветераны целины приходили в школы, рассказывали детям о былом. В одном котле будней варились, а говорили по-разному. Первоцелинники-руководители (комсорги, работники РК партии, представители власти) в рассказах делали акцент на показателях и процентах, на важности выполнения государственной задачи.

Люди «от сохи» смущались: о каких таких подвигах рассказывать? Работали, мол, как все. Незатейливые биографии первоцелинников походили одна на другую. И всё труднее для сегодняшней юности понимание, в чём был подвиг на целине, и был ли он?

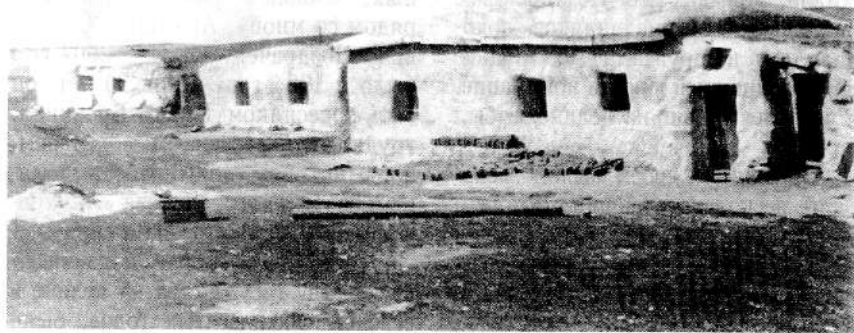
Однажды о своём былом заспорили несколько женщин, которым за 60 — 70. Спор был о том, о чём обычно вслух не говорят, но что беспокоит. Живут бабуся в целинном краю, тут родились ещё в эпоху коллективизации, тут жизнь состоялась. А целинные годы — их молодость. К очередному юбилею одну бабушку наградили медалью в память освоения целины, другую награда миновала. Не велика важность, да ведь дорого внимание. И случился разговор о том, кого считать первоцелинником, а кого нет. Получается, что только тот, кто приехал издалека и трудился в поле, тот и первоцелинник, а люди, живущие здесь изначально, нет. «Разве мы не поднимали целину?» — с грустью спрашивают коренные адамовцы. Они и сами могут ответить, что, конечно, поднимали.

Перелистывая статьи в местной газете о целинных годах, обращаю внимание на заголовок «Это и наш праздник» («Целина», 11 июня 2004 г.). Ветеран труда кавалер ордена Трудового Красного Знамени и многих медалей А.С. Ноздрачёв написал: «Очень хочется, чтобы в свете празднования целины прозвучало как можно больше имён. И ещё скажу, что подвиг совершали не только те, кто прибыл в наши края по комсомольской путёвке.

Разве меньше труда вложили в своё село мои земляки... Сколько скромных, славных работяг работали рядом со мной». Анатолию Сергеевичу Ноздрачёву (1934 — 2007 гг.) было в 1954 году лишь 20 лет, он был ровесником Ивана Бровкина, трудился трактористом, водителем, животноводом, долго работал главным зоотехником совхоза «Аниховский». Его словам можно верить.

Потоки молодёжи, появившейся по зову государства на целине в середине пятидесятых годов, были видимы — их было сразу много. Они явились деловито, шумно и весело. Справедливости ради надо сказать, что не в чистом поле начиналась история целинных совхозов. Как правило, колышек для новостройки забивали неподалёку от аула или стойбища, а то и рядом с населённым пунктом. Одновременно с созданием новых совхозов шло укрупнение сёл. В Адамовском районе до 1954 года было 27 колхозов и два совхоза, всего 83 населённых пункта. Было построено 11 новых совхозов, а более 20 населённых пунктов исчезло, как неперспективные. В аулах рассыпались глинобитные землянки, жители разъезжались. И вот спустя полвека занялось уже движение по возрождению памяти исчезнувших деревень. Организуются экспедиции туда, откуда люди ушли. Этим сейчас заняты краеведы и школьники.

Под будущие поля и пахоту отводились собственно целинные просторы. Началась тяжёлая работа, неустроенный быт, мечты о светлом завтрашнем дне не только для страны, но и для себя, своей семьи. Не случайно совхоз на окраине села

Глинобитные землянки на месте будущего совхоза «Комсомольский», что увидели первые целинники в 1954 г.

Адамовка получил название «Заря коммунизма». Его ждали, к нему стремились. Жертвенность во имя общего почина стала обычным явлением. Например, приезжие горожане изменили свой статус. Погружение в новый мир аграрного или животноводческого уклона требовало мужества. От станка к земле, от фабрики к корове — это не каждому понравится. Пыль, грязь, навозные кучи около ферм — обыденность. Пение жаворонков слышно только весной. «Ни природы, ни погоды» — появилась характеристика нового места обитания. Многих успокаивала мысль, что работа на целине — временное явление. Вот, мол, совхозы станут на ноги, и можно будет вернуться домой. Ощущение «не навсегда!» успокаивало вчерашних горожан. Приехавшим из деревень было привычнее. Кому улыбнулось степное счастье жениться или выйти замуж — те седали на целине. Кому вовсе некуда было возвращаться, тоже оставались здесь. Оставались и люди долга, в основном специалисты и руководители.

Так кому же жилось легче — приехавшим на целину из дальних краёв или местным жителям? Предположим, что последним. У них был скудный, но налаженный быт. Трудились все одинаково — на надрыв. Из приезжих остались на целине сильные люди. Как измерить их участие в общем деле? Стоит ли сравнивать, кто более целинник? Типичной целинной судьбой может считаться пример семьи Новиковых.

Жили они в Адамовке на улице Целинной. На их маленьком домишке (обложенной кирпичом землянке) долгое время висела доска (единственная в селе) с надписью «Здесь живёт семья первоцелинника».

Валентин Степанович Новиков приехал в Адамовку в 1954 году. Родом он был из Горьковской области, где и получил комсомольскую путёвку на целину. Ехал Валентин Степанович вместе с семнадцатью добровольцами из Арзамаса. Он уже

был женат, однако решил сменить место жительства. Детство колхозного паренька ничем особым не отличалось от детства других его сверстников. Учёбе в школе помешала война. Фронт был далеко, а работа вместе со взрослыми в колхозе близко. Пахали землю на быках и коровах. С мая по сентябрь непосильная работа в поле. Особое напряжение было в уборку: до завтрака требовалось сжать и связать 30 снопов. Жнецам на картине А. Венецианова можно было позавидовать: у них счастливые умиротворённые лица. Ребятишки военной поры тоже жали серпом, умели косить, при этом им всегда хотелось есть. Хлеб убирали в закрома государства, а в домашних амбарах было пусто. Приусадебных участков в деревне не было. Колхозники могли надеяться только на трудодни. Спасала кормилица корова. Весной люди собирали на поле картошку, что перезимовала в земле — полугниль, но хоть какая-то еда. Одежка на рабочих скучная, обувь символическая — летом лапти, чаще босые ноги, а весной носили деревянные колодки. Трудно представить, как они выглядели, эти колодки.

В 1947 году Валентин Степанович освоил профессию тракториста. А вскоре в колхозе появились первые самоходные комбайны. Валентину доверили новую технику. И на целину он поехал уже опытным специалистом. Была надежда, что в новых краях жизнь станет легче. Дома оставалась хорошая плодородная земля, но техники было мало. В целинные совхозы, наоборот, машины поступали щедро, не

хватало людей. Этот факт был заманчив для молодых механизаторов. В.С. Новиков получил назначение в Адамовскую МТС. Сначала работать ему пришлось на полях колхоза имени Сталина (с. Нововинницкое). Ни от какой работы не отказывался парень: на тракторе, на комбайне ли — всё умел. Уже в шестидесятые годы работал он на К-700, на экскаваторе и другой технике. Удивляла Валентина Степановича просторная степь с тюльпанами весной, удивляла возможность для работы — поля без края!

В начале 1956 года приехала к В.С. Новикову жена Нина Ивановна с полуторагодовалой дочкой. От станции Сергач в Горьковской области до станции Шильда ехали они десять дней поездом. А от Шильды, как водится, на санях, прицепленных к трактору «ЧТЗ». Сорок километров до Адамовки ехали всю ночь. С первых шагов по целинной земле Нина Ивановна, жена «декабристка», ощутила прелесть будней и ворох проблем. Поселилась семья в общежитии, т.е. в землянке, где в двух комнатках было 12 жильцов, среди них трое маленьких детей. Весной около дома пришлось разбивать огород. Земля там успела промазутиться, но всё-таки была надежда, что будет кормить. Продуктов до 1958 года почти не было. В магазине из круп можно было купить только пшено. Вода в колодце и для питья, и для помывки, и для огорода. Позднее соседи отселились, а Новиковы так и прожили в избушке на улице Целинной более 50 лет. Здесь выросли их дети. Нина Ивановна тоже работала в совхозе «Заря коммуниз-

ма». Вся жизнь была у этих людей посвящена целине.

Нет сейчас памятной доски на доме, не стало, к сожалению, недавно и супругов Новиковых. В совхозе (сейчас ЗАО) «Комсомольский» работает инженером их сын В.В. Новиков, агрономией занимается внук молодой кандидат наук С.В. Чижков. Семья на целине пустила корни.

В начале целинной истории всех приезжих людей расселяли сразу по квартирам. Обычно селили по три – четыре человека к хозяевам. Даже приехавший сюда работать первый директор совхоза «Комсомольский» М.Г. Голованов жил на квартире в Адамовке, прежде чем перебрался к месту строительства совхоза.

Местные жители к приезжим относились по-разному. Адамовцы, люди постарше, порой были озадачены наплывом молодёжи, так как это сулило неудобства. Старожилке Дарье Васильевне сегодня 87 лет, а в те годы она была хозяйкой маленького дома и большой семьи: муж, свекровь, двое деток, да на постое три племянницы из совхоза. Только что отстроили домик, и тут пришёл человек из поссовета с предложением взять на подселение девушку-землеустроителя. «А нам самим тесно, — вспоминает Дарья Васильевна. — Барышня оказалась привередливая. Помнится, были у

неё капроновые чулки, она каждый вечер их стирала. От нас требовалась для стирки тёплая вода. Колодец от дома находился далеко. К тому же воду надо было греть на плите, т.е. топить её дополнительно. Поди угадай, когда постоялица придёт с работы. За жильё хозяевам никто не платил, ни поссовет, ни квартирантка. Зато она жаловалась, очевидно, на бытовые условия, так как моему мужу на работе делали замечания, что девушку обижают. Поэтому мы не очень были рады приезжим». А молодое население встречало приезжих целинников тепло. Новосёлы везли с собой перемены, общение с ними сулило встречу с новыми идеями и жизнью «не как у нас».

Постепенно вырастали щитовые («щелевые», как оказалось на практике) дома, куда вселялись счаст-

Первый директор совхоза «Комсомольский» М.Г. Голованов

ливчики. Кроме проблем с жильём были и другие. В дневнике юной целинницы о той поре записано: «23 мая. Второй день дует сумасшедший ветер с пылью, с песком, и на улицу не хочется выходить. Да я, собственно, мало и бываю. На работу, с работы и всё».

24 мая. Работаем, работаем. На личные дела не хватает времени. Автор записей работала вожатой в Доме пионеров. Даже в помещении она ощущала непогоду. Каково же в пыльной буре было механизатору в поле? 23 мая — это ещё время посевной, от ветра не спрячешься. Пыльная буря мстила людям за потревоженный покой степи.

Вспоминает бывший работник райкома ВЛКСМ: «В командировку в «Озёрный» пришлось добираться на поезде по узкоколейке. До станции Адамовка пришлось идти в два часа ночи. Я ужасно боялась, на дороге жгли какие-то костры, и пришлось обходить. В «Озёрный» приехала в 7 часов утра. Секретарь комсомола там парень хороший, простой. Возил он меня утром на мотоцикле с ветерком. Степь кругом — ох, хорошо! Заехали во 2-ю комсомольско-молодёжную бригаду. Она не соответствует такому громкому названию. Ни радио, ни газет, ни книг, ни даже умывальника нет. И живут. Молодцы парни, очень симпатичные. В Адамовке всё же как-то лучше».

А вот типичная январская картинка тех же лет. Место действия Адамовка, где лучше, чем в совхозе. Из того же дневника: «29 января. Угля нет, холод. Что делать? Где брать уголь? Ночью чуть снегом не

замело. Поднялся страшный ветер, метель. У нас открыло все форточки и метёт снег. И смех, и слёзы. Ну что придумать? Зима в этом году отличается своими морозами и метелями. Люди в степи замерзают, пока идёшь на работу — щёки белые! Не хочется из комнаты выходить и в холодной комнате ой, как плохо...» И ещё любопытная запись: «Зашёл Ваня Салынский — инженер по технике безопасности сельхозуправления. Хороший парень. Долго болтали. Он сказал, что мы — хорошие девчонки, но романтики в нас полно, которая никому не нужна. Наверное, тысячу раз прав этот Ваня...» Время показало, что девчата всё-таки прижились на целине, знать, романтика помогла... Дневники вели немногие.

В 1954 году секретарём Адамовского райисполкома работала М.Г. Жунусова (1924 — 2007 гг.). В 2004 году она была гостьей в нашей школе и вспоминала о начале целины: «В 1954 году было решено создать четыре новых совхоза. То были «Адамовский», «Восточный», «Тобольский», «Озёрный» — сейчас они все вне территории Адамовского района. В 1956 году основали ещё три совхоза: «Комсомольский», «Буруктальский», «XIX партсъезда». При совхозах создавали сразу сельсоветы. Но административной работой мало кто хотел заниматься. Людей приходилось уговаривать. Объяснялось всё просто: у рабочих зарплата была около полутора тысяч, а у работника сельсовета — около четырёхсот рублей. В 1957 году колхозы района были реорганизованы в совхозы, например, из трёх колхозов — один совхоз, а также совхозы

создавали на базе МТС: Адамовская МТС – совхоз «Заря коммунизма», Аниховская МТС – совхоз «Аниховский», Брацлавская МТС – совхоз «Брацлавский», Каиндинская МТС – совхоз «Советская Россия». Из первоцелинных совхозов в границах Адамовского района остался сейчас только совхоз «Комсомольский». И уже в 1957 году стали людей награждать медалью «За освоение целинных и залежных земель». Медали вручали в июле 1957 года. В районе к награде были представлены более тысячи человек».

Марьям Гибатовне приходилось вместе с руководителями района ездить по совхозам и вручать медали. «Но вручили не всем удостоенным, так как многие уже к лету 1957 года уехали с целины, — вспоминала она. — В конце 1956 года появились и первые Герои Социалистического Труда в Адамовском районе. Их было семеро: директора совхозов М.Г. Голованов, И.Д. Задремайлов, В.Д. Балабанов, первый секретарь райкома КПСС В.А. Теляковский, председатель райисполкома Е.Е. Рогов, директор Каиндинской МТС К.В. Ерёмкин и комбайнёр С.П. Лычагин. Кроме награды им вручили по машине «Победа». Тогда это был новый автомобиль.

Открытка образца 1950-х гг.
(из архива Квашеновой Л.М.)

Но чья-то машина так и осталась невручённой, чей-то труд – не оценённым».

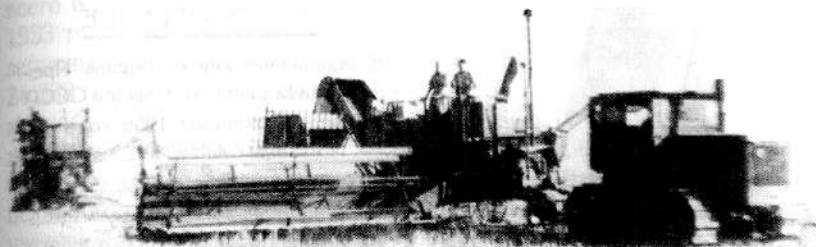
По случаю торжеств и юбилеев нет-нет, да и будоражит обида коренных жителей целинных сёл. Кого-то обошла награда, доброе слово и внимание. Юбилеи проходят, уступают черёд новым, а люди стареют и уходят навсегда.

*«Золота престиж во всём
заметен.*

Но давайте к истине лицом:

Золотые руки ценят медью...»

– написала оренбурженка Антонина Мелешко. Такое отношение к людям в масштабах истории привычно. Поэт Андрей Дементьев такой рас-

Жатва 1955 года. На комбайне –
Я. П. Выдренко

клад объяснил философски: «...в нашей юдоли земной всё в излишках противоречий...» Только отдельному человеку от этого не легче, тоже хочется внимания.

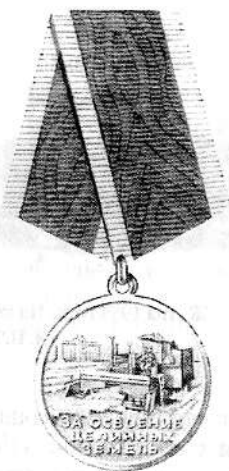
...Местных жителей, условно первоцелинников первой волны – переселенцев эпохи С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, аграрные реформы коснулись не раз. И целина была в их жизни не единожды. Молодёжь, поднимающую целину с 1954 года, тоже называют первоцелинниками, а местных жителей в таком случае правильнее называть целинниками с вековым опытом.

Передел земли в ходе коллективизации 1920-30-х годов в пользу колхозов больно ударил по крестьянам. В 1929 году был создан в Адамовском районе Актюбинской области первый зерносовхоз – «Каинды–Кумакский».

А следом стали образовываться колхозы с «поэтическими» названиями: им. Ленина, им. Сталина, им. Ворошилова, им. Молотова, им. Будённого, им. Калинина, им. Чапаева, им. Шверника, им. Куйбышева, им. Димитрова, им. Кирова – почти весь советский ареопаг на карте района. Рядом появились колхозы,

обещавшие «Путь к социализму», «Новый быт», шедшие «По стопам Ленина», а рядом колхозы «12 лет Октября», «Большевик», «Красный Октябрь» и «Победа». Как по всей стране, колхозы помогали создавать пролетарии. Например, в Адамовке первым председателем колхоза в 1929 – 1932 годах был шахтёр из Донбасса Н. Ковалёк. Таким образом, весной 1933 года коллективное строительство в районе одержало решающие победы, коллективными объединениями было охвачено от 95 до 98 процентов всего крестьянского посева и средств сельхозпроизводства. Создание колхозов и совхозов не привело к сытой жизни. Случилось выравнивание в бедности, хотя «Когда воспевали зарю коммунизма, им были обещаны райские кущи...», – писала наша современница А. Мелешко.

По данным Адамовского районного архива, в 1933 году процент коллективизации в районе составлял 92 процента, то есть 5 944 человека, это 75 процентов от трудоспособного населения. Всего трудоспособных в

Б № 371686

то время в районе проживало 8 186 человек. В основном это было казахское население — 3 955 хозяйств (7 073 едока), примерно 23 процента населения района было русскоязычным — 851 хозяйство (1 634 едока). Любопытно, что по переписи 1920 года на территории Адамовского района было 22 украинских поселения с числом жителей 11 951 человек. Количество украинцев резко уменьшилось после голода и эпидемии тифа в 1921 году. Людей косила смерть, многие переселенцы с Украины решили вернуться на родину и уехали. Кстати, уезжали и от непонятной поначалу коллективизации. Плотность населения в 1933 году в районе была всего 2,56 человека на квадратный километр. Четверть населения колхозом не прельстилась. Люди уходили из села на соседние стройки: на

Магнитострой, на железную дорогу «Троицк — Орск». Поэтому рабочих рук в районе тогда не хватало. Например, в зерносовхозе «Каинды-Кумакский» в 1933 году было 6 отделений, 4 животноводческие фермы и нехватка 1 050 рабочих рук.

В землепользовании много лет преобладал экстенсивный способ ведения хозяйства. В 1935 году колхозы района освоили своими силами 22 100 гектаров целины, в 1953 году освоено было уже 56 700 гектаров целинных земель, а за 1954 — 1955 гг. обязались освоить 311 000. Планов громадье впечатляет, но ведь опыт у колхозников уже был. Обратимся к примеру опять того же, самого крупного в те годы хозяйства района — зерносовхозу «Каинды-Кумакский». Его посевная площадь к 1933 — 34 гг. составля-

УДОСТОВЕРЕНИЕ

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1956 года

Вячеслав Яков
Петров

от имени Президиума Верховного Совета СССР награжден медалью «ЗА ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ»

От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена

3 июля 1957 г.
Яков Вячеслав
(Адресован и вручен лицу, указанному в документе)
М. П. *Адамовский район*
(при вручении медали)

ла 80 468 гектаров, а урожайность всего 6 ц/га, валовой сбор зерна в 1933 году составил 482 808 ц. Под зерновыми к 1941 году было занято 24 238 гектаров земли. Почти столько же, 24 500 гектаров, будет распашано в угодьях совхоза в 1954 — 56 годах, то есть с началом массового целинного подъема зерновой клин увеличился в совхозе вдвое. Несмотря на почтенный возраст хозяйства по сравнению с новыми, родившимися в 50-е годы совхозами, совхоз «Каинды-Кумакский» тоже считается целинным. В 1956 году он один сдал государству 277 808 ц зерна, хотя плановая урожайность зерновых там намечалась всего 6,7 ц/га, не намного больше, чем в 30-х годах.

В этом хозяйстве с центральной усадьбой в селе Теренсай жили трудолюбивые люди. Они оказались в

гуще дел в период освоения целины. Станция Теренсай была тогда узловой. Здесь встречали первоцелинников, сюда поступали грузы и техника. Отсюда разъезжались новосёлы дальше по району. Из воспоминаний М.Г. Жунусовой: «Весной 1954 года приехали первые целинники. Одна девушка из приезжих подошла ко мне на станции и спросила: «А что, у вас недавно был пожар? Почему дома без крыш?» Она впервые увидела землянки, которые имели плоские азиатские крыши». Местные жители не только приютили приезжих, но и стали надёжной рабочей остью целины. Там, где в совхозах работала одна молодёжь, там чаще бегали с ведром за компрессией, как описывал свои старания на полевом стане Юрий Черниченко. Опытные механизаторы не метались, они

Г № 111859

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Тов. *Вячеслав Яков*
Петров
Колбасинер
совхоза *Каинды-Кумакский*
Адамовского района
является участником
ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ВЫСТАВКИ 1957 года
и НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ
УЧАСТНИКА ВСХВ

Главный комитет ВСХВ
Москва *Сенат-горск* 1957 г.

подъём целины воспринимали как очередную необходимость. Им предстояло работать и учить молодых. А ещё у них был дом, семья, а значит, двойная ответственность. Приезжий целинник мог всё бросить и уехать. А местный работник — нет. У него уже была закалка тяжким трудом прежних лет в экстремальных условиях неласкового климата и нелёгкого быта, выработался иммунитет к проблемам. Он умел терпеть.

Оправданно ли предположение, что если у местных жителей был тут дом, то и жизнь была легче? Легче ли? Как в любом случае, нельзя обобщать. Судьбы одного человека может хватить для иллюстрации образа пахаря-целинника, так как лёгкой жизнь в этих краях ни у кого не была.

Того, о ком хочу рассказать, можно было бы назвать нетипичным целинником, хотя и целину поднимал, и медаль за неё имеет. А история такова.

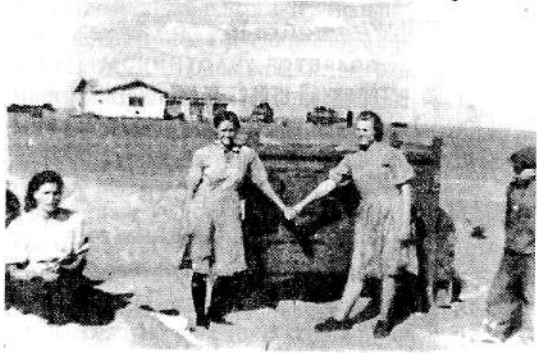
Жил этот человек тихо, скромно, с достоинством и любовью к земле. А ещё любил свою большую семью, в которой росло девять детей (родных и неродных). Любил пряники

и украинские песни. Героем себя не считал. Нос не задирает, даже умер с улыбкой на лице — просветлённо и тихо, как и жил. «Трудоголиком» звали его соседи и родные. В свои 90 лет Яков Петрович Выдренко жалел, что не всем успел помочь, что осталось у него незавершённые дела.

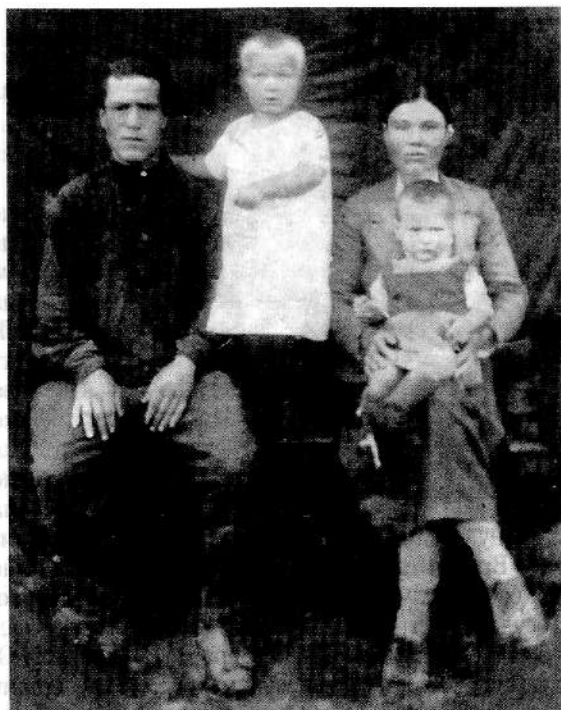
Родители Якова Петровича на заре XX века перебрались в Кустанайскую область с Украины. Семья была большой. Началась 1-я мировая война, старший брат Якова ушёл на фронт. Мать с отцом вскоре заболели тифом и умерли. Младшие дети остались сиротствовать. Яков Петрович вспоминал, как шестилетним ребёнком — голодным и несчастным, пришёл к богатому соседу в момент обеда: «Стою я в своей рваной свитке и смотрю, как люди едят. А сосед спрашивает, чего мне надо. Говорю, что кушать хочу. А он мне отвечает, мол, еду надо заработать». Ничего, ни взять — картина «Чаепитие в Мытищах» В. Перова. Мальчику дали заработать — отправили чистить навоз на подворье. Мало чего мог сделать малыш, но старался как мог, за кусок-то хлеба. Так он стал батраком. Трудно было, убегал не раз от хозяина в соседнюю деревню.

Однажды пригнали его чужие дед с бабкой, отмыли и накормили. А ещё они угостили Яшу пряником. То было самое лучшее лакомство, какое он ел. Запомнился вкус пряника на всю жизнь. Когда Яков вырос и

Девчата-колхозницы
у молотилки на току.
50-е годы

Семья Малаховых: Емельян
Алексеевич, Зинаида
Назаровна
с дочками.
Снимок сделан
до начала Великой
Отечественной войны

стал зарабатывать деньги, он всегда старался иметь при себе пряники. И в старости в особой чёрной сумке держал их запас. Пряники сам он не ел, а угощал ими внучат, других малышей.

Батрачил Яков несколько лет, пока вернулся с фронта старший брат, и стали они жить вместе. В 1929 году сосед собрался переезжать в Адамовский район, где с колышка начиналось строительство совхоза «Каинды-Кумакский». Сосед ехал туда работать директором. Позвал он и братьев Выдренко с собой.

Якову было уже 20 лет, за спиной три месяца церковно-приходской школы, специальности никакой. Несколько человек от совхоза отправили учиться на механика, среди них и Якова Петровича. Он вспоминал, что во время учёбы было голодно и холодно — ловкие однокашники отбирали деньги, выданные в совхозе, и пропивали их. К тому же, базовых знаний не хватало. Яков терпел, терпел, да и бросил учебу, вернулся в совхоз. Товарищи его, завершив учебу, стали механиками, а он мог работать только трактористом. Так начался его земледельческий опыт:

пахота, посевная, уборка и так по кругу. Совхозу нужен был хлеб. Надежду возлагали на подъём целины, пахали залежные и новые земли. Механизаторов на селе уважали.

Пришло время, и Яков Выдренко женился на бойкой Полине. У неё уже был свой сын, а до 1941 года родили они ещё троих детей. Всё было ничего, да началась война. Яков Петрович получил бронь, так как был опытным и старательным трактористом. И Григорий Старовойтов бронь имел, и Павел Ерёмченко. Со Старовойтовым они вместе на курсах учились. Григорий — механик, а Яков недоучка-тракторист. Но знал он и чувствовал, будто живой организм, нутро и комбайна, и трактора. В опыте сравнивались они друг с другом. На них надеялись в хозяйстве.

Беда пришла не спросясь: жену

З.Н. и Я.П. Выдренко, 1960-е гг.

Полину осудили на пять лет тюрьмы. Врагом народа она не была, а по бабьей глупости сделала аборт. Государство грех не простило. Война шла, а власть всё равно приглядывала, кто, где и чем занимается. Остался Яков с четырьмя детьми один. День напролёт он на работе, дети хозяйствуют дома сами — плохо им без материнского глаза. Вот в 1948 году и сошёлся Яков Петрович с вдовой Зинаидой Назаровной Малаховой. У неё было двое деток, да у него четверо — Яков решил, что прожить вместе им легче, чем в одиночку.

Зинаида к тому дню тоже натерпелась лиха. Её первый муж — кудрявый красавец, балагур и весельчак Емельян Алексеевич Малахов — до войны работал в совхозной пекарне. В 1942 году, в январе, забрали его на войну. Спустя три месяца при слал письмо, что скоро отбудет на фронт. Зинаида торопилась связать носки, собрать посылку. Не успела — пришла «выключка», то есть похоронка. Не известно, где погиб муж: то ли по пути к фронту поезд попал

под бомбёжку, то ли уже на передовой под Москвой убило. Долго Зинаида Малахова убивалась с горя. Любила она Емельяна, да что поделывать, жить надо, ведь рядом с ней были четверо детей. Вскоре после гибели мужа случился пожар, сгорела хата Малаховых, погибли в огне

дочка Тамара и сынок Вовка. Зинаида вынесла и это горе. Работала она дояркой на 2-й ферме. На дойку ходить надо каждый день, без выходовных. Однажды поздней осенью, уже потемну, возвращались доярки с дойки. Дорога вела через поле. По пути попался ворох скошенных подсолнухов. Женщины набрали несколько шляпок в фартуки. Если обмолотить — всё еда ребятишкам. Наутро к Зинаиде постучался бригадир Савицкий: «Малахова, брала семечки?» — «Брала», — бесхитростно сказала Зинаида и показала сито с обмолоченными семечками. Тут же взвесили, оказалось 1,200 кг. Подъехал «воронок» и увёз Зинаиду. Посадили её за кражу народного добра на один год. Дочка Вера вспоминала, как они с сестричкой, взявшись за руки, шли по дороге за машиной и плакали. Мать успела сунуть детям записку с адресом бабушки, что жила в Кустанае. Соседка написала той письмо, приютила детей до её приезда.

Спустя год Зинаида Назаровна вернулась домой. Опять пошла

работать на ферму. Ещё легко отдалась, можно сказать. Одну из сельчанок, осмелившуюся сорвать колоски в поле, увидел управляющий отделением совхоза Панчук. Женщина была вдовой, муж погиб, а дома бедствовали и голодали шестеро детей. Управляющий догнал бедолагу на бричке и, не сходя с неё, стал стегать кнутом — так и забил. К утру женщина умерла. Дети пошли по миру, как, кстати, и хлеб, что убрать не успели — лёг под снег. Так и жили впроголодь сельчане. Когда посватался к Зинаиде Яков Выдренко, она согласилась жить с ним. Случилось это в марте 1948 года, а уже в апреле пенсию её детям не принесли. Очень ревностно оберегал государственную казну председатель сельсовета... Яков и Зинаида вместе со всей большой семьёй перебрались

в село Белое Поле, на 3-е отделение совхоза. Дети, его и её, росли все вместе. Когда минуло время, и домой вернулась из тюрьмы Полина, её дети остались с Зинаидой. А потом у них с Яковым родились один за другим ещё трое малышей. Яков Петрович очень жалел и жену, и всех детей. Кроме работы в совхозе, он и огород сажал, по необходимости доил двух коров. Сепарировать молоко Яков не умел, так и сдавал цельное в столовую. Порой приезжала в гости Полина. Садилась за стол все вместе. Яков не бросал новую семью, но и Полину не звал к себе. Зинаида потихоньку плакала, вспо-

Я.П. Выдренко (в центре, с внуком на коленях) среди родных, слева — жена Зинаида Назаровна, середина 60-х годов

СВЕДЕНИЯ О ПОощРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

№ записи	Дата			Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число		
1	1936			За уборку 1936 г. меховым пальто	Книжка № 216 с. 1
				За успехи —	Книжка № 216 с. 2
				За 30 руб.	Книжка № 216 с. 3
1	1969	02	21	За участие в конкурсе «Молодёжь — ударник социализма»	Книжка № 216 с. 4
				за участие в конкурсе «Молодёжь — ударник социализма»	Книжка № 216 с. 5
				за участие в конкурсе «Молодёжь — ударник социализма»	Книжка № 216 с. 6
				за участие в конкурсе «Молодёжь — ударник социализма»	Книжка № 216 с. 7
				за участие в конкурсе «Молодёжь — ударник социализма»	Книжка № 216 с. 8
				за участие в конкурсе «Молодёжь — ударник социализма»	Книжка № 216 с. 9
				за участие в конкурсе «Молодёжь — ударник социализма»	Книжка № 216 с. 10

Запись в трудовой книжке Я.П. Выдренко о награждении его за уборку 1936 г. меховым пальто и премией в 30 рублей - в 1969 г.

миния Емельяна, но дом вела. Дети, родные и приёмные, привыкли к Якову Петровичу и любили его.

И в войну, и в послевоенные годы Выдренко трудился в совхозе самоотверженно. Он часто подбадривал своих помощниц-девчат, что работали с ним в звене. Молодёжь трактористок накормить он не мог, словом утешал. Вспоминал позднее, что однажды ему приказали выгрузить зерно в землянку-временку посреди дальнего поля. Отвёз, выгрузил. Оказалось, что начальство совхозное всю зиму потом торговало тем зерном, когда рядом пухли с голода односельчане.

Было и такое: решил однажды по-своевольничать Яков Выдренко. Во время уборки раздал мешок ячменя женщинам по звену, кому сколько хватит — «подкормил», но пришлось вернуть весь ячмень. Приставили

пистолет к виску и проводили Якова в Адамовку, в следственный отдел. Допросили и, на удивление, отпустили. Пожалели? Очевидно, взяли во внимание, что не себе же Выдренко ячмень взял, а людей накормить хотел. Не было корысти в его поступке, жалость одна. Запомнился надолго неудачнику-«кормильцу» холод металлического дула у виска.

За годы войны в совхозе «Каинды-Кумакский» вырастили для государства 154 тыс. ц зерна, надоено было 4 863 ц молока. В этом богатстве есть доля труда и механизатора Якова Выдренко и доярки Зинаиды Малаховой.

Яков Петрович был членом КПСС, бывало, вечером собирались в его хате рабочие, проводили политинформации и политзанятия. Ребятишки на печке теснились, а взрослые у стола с керсиновой

лампой. «И детей своих он учил: октябрёнок ли ты, пионер, комсомолец, ты уже принадлежишь к партии, только стоишь ступенькой ниже самого высокого звания. Достичь вершины — это значит честно трудиться, любить и понимать людей», — так о Якове Петровиче потом написала в сочинении его правнучка третьеклассница Анюта.

В середине 50-х годов с началом массовой распашки целины работы в совхозе прибавилось. Теперь Выдренко приходил домой за полночь, весь в пыли, усталый. С зарёй снова отправлялся в поле. Маленькая дочка носила отцу еду прямо к комбайну, иногда за 5 — 6 километров. С отцом работали подростки-сыновья, с 14 — 15 лет они умели уже обрабатывать землю техникой. На местных механизаторах лежала в совхозе основная работа. Молодым приезжим целинникам земля была всё-таки чужой и поддавалась хуже.

Что целина надвигается как шквал, жители маленького Белополья хорошо ощущали: мимо по дороге из Теренсей шла техника, ехали люди, везли грузы со станции. Зинаида Назаровна в своей землянке не раз принимала приезжих, если в непогоду они не могли пробиться по дороге. По 5 — 10 человек ночевали у Выдренко. Гостиниц тогда в сёлах не было, благоустройства тоже. Свет электрический появился в Белополье лишь в 1957 году, вода питьевая выдавалась по норме, её привозили из села Карабутак, что за 20 километров. Первую скважину с солёной водой открыли тоже в 1957 году. Бытовых трудностей хватало с избытком, их приходилось делить как

местным жителям, так и приезжим.

На таких людях, как Яков Выдренко, держались старые совхозы и новые хозяйства. Когда ломалась техника, на помощь звали опытных механизаторов. За добросовестный труд в январе 1957 года он был удостоен ордена «Знак Почёта» в числе 1 583 целинников, в июле того же года он получил медаль «За освоение целинных и залежных земель», а в сентябре 1957 года стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (заочно) в Москве и представлен к золотой медали. Награду ему вручали в совхозе. В семейном архиве хранятся его многочисленные Почётные грамоты и благодарности за труд.

Все главные свои награды Яков Петрович получил в один год. И в тот же год он заболел, словно надломился. Лечиться пришлось долго и трудно в областной больнице. Врач как-то сказала, что умирать ему нельзя — дети, мол, семья. Он и не собирался умирать и из больницы, улучив момент, сбежал. А дома по селу уже прошёл слух, что Выдренко умер. Старшая дочка училась в Теренсейской школе, ей кто-то сказал о кончине отца и она с плачем кинулась домой в Белополье, что по полям около 10 вёрст. Когда Яков Петрович прямо с поезда зашёл в сельсовет, то председатель сначала страшно удивился «живому покойнику», а потом потихоньку позвонил в Белополье — дал отбой траура.

Выдренко получил инвалидность, перешёл на лёгкий труд. Комбайнёр со стажем стал обслуживать совхозный ток, всю его технику, электродвигок. У добросовестного человека

лёгкой работы в страду не бывает. Яков Петрович всегда безотказно помогал в ремонте машин, был мастером на все руки.

В 1967 году он похоронил жену. Дети выросли и разлетелись. Он ещё долго жил один, а потом построил домик в Теренсае и перевёз туда семью дочери Веры. Когда ему исполнилось 75 лет, Яков Петрович переехал жить к другой дочери, Тамаре Яковлевне, в Адамовку. Здесь он прожил последние свои 15 лет. Будучи уже старым человеком, Яков Петрович не сидел без дела. Он то огород полон, то с косой бежал в сквер у братской могилы, что под окнами районной администрации, и выкашивал там траву. И обязательно покупал свежие пряники для ребятишек. А в майские праздники старик частенько плакал: никто не поздравлял его с Днём Победы, а ведь далась она ему на трудовом фронте нелегко. Поставил на ноги девятерых детей, никогда никого не обидел, обиды в свой адрес прощал. Однажды, в начале 60-х годов, когда Яков Петрович на току работал, случился казус. Выступил он на партийном собрании с замечанием, что хлеб отгружается не по назначению. Задел, видимо, этими словами директора совхоза, и тот быстренько урезал ему зарплату в полтора раза. Зинаида Назаровна ругалась потом, что честность Якова не к месту и партийный билет ни к

чему. Билета Яков Петрович не выбросил, шум стерпел, надеялся — всё образуется.

В Адамовке Выдренко подружился с Марией Ивановной Хмель. Она была его ровесницей, в 30-е годы работала в Теренсае, была в районе первой женщиной-трактористкой и водителем. Начинала она с трактора «Катапилар», а затем шоферила на «Форде», «ГАЗонах», «ЗИСах». Комбинезон, кепка и задор в глазах — этакая адамовская «Паша Ангелина»... С Яковым Петровичем вспоминали они молодые годы, шутили, отчего не подружиться раньше. — Да к тебе тогда, — говорил Яков Петрович, — и подойти-то было страшно — такая активистка была! Маленькой радостью в последние годы были для него письма из Киева от первого директора совхоза «Каинды-Кумакский». Он предлагал помощь Якову Петровичу, слал приветы.

Тихо, в семейных хлопотах скротал Яков Петрович последние годы жизни. Когда умер, теренсайцы соболезнования родным не выразили: нет совхоза «Каинды-Кумакский». Остался в советской истории его преемник — совхоз «50 лет СССР», а ЗАО «Теренсайское» — детище уже рыночного времени. Хорошо, что хоть дети и внуки берегут отцовские регалии и помнят вкус пряников Якова Петровича, почтенного целинника из Теренсаа.

СТИХИ ПО КРУГУ

**Лидия
ЖУРБА**

п. Адамовка

На проталинке—ладошке
Нет других цветов. Один
На мохнатой, хрупкой ножке
Синий, синий снега сын.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Мне бред с лица
Смахнула молния.
Свет резанул глаза до слёз,
Я этот миг навек запомнила,
Хоть в жизни много было гроз!
Как будто кто позвал неведомый
Сгореть в немыслимом огне...
Я поняла, что стал победою
Тот свет над сумраком во мне.

ПРОЛЬЮСЬ ЛИ КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

Когда-нибудь, когда-нибудь
Я стану грозовой тучкой,
Ты ветром свой продолжишь путь
И снова будем неразлучны.

Прольюсь ли капелькой дождя,
Слезой святого неба жгучей,
Ты — колос — выпьешь всю меня,
И снова будем неразлучны.

Я белой птицей обернусь
Или звездой далёкой стану,
Меня догонит твоя грусть
Через моря и океаны.

Не потому ль, не потому,
Пройдя всей жизни этой муки,
Без страха мы приемлем тьму
И словно встречи ждём разлуки.

Живём по принципу:
Вам хорошо —
Мне плохо,
Ни зависти, ни злобы
Не скрывая:
Не жалко, что своя корова
Сдохла,
Жаль, у соседа до сих пор
Живая.

Почему-то голуби исчезли...
Объясненья нету, хоть убей.
Сиротливо небо, бесполезно.
Небо ведь — оно для голубей...

ТЫ УХОДИШЬ...

Ты уходишь от плохого,
Стало быть, к хорошему...
Что ж туманятся глаза
Да слезой непрошеной?
Что случилось? Что стряслось?
Всплыло иль забылось?

Пашка, орущий из темноты, напомнил мне меня самого, когда я был таким же мальшом. «Напомнил» — странное слово по отношению к себе. Я — малыш. Да, теперь это — лишь воспоминание, моя мысль, не более. Сейчас мне самому трудно поверить, что я на самом деле был таким же, как Пашка. То время не вернется никогда. А ведь это я шлепал здесь по пескам, босой, загорелый. Ловил судаков, сазанов. Ведь это я тащился за отцом с длинными удлищами, спотыкаясь о кочки болот, в черные, чудесные весенние ночи. Вот здесь, под яром, против Поколотой старицы, мы сидели на зорях с отцом, не видя вокруг ничего, кроме красноватого поплавка из коры, покойно качающегося на мелкой зыби розоватой реки.

Из-за леса вставало большое, горячее солнце, курились земля и травы, над водою подымался белесыми клубами густой туман, мягко журчал Урал, металась рыбешка на перекатах, по озерам озабоченно крякали проснувшиеся утки.

Мог ли я, мальчишка, тогда думать, что этот, такой обычный, простой и чудесный мир когда-нибудь уйдет от меня? Сейчас я не могу себе представить, что я когда-нибудь не буду ходить по этой земле, перестану дышать ее теплыми запахами.

Над пароходом, над моей головой, в черном клочкастом облачном небе летела казара. В глубокой заводи под яром тяжело взметнулась какая-то крупная рыба. Так же, как четверть века назад, на ятови переваливался жирный осетр, а вверху гоготали гуси, пересекая мир с севера на юг.

«Да, — думал я, — широка и прекрасна земля, и как же надо любить ее!»

1933 год.

Владимир Павлович Баклыков родился в 1965 году в г. Невьянске Свердловской области, работал учеником слесаря на Оренбургском машиностроительном заводе (ныне ПО «Стрела»). Окончил МВТУ им. Н.Э. Баумана, вернулся на родной завод инженером-конструктором. С 1995 года в журналистике. Работал заместителем редактора газеты «Вечерний Оренбург», директором газеты «Патриот Оренбуржья», пресс-секретарём главы администрации Оренбургской области. Лауреат Всероссийской премии движения «Яблоко» — «Вопреки» (им. Ларисы Юдиной). В настоящее время пресс-секретарь Оренбургского войскового казачьего общества, главный редактор газеты «Станица Славянская».

Владимир БАКЛЫКОВ

АНДРЕЕВСКИЙ АФОН

Когда в 1981 году тяжелобольной схииерхимандрит отец Серафим (в миру Михаил Константинович Томин) со слезами покидал Свято-Пантелеймоновский монастырь, что на Святой горе Афон, на пирсе к нему подошёл греческий старец. «Падре Серафимос! — сказал он. — Не плачь! Божья Матерь умолила Сына своего, чтобы Господь послал тебе эту болезнь и ты через неё открыл бы дивный афонский монастырь в России». Через пятнадцать лет стараниями отца Серафима на оренбургской земле возник Свято-Андреевский мужской монастырь.

ВО ИМЯ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Монастыря в селе Андреевка, что в Саракташском районе, не было никогда. Более того, до начала прошлого века ближайшая церковь находилась в соседнем Петровском, куда и ходил богомольный люд.

После отмены крепостного права часть земель и дом управляющего в

Храм во имя Архангела Михаила — один из красивейших в Оренбургской епархии

Андреевке приобрёл купец первой гильдии Михаил Алексеевич Чистозвонов, исполнявший обязанности писаря у оренбургского губернатора.

Человек глубоко верующий, он прекрасно понимал роль православного храма в селе. Ведь именно здесь проходила граница с Уфимской губернией, а за холмами, называемыми в народе Андреевскими Шишками, начинались башкирские поселения. Так что православная церковь сразу становилась здесь духовным форпостом. С другой стороны, в Андреевке в то время проходили широкие ярмарки. Купцы же тогда знали, что торговля, как и любой бизнес, будет успешной лишь в том случае, если есть на то благословение свыше. Поэтому перед началом ярмарки всегда проходил молебен.

Вот потому-то Чистозвонов и организовал в Андреевке производство изразцового кирпича на яичном желтке, из которого были возведены две часовни, дом священника,

церковно-приходская школа и храм Святого Архангела Михаила. Позднее на горе за храмом была возведена часовня во имя Святителя Николая.

Освящение храма состоялось 24 сентября 1901 года. Церковь строилась по прекрасному архитектурному проекту. Кроме того, купец приобрёл для неё дорогой иконостас. По тому времени это был богатейший храм. Службу здесь вели священник и диакон вплоть до 1930 года, когда в стране началась активная борьба с религией. Священника и диакона арестовали, а позже расстреляли. Досталось и храму: колокола и кресты сняли, иконы сожгли, полы разобрали. Шестьдесят девять лет здесь был колхозный элеватор. В доме священника поначалу сделали сельсовет, но после того как Андре-

евку присоединили к Петровскому и сельсовет стал единым, дом оказался бесхозным. С часовен в селе сняли крыши, а здание на горе вообще разрушили. Сегодня там остался лишь фундамент. Единственное, что сохранилось в целости, — это сельская школа.

Удивительно то, что уже в разгар экономических и политических преобразований надругательства продолжались. В середине 90-х Петровский сельсовет решил разобрать оставшиеся постройки, а кирпич продать. Уже до половины разобрали дом священника и начали ломать сторожку возле храма. По счастью, об этом узнал протоиерей Николай Стремский и сообщил областным властям. Те достаточно быстро умили пыл муниципальных коллег. Вскоре Оренбургскую область посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Вот тогда-то, при его непосредственном участии, церковь в селе Андреевка со всеми постройками была передана Свято-Андреевскому мужскому монастырю, который три года до

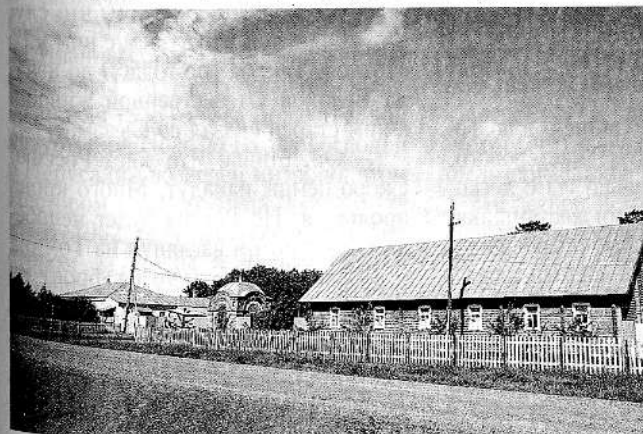
этого ютился в доме отца Серафима. С этого момента начался новый этап в развитии обители.

ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ

Отец Серафим является старейшим монахом не только в Оренбургской области, но, пожалуй, и во всей России. Его монашеский стаж 74 года, из них в священном сане 63 года. Уже с пяти лет он прислуживал в церкви в родном селе Баракове Шарлыкского района. А по монашескому уставу начал жить с 12 лет, в печально известном 1937 году, для чего соорудил келью во дворе отцовского дома. Томина тогда стали звать Миша Баракский. Он сразу стал известен не только жителям села и окрестностей, но и правоохранительным органам. На фоне борьбы с «опиумом для народа» юный монах был словно белым в глазу. «Вразумить» его пытались абсолютно все. Из школы, к примеру, его периодически отчисляли. В итоге седьмой класс он окончил экстерном. Родные под нажимом властей старались отвлечь парня от молит-

вы. Доходило до того, что Михаил по ночам убегал на кладбище и молился там.

— Но никто не смог меня переделать: ни школа, ни роди-

Братский корпус и домовая церковь монастыря

Икона Божией Матери «Утоли моя печали» – подарок Оренбургского музея изобразительных искусств

тели, ни власти, ни ГПУ, — говорит отец Серафим.

Серьёзным испытанием для Томина были таланты мастерового. Михаил самостоятельно (!) с лёгкостью овладел секретами жестянщика, кузнеца, печника, краснодеревщика, златошвея. Однажды местные власти попросили покрыть железом школу. Работа была выполнена блестяще. Юноше заплатили 3700 рублей (для сравнения: пуд самой лучшей муки тогда стоил 1,5 рубля). После

его вызвали в сельсовет и предложили за государственный счёт отправить на учёбу в город. То есть открывалась перспектива безбедной комфортной жизни. Единственное условие — бросить молиться.

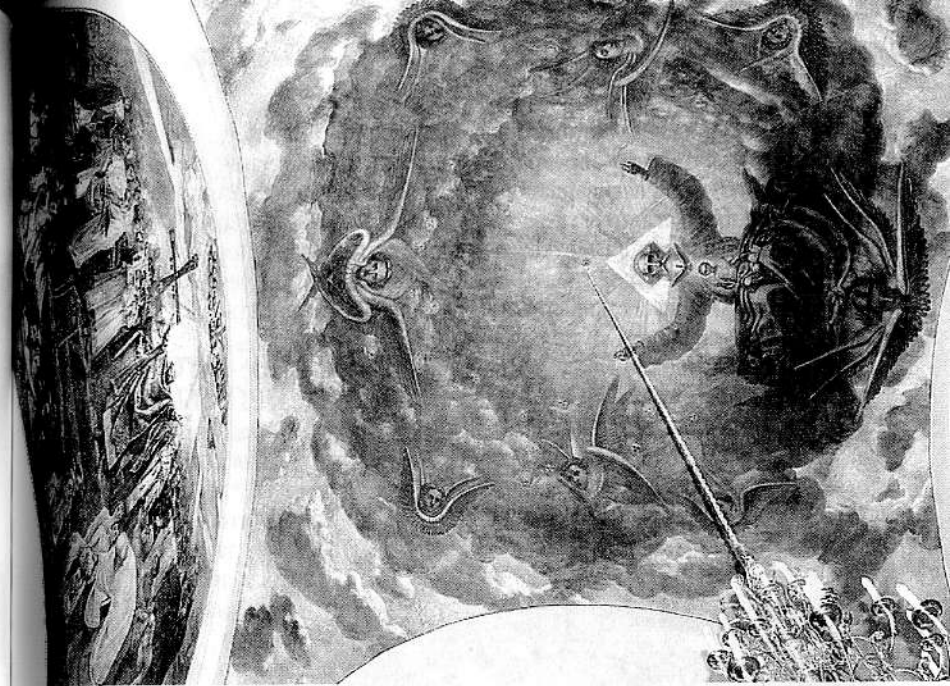
— Если я брошу молиться, — резко ответил отрок, — то буду таким же болваном, как и вы!

Пытались Томину «приписать» контрреволюцию и терроризм. Неоднократно в органы поступали «сигналы» о том, что Михаил участвует в заговорах против Советской власти. Однажды кто-то написал даже, что он готовит взрыв 47-го авиационного завода (ныне ПО «Стрела»). Но при проверке все обвинения рассыпались в прах. Его арестовывали и отпускали.

Духовные отцы, правда, у Михаила были такими, что могли заранее предупредить его о том, что случится в будущем с ним и со страной. Так, за три года(!) до начала Великой Отечественной живший с ним старец сказал со слезами:

— Ой, Миша! Что ждёт Россию! Скоро немцы нападут. Много крови прольётся. Но Россия будет непобедима! — а потом взглянул на Томина и добавил. — Но ты-то на фронт не попадёшь. С одним глазиком останешься.

И вот в августе 1941 года Михаила вызвали в Шарлыкский военкомат для призыва в армию. Вначале

Роспись главного купола храма

он служил в стройбате, потом в эвакогоспитале, а после потери правого глаза в 1943 году был комиссован.

Затем долгое время Томина жил в Средней Азии, где был пострижен в рясофор (11 июня 1944 года) с именем Мисаил, потом (17 декабря 1946 года) — в мантию.

С 1955 по 1976 годы он служит в различных приходах бывшего Союза: от Иссык-Кульской области до Ивановской и от Кировоградской (Украина) до Красноярского края. 25 апреля 1958 года за Божественной литургией в Неделю Входа Господня в Иерусалим возведён митрополитом Нестором в сан игумена.

В 1962 году митрополитом Нестором за труды в пользу Святой Церкви награждён палицей. 24 марта 1970 года Его Святейшеством Патриархом Алексием награждён юбилейным крестом с украшениями.

Шесть лет отец Мисаил ждал

разрешения на выезд в Грецию. И вот в 1976 году он поселился в Свято-Пантелеймоновском монастыре на горе Афон. Здесь он исполнял обязанности эконома, уставщика, игумена. Здесь же был пострижен в схиму. В схиму отца Мисаила постригал схимонах Максим в греческом монастыре перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы «Иверская» 2 февраля 1981 года, потому что в русском монастыре не было схимонахов. Скажем также, что в 210-летней истории Оренбургской епархии никогда не было афонского монаха в сане схиархимандрита.

По возвращении в Россию отец Серафим становится духовником Оренбургской епархии.

В 1982-1985 годах он участвует в восстановлении Свято-Данилова

монастыря в Москве, который за годы Советской власти превратили в колонию для несовершеннолетних. Ему предлагали остаться в Москве, но отец Серафим отказался и вернулся в Оренбург. А в 1988 году уехал в Киев, восстанавливать Киево-Печерскую лавру. Как раз в то время грянул Чернобыль...

За многолетнее служение Церкви в 2002 году он был награждён Его Святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Алексием II наперсным Патриаршим Крестом. А пять лет назад за подвижническое

служение Русской православной церкви Центр национальной славы России и Фонд Всехвального апостола Андрея Первозванного наградили отца Серафима Международной премией Андрея Первозванного «За веру и верность».

«И, ВИДНО, В ТОМ ЕСТЬ БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ...»

Утверждая название монастыря, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II не предполагал, где в конечном итоге он расположится. Название давалось в честь

Святого апостола Андрея Первозванного. Но если вспомнить предсказание афонского старца, то получается, что название монастыря появилось не случайно. И дело даже не столько в названии села, куда монастырь пришёл через три года после создания, сколько в том, что на Афоне был Свято-Андреевский скит, каковой по числу насельников (оно доходило до 700) вполне можно было считать монастырём. Чуть позже, в 2001 году, областной музей изобразительных искусств подарил из запасников две иконы: «Главу Иоанна Предтечи» и Божией Матери «Утоли

На месте разрушенной часовни во имя Святителя Николая

Будущий Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Свято-Андреевском монастыре (23 апреля 2007 года)

моя печали». Последняя была писана в Воздвиженском монастыре на Афоне и являлась покровительницей именно Свято-Андреевского скита. И уж совсем чудесным представляется тот факт, что прямо за храмом находится гора, контуры которой повторяют священный Афон. А рядом с ней ещё две, напоминающие очертаниями библейские Елион и Фавор. На Елионе, кстати, и была в своё время установлена часовня во

имя Святителя Николая.

— Когда покойный владыка Леонтий приехал в Андреевку и увидел эти горы, — рассказывает отец Серафим, — то всплеснул руками и так плакал, так плакал: «Господи! — говорит. — Да неужели Ты перенёс в

мою епархию Афон и горы иерусалимские...»

И вот на этих горах монашеская братия установила православные кресты.

— Крест для христианина вообще является особым символом, — рассказал мне один из монахов. — Возвышаясь на горе, он как бы осеняет местность, даёт ей защиту. Кстати, в Антарктиде раньше с нашими

зимовщиками постоянно происходили несчастные случаи, практически каждый год кто-нибудь погибал. Так продолжалось до тех пор, пока один умный человек не догадался установить освящённый в России крест. Травматизм резко пошёл на убыль!

Но, главное, в чём жизнь оренбургского монастыря напоминает афонскую, так это то, что в нём действует Свято-Афонский устав, самый строжайший. Так, спят монахи всего три часа в сутки. Ночь исползуется для молитвы «за весь мир и за каждого из вас». После пробуждения час молятся в келье. К пяти утра идут в храм на службу, которая нередко продолжается до двух часов дня. Вечером также служба. В общем, монашескую жизнь лёгкой не назовёшь. И не случайно на ограде храма висит табличка, гласящая о том, что вход туристам сюда воспрещён.

**Схиархимандрит
Серафим (Томир)
в храме Святого
Пантелеймона**

Некогда монахам отвлекаться на них. Кроме молитвы, есть ещё и хозяйственные работы, по-монастырски — послушания. Монахи всё делают сами: готовят, стирают, убирают... У монастыря просто нет средств, чтобы нанять работников. Если церкви

живут за счёт прихожан, то в монастыре за молитвы денег не берут, но и молятся не за каждого, а лишь за тех, кого хорошо знают и кто глубоко верует. Помощь принимают также только от верующих.

Всё, что подаётся на трапезу, вырачивают сами. С Божьей помощью это получается неплохо. Даже нуждающимся помогают — одиноким престарелым жителям Андреевки. Скотину, правда, не держат.

— При нашем Уставе мы просто не успеем за ней ухаживать, — поясняет отец Серафим. — К тому же мясо монахи не едят. Лишь изредка, по большим праздникам, позволяем себе молочное. Так что держим только котиков. Они спасают нас от мышей, которые бегут с колхозной крупорушки. Просили мы её убрать, да нужно, сказали, сто тысяч. А где же мы возьмём такие деньги, чтобы сарай переставить? Мои монахи вообще копейки

в руках не держат. А вся денежная помощь от государства — это моя пенсия. Нам с братьями на муку хватает!

Стоит пояснить, что, вступая на путь монашества, человек отказывается от всего земного. В том числе и от имущества. И когда отец Серафим говорит, что дом в Оренбурге, где первоначально располагался монастырь, принадлежит ему, — это означает, что он просто записан на его имя. В действительности же дом с храмом Святого Пантелеймона является частью подворья Свято-Андреевского монастыря.

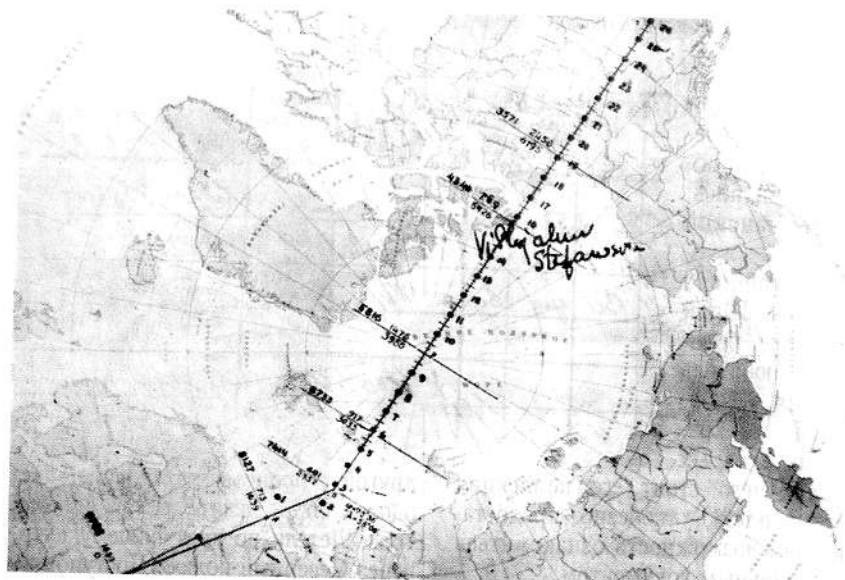
Однако, несмотря на все трудности, желающих стать монахами достаточно. За то время, которое существует монастырь, перед отцом Серафимом прошли сотни. Но отбор очень жёсткий. Не могут стать монахами бывшие заключённые и разведённые (бросившие жену и детей), а также психически больные люди.

Но даже если человек соответствует всем требованиям, то он не

сразу становится монахом. Существует серьёзный испытательный срок (до нескольких лет), во время которого кандидат должен решить для себя — действительно ли он готов посвятить всего себя служению Господу. Всё это время человек будет именоваться послушником.

Сегодня в монастыре тринадцать человек. Настоятелю 85 лет, ещё одному — за сорок. Все остальные моложе. Есть среди них музыкант, окончивший Саратовскую консерваторию, есть бывший преподаватель вуза (выпускник всемирно известного физтеха МГУ), который владеет пятью иностранными языками, есть художник-самоучка, достигший в своём деле мастерства изрядного. Именно его икона осеняет вход в храм Михаила Архангела.

Что ими движет? Почему происходит так, что человек становится на путь монашества? «Это не объяснишь, — комментирует собственное решение отец Серафим. — Призвание!»

Маршрут авианерелёта экипажа Валерия Чкалова

которое указывала стрелка компаса, — строго на север. Помимо трёх членов экипажа и почти шести тонн горючего девятьсот лошадок единственного двигателя несли 115 килограммов икры, ветчины, шоколада, кексов, апельсинов, лимонов, яблок, свежих пирожков с капустой в десяти брезентовых мешках. А также брюки и куртки на гагачьем пуху, унты, вязаные свитеры и рейтузы, малицы, надувную палатку и спальные, примус, лодку, лыжи, ружья,

револьверы, патроны, фонари, бинокль, топорик, кастрюли и сковороды. Забыли, как потом оказалось, про парадные костюмы для встречи с американцами.

Первые четыре часа записи в журнале регистрировали высоту, направление, температуру, скорость. И лишь в 5.08 некоторое расслабление.

«Переложили лодку на заднее сиденье, немного перекусили с Егором», — писал Беляков. Перекусывали без Чкалова. Видимо, тот вёл самолёт первые четыре часа, после чего, сдав вахту, задремал.

Самолёт АНТ-25

Погрузка снаряжения

АНТ-25, детище Андрея Николаевича Туполева (отсюда и название — по первым буквам имени, отчества и фамилии), с 34-метровым размахом крыльев, ничего особенного, с точки зрения военной, не представлял: ни скорости, ни мощности, ни высоты, ни маневренности. Огромные габариты делали его идеальной мишенью для истребителей и зениток. Впрочем, все эти качества в данной ситуации не мешали. Созданный для воздушно-химического нападения, АНТ-25 имел огромные крылья, где могли уместиться большие запасы отравляющего вещества. Чкалов со товарищи заполнил эти ёмкости дополнительным горючим. Один (а не два и не четыре!) мотор тоже шёл в преимущества: мало расходовал этого самого горючего и мог утащить самолёт на немислимо огромное, по представлениям того времени, расстояние. Правда, случись с ним, одним-единственным, что-нибудь над Северным Ледовитым, и помощи, как говорится, господи, трём смельчакам.

НЕ ТАКОВ БЫЛ БАЙДУКОВ

Это был не первый совместный полёт великолепной тройки. Они уже побили мировой рекорд дальности на АНТ-25, но в полёте над территорией страны. За что и стали соответственно девятым, десятым и одиннадцатым Героями Советского Союза. До них этого звания удостоивались лётчики, спасавшие челюскинцев из ледяного плена.

Душой и разумом нынешнего проекта был не Чкалов, превосходный лётчик-испытатель, имевший дело в основном с истребителями. В ином случае он, вероятно, и не подошёл бы к такому увальню, как АНТ-25. Именно Байдуков, а не Чкалов (и последний это безоговорочно признавал) был асом в вождении тяжёлых самолётов, особенно в слепых полётах. Это он обнаружил, что недостатки АНТ-25 можно превратить в достоинства и перемахнуть на нём шарик через Ледовитый океан.

Но придумать такое было мало, требовалось протолкнуть идею через кремлёвские кабинеты. Нужна была личность известная и входящая в эти кабинеты. Сначала Байдуков сделал ставку на известного полярного лётчика Леваневского. Однако при

пробном их совместном перелёте над страной у АНТ-25 забарахлил мотор и дело чуть не кончилось катастрофой. Это напрочь отбило интерес Леваневского к одномоторным самолётам вообще и к АНТ-25 в частности.

Не таков был Байдуков. Следующей его «жертвой» стал Чкалов.

ГЕРОЙ, ХУЛИГАН, СЧАСТЛИВЧИК?

Правда, наряду со славой замечательного истребителя и лётчика-испытателя Чкалов слыл ещё и воздушным хулиганом. За несанкционированные начальством воздушные трюки он неоднократно подвергался серьёзным наказаниям. И при этом оставался в любимцах у Сталина, который как-то даже предложил ему пост наркома НКВД. У аса хватило ума отказаться от подобной милости. Правда, после этого на лётчика было совершено семь покушений. По воспоминаниям сына Валерия Павловича, отец в последние годы жизни ложился спать с пистолетом под подушкой. И гибель его в 1938 году многие склонны считать подстроенным убийством.

Отчаянность и бесшабашность Валерия Павловича шокировали и в то же время притягивали окружающих. Так, назначив место и время свидания будущей жене Ольге, он прилетел туда на самолёте и долго кружил над невестой, выполняя рискованные кульбиты. От его полётов на сверхнизких высотах у местного населения переставали доиться коровы. Как-то Чкалов умудрился попасть в «игольное ушко» — пролетел

под неским мостом в Ленинграде, за что сразу же угодил под арест. За то же самое, правда уже на съёмках фильма «Валерий Чкалов», другой лётчик получил через многие годы орден Боевого Красного Знамени.

Только авторитет и решимость Чкалова смогли замысел перелёта через Ледовитый океан сделать реальностью. Рассудительный, осторожный Леваневский, как мы уже знаем, от предложения Байдукова отказался. Только при очень большом везении, считал он, можно было осуществить подобный перелёт. Для авиаторов всего мира приметы и суеверия — дело наисерьёзнейшее. Чкалова же близкие ему лётчики считали просто патологическим счастливым. Ему действительно всегда сильно везло, вплоть до рокового 15 декабря 1938-го. Повезло и при перелёте в Америку. А вот Леваневскому — нет. Через два месяца после триумфа Чкалова и его экипа-

жа он решил повторить их подвиг. Правда, не на слабосильном АНТ-25, а на четырёхмоторном Н-209, с шестью членами экипажа. Вылетел в августе 1937-го, дал последнюю радиограмму из района Северного полюса и исчез навсегда.

Мало кто, к сожалению, вспоминал о других сторонах характера Валерия Павловича. Таких как бескорыстие, широта натуры. На автомобиле, подаренном советским правительством после знаменательного перелёта, он никогда не ездил один — всегда подбирал идущих по дороге попутчиков. Отдавал последние деньги, если кто-то даже из мало знакомых людей попадал в затруднительную ситуацию. Смело бросался на защиту невинно репрессированных

коллег, добивался их освобождения. Но главными его качествами, без которых долго не проживёт ни один лётчик-испытатель, были хладнокровие, мужество и мгновенная реакция в экстремальных ситуациях. То, без чего, в общем-то, и нельзя было лететь через полюс. Бортжурнал перелёта насыщен записями о малых и больших ЧП во время полёта. Чего стоили постоянные обледенение и густая облачность! Впрочем, что можно назвать малым происшествием на высоте в несколько тысяч метров над Ледовитым океаном? Самое малое происшествие через секунды могло перерасти в катастрофу.

«18 июня

11.00: Обнаружили трещину в мембране уровня секстанта.

17.00: Подогрев открыт полностью. В кабине минус 1. СУК не работает.

17.15: Начался следной полёт.

19.10: В кабине минус 6.

22.50: Маяк не слышно.

19 июня

5.35 (уже за полюсом. — А.К.): Компас штурмана ходит почти кругом. Идём по СУКу. Очень трудно подправлять вправо-влево.

10.00: У Валеры сводит ногу, требует часто смены.

12.30: Лопнула водная трубка. Замёрзла паротводная труб-

Первое фото на американской земле

ка». Тут же написано и почему-то зачёркнуто: «У Байдукова замёрзли передние стёкла от выплеснувшейся из трубки воды». Дальше: «Срезали лёд финкой».

Бортжурнал — не захватывающий роман, многого не напишешь. В мемуарах Байдукова об этом подробнее: «Мурашки побежали по телу... Просунув через боковую форточку руку, я быстро начал срезать ножом лёд на переднем стекле. И увидел: штырёк водомера скрылся, нет воды. Если не выключить зажигание, то мотор разлетится на куски. (А это практически гибель! Вот она, ахиллесова пята одномоторного самолёта. — А.К.) Убрал обороты и начал бешено работать водяным насосом. Увы...» Срочно требовалась вода. Она в кабине была, но в замёрзшем состоянии. Время шло, АНТ-25 уже спланировал с шести до двух тысяч метров

высоты. И тогда Чкалов, а за ним Беляков рванулись в хвост самолёта, где стояли так называемые три шара-пилота. В эти шары лётчики по заданию врачей собирали, извините, мочу. Содержимое шаров срочно полилось в расширительный бачок. Счастливчику, а с ним и его команде повезло и на сей раз — насос заработал, самолёт взмыл вверх.

Спасаясь от обледенения, лететь старались на большой высоте. А значит, для дыхания требовался кислород.

«20 июня

0.40: Кончился кислород.

Валерий прилагает последние силы, чтобы совершить смену вахт. Он сильно побледнел, из носа пошла кровь. У меня закружилась голова, и я долго отсиживаюсь.

14.30: Снижение медленно по спирали. Рваные облака почти до земли. Опять плохо с водой. Вылили (в охлаждательную систему. — А.К.) всё что было.

16.20: Посадка в Ванкувере».

Вот он, момент истины! Сказать, что мир был восхищён этим перелётом, — не сказать ничего. На аэродроме, где встречали советских лётчиков, стоял невероятный гвалт, который трудно было перекрыть. Когда Чкалову это надоело, он засунул пальцы в рот и по-разбойничьи протяжно свистнул. Толпа стихла.

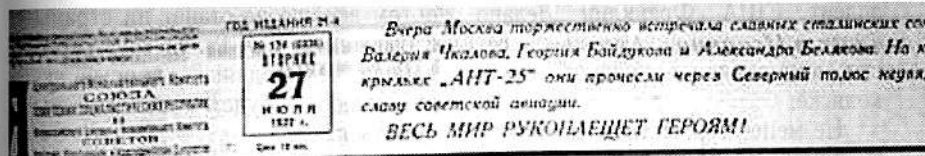
В АМЕРИКЕ

Начальник местного гарнизона генерал Маршалл (тот самый, по чьему экономическому плану развивалась потом послевоенная Запад-

ная Европа — А.К.) счёл за высокую честь разместить членов героического экипажа в своём доме, представить их жене и дочери. Впрочем, гости хозяев особо не обременяли — долго отсыпались после перелёта. Проснувшись, поняли, что не готовы к торжественному приёму у президента США, который им предстоял (не в меховых же комбинезонах расшаркиваться перед Рузвельтом!)

Узнав о затруднении, адъютант Маршалла натащил в дом десятки костюмов, много рубашек, обуви. Взамен получил драгоценный, по его представлению, подарок — клеёнчатый мешок с надписью «Продукты № 34» — и был безмерно счастлив.

Страна встретила героев

Страна героев радостно встретила своих отважных сыновей

Приём в Кремле экипажа самолёта АНТ-25 — Героев Советского Союза Чкалова, Байдукова и Белякова

**Чкалов с женой
и сыном**

награды, по-
дарки. Для
экипажа на-
ступил звезд-
ный час. Это
был триумф не
только трёх ге-
роев или даже
отечественной
авиации, но и
всех советских

Другие мешки и оставшиеся продукты экипаж раздал на сувениры ещё раньше тем, кто их встречал на аэродроме.

Когда герои, ослепительно разодетые, вышли в зал, тысячи американцев, аплодируя, встали, а президент США Франклин Делано Рузвельт, будучи инвалидом, попросил помощников приподнять его в коляске.

Не менее торжественный приём экипажу устроили по возвращении на Родину. Многотысячные толпы встречающих, приём в Кремле,

людей. Да разве ж мог кто-нибудь из них в те мгновения предположить, что через год не станет Чкалова и совсем скоро разразится самая страшная из войн. Что через четверть века их соотечественник и коллега первым покорит космос, а потом вообще не станет ни страны с названием СССР, ни советского народа. Их подвиг — прорыв через полюс — будет понемногу забываться.

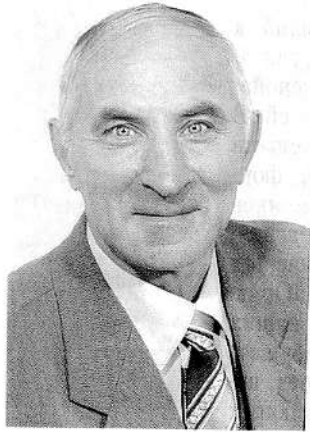
Фото О. Рукманкина

Сегодня бортовой журнал экипажа Валерия Чкалова в надёжных руках атамана Оренбургского отдельского казачьего общества Ю.П. Белькова

* * *

Чудесным образом попавший к нему журнал Юрий Петрович считает одним из самых ценных экспонатов, которые украшают его музей. В нём хранится немало «свидетельств старины глубокой»: оружия, формы, знамён, наград наших земляков в прошлом и позапрошлом веках, а также вещей, принадлежавших первому в мире космонавту Юрию Гагарину, предметов быта наших прапрадедушек и прапрабабушек. Музей доступен для всех без исключения. В том числе и для юных оренбуржцев, которым, считает Юрий Бельков, обязательно нужны примеры славных дел предков, будь то замечательный перелёт экипажа Чкалова в Америку или славный поход оренбургских казаков на Хиву.

Николай ВОЛЖЕНЦЕВ

**ЧЕРНОРЕЧЕНСКИЕ
СВАДЬБЫ***Картинки деревенского быта*

Николай Александрович Волженцев родился в 1946 г. в селе Черноречье Оренбургской области. После окончания Оренбургского медицинского института работал врачом в Переволоцком районе. Член Союза писателей России. Живёт в Переволоцком.

В селе свадьба. Женится сын Ивана Семчина. Невеста — из городских. Как заведено, гулянье начинается и идёт в доме жениха.

Жених и невеста, и все участники свадьбы, как и требует обычай, должны пройти по главной улице — отметить, свадьбу развернуть перед земляками — и себя показать, и зрителей потешить.

Мы с братом давно не были в селе. Хочется посмотреть праздник. Гости выходят со двора. Идём мимо свадебной толпы.

Там совещаются, решая: как начать гулянье?

— Дружку надо катить впереди! — кричит кто-то.

А в санки уже уселся гармонист. Его выталкивают, а он сидит, не хочет вылезать из саней.

Взмахивая руками, быстро перебирая ногами, подпрыгивая, несколько человек вдруг отделяются от

толпы, словно заводя и себя, и гулянку — выплясывают.

Сбившиеся кучей, остальные гости медленно, неуверенно, словно раздумывая, трогаются с места. Зажглась гулянка, зашевелилась! Завёлся наконец, поплыл по улице праздник!

Среди участников гулянья много неместного, незнакомого народа. Это приезжие, родственники невесты. Наши сельчане в своём привычном праздничном обычае: разодеты, наряжены кто во что горазд, — они задают тон празднику. Куролесят, развлекают и себя, и собравшихся возле магазина, глазющих на свадьбу людей. Эх, как выхлестывают пляской по улице!

Вон Нюська Пашаева. Она нынче доктор. На ней белый халат, на шею висит стетоскоп, в руках огромная бутылка самогона. Угощает всех встречных и поперечных, лечит целебной микстурой.

Высокий, худой, ряженный в длинное, ветхое-преветхое женское платье мужик. Губы подведены яркой помадой, свёклой на щеках намалёваны румяны. Косынка на голове съехала набок, в зубах сигарка. Взметая пляской снег, выкидывая вперёд длинные ноги — коленица выдаёт! Мешающие присядке края платья заткнуты в голенища валенок. Гости подбадривают его одобрительными вскриками, подплясывают, гакают, гукают в такт пляске...

Замолкла гармошка. Отдыхает гармонист. Останапливается и плясун. Глубоко, часто дышит — запыхался! Свадьба как бы замешкалась, остановилась — тоже отдыхает. Нюська подаёт как награду отпля-

савшему мужику стакан самогонки. Тот залпом выпивает. Горло перехватывает от деревенского напитка. Резко выдыхает. Закусывает солёным огурцом, поданным на тарелке вместе с хлебом — долго машет головой, как бы отряхивая с себя обжигающий дух и запах самогонки. Несколько минут стоит, словно окаменев или ошалев от этого напитка. Невидящим взглядом смотрит себе под ноги и — вдруг начинает валиться в снег. Его подхватывают под руки и волоком тащат к саням. Гармонист освобождает место.

— Угормонился!¹ — с сочувствием и досадой вплёскивают руками стоящие рядом бабоньки, — эх, самый лучший плясун был.

Двое гостей, из ненашенских, запрогаются и с трудом, еле-еле тянут враз потяжелевший воз.

Свадьба двигается дальше. Дошла до магазина и остановилась. Помахали гости руками, потопали, поперебирали ногами, громыхнули двумя-тремя частушками и остановились, не зная, что делать дальше. Топчутся на месте, словно в раздумье: дальше в конец улицы идти, или поворачивать обратно?

Неуютно им здесь — перед публикой. Никакой реакции от зрителей. Молча смотрят. Ждут: что будет дальше? Может, поинтересней что-нибудь выдадут, смаракут гуляки? Эх, не удивишь здешний народ...

Гармонист ещё раз растянул меха, пытаясь поднять свадебный настрой... Одна, вторая баба запевают... Но никто больше не поддерживает.

Замолкают бабы и гармошка. Словно сконфузившись и собой, и

Сидят: Алексей Акимович Новоженин с женой Анастасией Григорьевной.
Стоят: Иван Михайлович Зуботыкин (племянник Анастасии Григорьевны) с женой Софьей Алексеевной, 1950-е годы

молчанием зрителей, свадьба вдруг засобиралась, подалась обратно и быстро скрылась во дворе жениха.

Тихо на улице, словно и не было праздника.

— Эт, што за праздник? — обсуждает свадьбу толпа у магазина. — Сами чуть не спят. Никакого веселья. И себя, и друг друга никак не растормошат. А тож, глянь, выпятились — по улице прошли... Лучше б не показывались — сидели бы в избе иль во дворе толклись... Чиста скука... Пряма понихидный ход... Вот раньше — свадьбы...

— Эх! Нет, не те нонче свадьбы, — грустно подтверждает, вздыхая, кто-то из зрителей, — нет того раздолья, как раньше...

И мне вспоминается прежнее

время. Деревенская свадьба зимой 1956 года... Столько лет с той поры отмахнуло!..

* * *

Зима. Бодрость. Пляс солнца в разрисованных морозом окнах. Пляс гулянок, праздников, а их зимою не счастье в деревне. Сегодня в селе свадьба. Выходит замуж Татьяна Пашаева. Её жених — Комиссаров Иван. Он работает трактористом в колхозе. У дома невесты, возле ворот толпится народ. Все ждут. Мы, ребятня, пробиваемся вперёд. Тоже ожидаем, когда начнётся, пойдёт свадьба. Родственники жениха выкупают невесту.² Наконец в сенцах раздаются крики, шум. Первыми выскакивают из дома дружка с подружкой. За ними шествуют молодые:

жених с невестой. Родственники и жениха, и невесты гурьбой вываливаются со двора на улицу и сбиваются в шумную, горлающую толпу. То разбиваясь на отдельные кучки, то снова собираясь в толпу, свадьба со всеми ряжеными, с песнями и плясками под гармонь, с исполняемыми тут же на ходу шутивными свадебными представлениями катится по улице.

Впереди гуляющей, бушующей удалью, поющей толпы идут молодые. Рядышком их родители. Чуть позади выступают со своими гармониями гармонисты и дружка с подружкой.

На невесте по последнему крику деревенской моды сшитое на заказ местной портнихой и швейей Машей-немой³ приталенное, аккуратно облегающее фигурку, пальто. Из-под накинутой на голову густой пуховой шали краем выбивается вуаль. Длинное белое свадебное платье, выходящая из-под пальто, почти касается дороги, легонько шелестит по снегу.

На женихе тоже новое, с каракулевым воротником, пальто. Слева на груди красуется алый бумажный цветок. На голове кожаная шапка с цигейковыми отворотами спереди и по бокам. Уши шапки завернуты кверху и тесёмками завязаны аккуратным щегольским бантом. Горделивый, ухарский вид у жениха.

Прежде чем начаться застолью, иногда гуляющие обойдут все главные улицы несколько раз. Жениха и невесту усаживают в красивые, оббитые изнутри войлоком, разукрашенные яркими бумажными цветами, разнаряженные разноцветными шёлковыми лентами сани. Лошадь

и вся упряжь тоже разукрашены. Развеваются на ветру привязанные к дуге, вплетённые в гриву коня яркие ленты, красуются на уздечке бумажные цветы. Звонкоголосо заливаются привязанный под дугой маленький медный колокольчик...

ГОРНОЙ

Первый день праздника — горной, гуляют в доме жениха. Свадьба по узкой, проторённой санями зимней дорожке пробирается к дому. На крыльце с иконой отец и мать жениха встречают молодых. Самые близкие из их родни тут же. Они осыпают новобрачных охапками сухого хмеля. Отец и мать благословляют молодожёнов и приглашают их и всех остальных в дом. Первыми входят молодые. Вслед за ними, толпясь, следуют гости...

Нам, детям, ни в чём запрета нет. Заходи во время гулянок в любую дом. За это нас не ругают. Весёлые хмельные гости иль сами хозяева чем-нибудь да угостят с праздничного стола. Лапшевником, курником попотчуют, кренделями, розанцами... Не цыкнут на нас — обязательно приветят!..

Поглазев, вылетаем с клубами пара на раздольный праздничный двор. Ватажками, по два — три человека, стоим на крыльце. Больше не надоедаем, не лезем в дом. Меру знаем, а всё равно ведь любопытно! Потопчемся во дворе — и к окнам подступаем. Облепим их, и целый день готовы торчать тут — смотреть в окошко на удивительный этот праздник.

...За столами, поставленными в ряд, на длинных скамьях сидят, гу-

Дядя Вася (Бочкарёв) по прозвищу Певчев (ряженый), справа его жена — тётя Настя

ные платья, весёлые радостные лица девушек — подружек невесты, женщин, выбатавающих⁴ дробь каблучками. Женщины под дробь пляски окатывают, обмахивают весь празднующий люд звонкой озорной песней.

Родственников на свадьбе — полсела. Родители жениха в желании удивить щедростью, весельем и хлебосольем своих родных, сватьёв и прочих гостей стараются вовсю!

...Смотрим мы, ребяшня, в окна — ничего не пропускаем! Самым меньшим из нас надоело уже тереться возле окон. Как званые гости, протискиваемся в самую горницу, чтобы погреться: промёрзли, мол, до самых косточек — готовьте, хозяева, и нам угощенье.

А там, в горнице — вихрь! Всё мелькает перед глазами. Разноцвет-

как веселимся, как тешимся мы. Полюбуйтесь да по—доброму и позавидуйте. Как-никак важное событие для нас, родителей. Сына женим. Новая семья в селе появилась. Порадуйтесь и нам, и нашему счастью, пожелайте добра и радости, любви, благополучья молодым на всю их жизнь.

Надо так отметить семейное торжество, так шегольнуть, подраскошелиться, размахнуться, чтоб крепко, на многие годы запомнился праздник — всем: и гостям, и зрителям. (А зрители — всё остальное, не попавшее на гулянье, село.)

И бабы, и мужики столпились,

сгрудились — стоят возле двора и в самом дворе. Вместе с детьми притиснулись к окнам и женщины, тоже заглядывают в дом, где набирает силу, разгорается свадьба. Любопытно, интересно. Как там жених? Как невеста? Как держатся, ведут за столом гости? Обо всём, что видят, они громко рассказывают своим подружкам, не сумевшим протиснуться к окнам. Не пропустят ни одного слова, ни одного события праздника в доме, — всё передадут, всё донесут. Все зрители как будто втявья присутствуют на свадьбе, как будто она идёт у всех перед глазами.

— «Горько!» — кричат гости. У окон: «Вяло-вяло!» — с подначкой, как будто слышат эти слова жених с невестой, приговаривают, выкрикивают бабоньки.

— Стесняются, наверное, робеют, — понимающая и сочувствующая молодым, поясняют они стоящим возле них гурьбой землякам. Снова припав к окну, вдруг вскрикивают: «Опять «горько!» требуют!»

— Ну, вот, сейчас закрепко, по-настоящему он её обхватил, не понарошке

целуются... Да затяжно так, — удовлетворённо, громко, чтобы слышали все вокруг, обсуждают женщины действия жениха и невесты.

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА

В самом центре стола, видные всем гостям, сидят жених и невеста. На женихе чёрный костюм, белая рубашка. Из нагрудного кармана пиджака слева аккуратно выступает уголок накрахмаленного, отглаженного белого платочка, справа красуется приколотая к костюму бумажная роза. Всё в одежде в кон праздничному событию. Видный, заметный на селе человек Иван Комиссаров.

Слева направо: Василий Алексеевич Бочкарёв (Певчев), Мария Бочкарёва (жена его брата), Мария Гонышева, Валя Андреева (ныне Лоренц). Сзади: Мария Ивановна (Тереханова) — сестра Василия Бочкарёва, Владимир Еремеев

Он тракторист. Профессия эта в ту пору пользовалась особым уважением и почтением у селян. Тракторист не просто тебе колхозник — обычный человек, не только лопатой и вилами умеет работать, но и с техникой дело имеет. Отошла в былые лошадиная тягловая сила, исчезла почти, забылась. Теперь нигде в сельском коллективном быту без трактора не обойдёшься, нигде без него в хозяйстве не справишься. Никакую в селе работу без него представить невозможно: весенняя посевная, сенокос, уборка хлеба, озимые — всё на тракторе. С ранней весны до окончания зимы — ежедневная вечная страда у тракториста: в суете, в колготе, в постоянном кружении сельских забот, круглый год в неразлуке со своей техникой. Таков ты, сельский обиход. Куда денешься?.. Самый нужный, самый незаменимый на селе человек — тракторист.

...Иван поначалу как бы растерян торжественностью события и положением жениха, пристальным всеобщим вниманием к себе. Он словно ошарашенно, изумлённо смотрит на развернувшийся вокруг него праздник. Среди шумного, светливого развеселья, причиной которого его свадьба и он сам, и его невеста являются, Иван чувствует себя непривязно, стеснительно. Кажется, даже новый праздничный костюм вызывает в женихе неловкость, скованность. Привыкший в сельском быту к одежде незатейливой, простой, и в будни и в праздники удобной, привычной и родной, Иван чувствует себя в нём очень и очень неуютно. Он, словно, только сейчас начинает понимать, осознавать важность

нынешнего события, неотвратно и ясно определять для себя особенность своего положения, постигая и принимая его как начало другой, новой, отличной от прежней — личной своей жизни. Семейный человек он с этого дня.

Постепенно растерянность, смятение с лица его исчезают. Посреди бушующей, веселящейся свадебной толпы Иван кажется невозмутимым и спокойным. Свадебный распорядок, определённый обычаями жениху, он выполняет добросовестно, подчёркнуто деловито, с показной старательностью и покорностью.

Шутливые, дружеские окрики, замечания, подначки, советы гостей принимает спокойно, с добродушным вниманием.

Глядит сквозь праздник, сквозь гуляющую толпу куда-то вдаль, — как будто всматривается в свою грядущую семейную жизнь. Какой она ему видится? Неведомая, таинственная, чудная, желанная?.. Как она сложится? Что дальше ждёт его? Наверное, только добрым и радужным видит своё будущее жених...

Может, так оно и будет, Иван. Не беспокойся, не волнуйся. Конечно, на всякие события богата жизнь. То теплом и солнцем с лихвою окатит, а то и неуютом обдаст. Не подгадаешь завтрашние дни. И не надо.

Помни нынешний день и в радости-счастье, и в ненастье. Береги общую с жёнушкой судьбу. Пусть твоя душа будет радушной, а жизнь радостной...

Невеста, как и требует деревенский свадебный обычай, держится скромно и с достоинством. Лицо её выражает безмятежность и спо-

койствие. Кажется, эта спокойная сдержанность присутствует в ней постоянно, в любой обстановке — и в житейских всполохах, и в обычной жизни.

Маленькая, хрупкая, с тонкими чертами лица, как она непохожа на своих сельских ровесниц — рослых, крепких, разбитных, расторопных, хватких, никогда не унывающих, грубоватых и дерзких, на язык острых, озорных, всегда готовых на ядрёное крепкое слово!

Вуаль, по краю украшенная булавочными розами, обрамляя смуглое лицо невесты, делает её ещё милее, привлекательней. Она напоминает красавиц на почтовых открытках и виньетках, которые посылают наши девчата в армию парням — будущим своим женихам.

— Ну, патретина прямо! — шепчутся бабы. — Какую куклу отхватил себе Иван!

И у нас, ребятишек, ёкает сердце. Смотрим на свадьбу в окно и не сводим глаз с невесты. Сокрушаемся про себя: «Эх, почему мы не взрослые!»

Вздыхаем, успокаиваем себя, шепчем: «Ничего! Придёт и наша пора...»

БЛИНЫ

В первый день свадьба только только разгорается. Во второй день всю уже кипит. Гулянка выкатывается на улицу. Родители невесты и их родня выстёгиваются во всю мочь: «Нет, не ударим в грязь лицом! Не хуже других мы. Не просто так праздник мы затеяли, а по важной причине. Прибавка в нашей родне — молодая семья. Порадуйтесь с

нами. Замуж дочь выдаём. Смотри, село, как гуля-я-е-ем!»

А земляки — и гости, и зрители, и сейчас и потом — спустя годы, может, будут сравнивать, вспоминать об этом празднике: «вот какая свадьба была у тех-то и тех-то! С вывертами, прибаутками, ряжеными. Как вычудяли, как выгудали на этой свадьбе! Какие приключения, развлечения, игры — и вспомнить приятно!..

...С песней и пляской катится с одного конца села на другой гулянка.

* * *

Показывая себя, шумно движется по селу свадьба. Всех захватывает праздник. Веселье бьёт через край. Гуд, гам, плеск гармошки, пересвисты, крики. На одежде, на шапках, на шалях гостей разноцветные булавочные, в городе к такому случаю купленные цветы. Бурлит, кипит пёстрая толпа. Сколько ряженных! И мужиков и баб. Женщины в мужской одежде: в рубахах, пиджаках, брюках. Лица в саже. Голоса делают хриплые, грубые. Цigarки с самосадам в зубах. Попробуют их разжечь, кашляют, шутливо делая затяжки, пускают дым — как будто курят. Вот одна из ряженных заскакивает в дом. Хрипло, натужно басит: «А ну, хозяйка, налей-ка стаканчик крепенького, забористого — притомились мы что-то».

Хозяйка едва узнаёт в ряженой сродственницу.

— Ба! Да это никак Манька Мелихова. Вот язви те в душу — как вырядилась!

Угощает, привечает гостью, всё по обычаю, как положено.

Мужики тоже не лыком шиты,

Праздник. В центре – дядя Вася Певчев, слева – Анна Егоровна Лысова (Кумириха)

тоже нарядились. Кофты, платья, юбки нацепили. Во всё лицо на щёках свёклой румянцы наведены, губы помадой подправлены. Путаясь в женском одеянии, шутиливо приноравливают крутой размашистый шаг на мелкую походку. Ёрничают, выплясывают, широко из-под платья раскидывая ноги, присядкой идут по улице. Такие коленца выделывают – аж снег вихрем поднимается, столбом во все стороны летит!..

В каких только нарядах не увидишь моих земляков! Тут и чёрт, тут и ведьма. И турчанки, и цыганки, а не то шах-падишах, не то турецкий султан – в яркой чалме из полотенца на голове.

Запорожский казак с люлькой в зубах и наклеенными длинными, свисающими до плеч усами, в большой мохнатой шапке и малиновых шароварах. И звездочёт-чародей в разрисованном яркими звёздами вы-

соком остром колпаке, в длинном до пят малиновом халате. А этот высокий сельчанин с вымазанным сажей лицом, нацепивший вывернутый наизнанку овчинный тулуп – кого изображает? Переваливаясь, по-медвежьи – неуклюже топая, выплясывает посередине толпы, что-то выкрикивает, как бы пугая, хрипло и громко. Но даже детям, сбившимся вокруг свадьбы, – не страшно.

У двух ряженных – хлипенького мужичонки и здоровенной бабы – в руках бутылка водки и стакан. Выскакивают из толпы к каждому встречному-поперечному, подхватывают, утягивают в гудящую, поющую толпу. Угощают, потчуют. Хочешь ты или не хочешь, но за здоровье молодых, за их счастье нельзя не вы-

пить. Принимай угощение – полный стакан водки. Закуси аппетитным солёным огурцом. И иди дальше, своей дорогой – с богом, да помни нас и эту свадьбу!..

...Захмелевшие гости подставляяют ножки друг другу, летят охалками, кубарем в сугроб, барахтаются, визжат. Шум, смех на улице...

– Дорогу!

Два мужика в женских нарядах (в сбившихся на голове платках, в длинных неказистых юбках старинного, почти столетнего покроя) везут на санках дружку. У дружки на плече красная лента, на шапке, на пальто, как и у всех, цветы. Важно сидит и понукивает запряжённых в санки, захмелевших сельчан.

– Ишь! Важный! Хватит. Теперь я покатаюсь, – опрокидывает санки чёрт.

Дружка запутался в сугробах и в полах пальто. На салазках сидит уже чёрт. Почти настоящий: с рогами и хвостом. Чёрт добродушный: длинный нос, улыбка расплылась до самых ушей. Хвостом у чёрта приделана заплетённая чёрная коса. «Вот это шиньон!» – ахнули б сейчас девчата.

Впереди, среди бури свадебного гулянья, как бы сосредоточенные в новом, радостном для себя событии, ещё не совсем утомлённые этим шумом и гамом, – всем, что вокруг творится, словно их оно и не касается, – невозмутимо, степенно и серьёзно идут жених и невеста...

ВЗЯТИЕ НЕВЕСТИНОГО ДОМА

Пока свадьба шествует по селу, часть гостей, чаще всего из родни невесты, готовят новую озорную по-

теху. Предусматривается ли эта забава в свадьбе, или как водится в деревенских гуляньях, выскакивает по наитию, фантазии чьей-то разгорячённой, взвихренной праздником, весёлой разгульной души? Мужики и бабы с ведрами, деревянными лопатами, метлами взбираются на занесённую сугробами кровлю невестиного дома.

А кто-то, гляди (!), пытается взгромоздиться аж на надворотню (двускатную дощатую узенькую кровельку над воротами – она тоже под снегом). С ведром и лопатой лезет, да уж и залез! Приготовился к встрече: ну, точно курица на шапесте сидит!

Часть невестиной родни притаилась возле плетней во дворе. Их задача шутивыми всяческими катавасиями препятствовать, мешать свадебной ватаге попасть в дом невесты.

Вот наконец-то из соседнего переулка шумно выплывает свадьба. С заполошным гиканьем, пересвистами, с ухаарскими задорными песнями приближается к невестиному дому. Жениха и невесту уже подвезли на санях ко двору. Для шутки несколькими охалками снега припоросив, засевшие на крыше и на воротах сельчане милостиво пропускают молодых в дом. Теперь осталось горячим приёмом встретить и приветить остальных гостей.

Тут могут добавить и пустить к празднику ещё одну штуку-шутку. Ворота изнутри на крепкий дубовый засов закроют. А калитку на крючок захлестнут. Не пройдёшь, не заскочишь во двор!

...Разнаряженная хмельная весё-

лая толпа подходит, выкатывается к невестиному двору. С разгона упирается в ворота, что на запоре. — Не пускают! — с шутливым недоумением кричат из переднего ряда, притиснутые толпой вплотную к воротам, гости.

— Закрылись!.. Заперты ворота! — обескураженно и растерянно подтверждает остальная толпа.

— Преграду изделали. От, голова-ны-ы!.. Одык, умники — затейники! От — забавники! Что ж перед этой преградой так и будем стоять, головами качать, ветром брагу разгонять, изображать развеселье! Так и будем топтаться?! А, можа, эту избу пропустим, и другое место приглянем, туда гулять пойдём?! — в шутливой манере (а будто насурьёз), словно раззадоривая и поднимая всю свадебную ватагу к немедленному ответному действию, звонким вскриком обращается кто-то из гостей к гомонящему, гудящему, орущему, хохочущему и гогочущему, сбившемуся возле ворот хмельному люду.

— Отопр-ё-ё-м!.. Натиском возьмём, робя! Давай сюда все, к воротам живо — жми! — иступлённо, истошно вопят, готовые сейчас же прямо брать штурмом ворота — с юности самой до зрелой поры, до старческих почти седин — огрызки Стеньки Разина. Заводили почти во всех озорных сельских делах и разгуляньях, самые отъявленные и отрывные среди сельчан, они, расталкивая толпу, протискиваются наперёд к воротам...

— Берём на приступ их! На приступ айда! — кричит заполошно вся толпа. Радуюсь возможности вдоль потешиться, покуражиться вво-

лю, отметить, блеснуть озорством и удалью, разгуляться забурлившей от хмеля силой. — Будем брать! — зычно выкрикивает она и с разгона дружно наваливается на ворота, начинает мерно и ритмично раскачивать их.

Полотнища ворот то прогибаются, продавливаются створками во двор, то отдают, откатываются, пружинят обратно назад. Скрипят в на весах жалобно и надсадно.

...Толпа откатывается назад и — снова бросается в натиск...

— Эээх — раз!.. Да ишо раз!.. Наддадим!.. Да поддадим!.. Держись — ворота!..

Никак не расхлябать ворота. Не поддаются. Отступает толпа. Утомилась!.. Устала!.. Стоит, отдыхает.

На крыше и на воротах, засевшие в засаде сельчане тут уж не упустят момента. (Получили, улучили-таки повод поликовать.) — Эй, Боцман, килу-то, килу-то подбери, ох, килу какую на-е-е-л, отраст-и-и-л. Больша, мешает, наверное. А ты-то куда, Кизячонок, лезешь? Силёнок-то совсем нет. Каши надо больше есть. Куда лезут, ну, куда прутся, рвутся? Все малохольны какеи-то подобрались, рахитошны прям... Ворота раскрыть не могут. И воротёшки-то пустяковы, на замах титешного ребёнка тока, — без разгона шутя перемахнёшь! — уже хорошо хлебнувшие, разгорячённые хмелем, подначивают они обступившую двор свадебную ватагу.

За живое задетая насмешками свадебная толпа, уже не сговариваясь, молча осаживается назад — и всей силой и мощью снова наваливается на ворота.

На сельской улице. Слева направо: Константин, Анна Кропоткины, Зоя, Василий Твердышевы

Василий Алексеевич Бочкарёв (Певчев) сидит на плечах Анны Егоровны Лысовой (Кумирихи*), слева – Евлампия Михайловна Вотинцева, справа – Клавдия Алексеевна Вотинцева. Впереди (слева направо) сидят: Елена Дмитриевна Иванова, Екатерина Григорьевна Иванова, Анна Андреевна Клыкова, 1950-е годы

* Анна Егоровна Лысова – личность в селе легендарная. Прошла всю Великую Отечественную войну, имеет много наград. Бойкая, твёрдая, удачная женщина – настоящая казачка. На спор во время гулянья пронесла на своих плечах гармониста дядю Васю Певчего с одного конца села до другого (три с лишним километра). Условия были таковы: гармонист всю дорогу должен был без перерыва петь и играть на гармошке, а она без остановки, без отдыха нести его на себе. Проспоривших не было – каждый выполнил свою задачу...

Пришла пора засевай на крыше и на воротах, стерегущей двор ватаги не языком уже, а руками отбиваться от яростного натиска нападающих. Вёдрами, лопатками, метёлками сверху сыпет и сыпет, кидает и метёт она снег на пытающихся пробиться во двор земляков. Вихри снежные клубятся над воротами и штурмующей толпой.

Кое-кто из нападающих идёт в обход, пытается окольным путём пробраться во двор, с задов через плетни пронырнуть к дому. Но и тут встречают отпор. Стережущие двор осыпают снегом, ссаживают удалцов, сталкивают с плетней назад, не дают пробиться к крыльцу.

...Всё сильнее, упрямей напирает, жмёт толпа на ворота, продолжает раскачивать их:

— Ребя, не унывай, — во всю силу дави! Ну-ка так! Ну-ка ишо!..

И вот прохрипели, жалобно простонали ворота от могучего натиска толпы, запорная дубовая дрына выскакивает, вылетает из засовных скоб, падает в снег, крючок с калитки слетает — и вся толпа с разгона, потеряв опору и равновесие, летит вперёд, вкатывается на простор двора. Люди падают, перескакивают друг через друга, в глубине двора сбиваются грудой в огромную шумную шевелящуюся кучу...

Теперь не только сверху (с крыши и ворот), а уже и со двора их посыпают, забрасывают, закидывают снегом, — щедро гостей приветчают забавники, родственники невесты.

Вихрями кружится, клубится снег. Настоящая позёмка, пурга стоит. При ясной, чистой безветренной погоде надо всем двором повисла снежная мгла.

...Смахивая с шапок, со всей одежды, вытряхивая насыпавшийся и в карманы, и за шиворот, и в рукава снег, громко топая, обметая, сшибая его с валенок — кто хохочет, а кто и поругивает (и шутливо, и всерьёз) зачинщиков озорного приёма.

Оживлённо переговариваясь, продолжая громко топать, отряхивая валенки, входят в дом. С грохотом раздвигают длинные скамейки, усаживаются за стол.

А бывает, и такую выдумают шутку-прибаутку. Возле дома невесты во второй день свадьбы ворота, наоборот, распахиваются настуж. На опорные столбы во всю ширину ворот привязывается крепкая верёвка. К ней прилаживают, закрепляют доску-сиденьё. Получаются качели. Кто-то усаживается в них и начинает раскачиваться. Попробуй, проскочи, проскользни во двор!

В летнюю пору во время свадеб ещё больше творится забав. Если зимой, привечая гостей, могут угостить снежным душем во дворе невесты, то летом можно угодить под настоящий водный ураган. Перебирай чаще ногами, быстрее заскакивай в дом!

Каких только развлечений не придумывают на свадьбе для веселья, радости и хохота, для своей и всеобщей потехи мои земляки, казаки и казачки. Всего не вспомнишь, не перечтёшь. Каждая свадьба своим раздольем, особостью и выдумками богата...

Пока гости собираются к застолью, на улице готовится новый шуточный спектакль. Ни одна свадьба в нашем казачьем селе без него не обходилась...

Гвоздь свадьбы — дед Алексей

Акимович Новоженин! Со всех концов села жители бегут к дому Пашаевых — не посмотреть бы!..

ДЕД АКИМЫЧ

Что и говорить, грех вошел за дедом: любил крепко выпить. Но если его приглашали на свадьбу, свою потешную марку держал с достоинством и удовольствием, весело, озорно, да с крепким ядрёным словом, в общем так, как жил в обыденной жизни. На острые, со всякой перчинкой-начинкой слова Акимыч был мастер. В крутой словесной перепалке редкий мог с ним спорить. Перешибёт, хоть кого заткнёт за пояс!

Правда, Алексей Акимович соглашался на эту шутиливую роль в одном только случае — если свадьба затевалась у родственников. Прочим сельчанам отказывал. Но сегодня праздник у родни, поэтому он и здесь.

Без шапки, в накинутом на плечи длинном, до самых пят, овчинном тулупе, по лестнице на крышу лезет высокий кряжистый человек. Следом за ним с ведром горячей воды и дубовым веником пробирается дружка. Без пальто, в своём торжественном свадебном костюме, с бутылкой водки и закуской на подносе, карабкается вслед и жених.

Жених наливает полный гранёный стакан водки. Старик махом выпивает и бросает пустой стакан через плечо назад, прямо во двор. После обжигающего нутро напитка что может быть слаще и родней для человека, чем солёный огурец?!

Закусив, дед глубоко, умиротворённо вздыхает.

Дружка подносит ещё один, наполненный почти до края стакан. Старик выпивает, не закусывает, морщится и трясёт головой и — вдруг сделав зычный выкрик, резко сбрасывает с плеч полушубок, скидывает валенки — и предстаёт перед гостями в виде публики в чём мать родила.

Не спеша, достаёт из ведра намоченный горячий веник, осматривает его, как бы проверяя на годность и примеряясь к нему, ещё раз старательно, неторопливо обмакивает в парной воде, встряхивает в руке и со всего маху стремительным хлестким ударом ошпаривает им себя. Ещё, ещё раз — всё сильнее, всё крепче хлещет себя веником, выстёгивает по груди, по ногам, по спине, по бокам!.. Парная на открытом воздухе!.. Банный спектакль Акимыча. Всё быстрее и быстрее, всё резче отмахивает веником дед — с удовольствием, как в настоящей бане...

Народа становится всё больше возле дома Пашаевых. Бабы тоже тут. Ахают, но не уходят. Прикрывая лицо рукавом или углом широкой кашемировой шали, хоть и украдкой, и с укором, но смотрят на это, положенное по обычаю, представление.

— Срамота-то какая, срам-от, — осуждающе шепчут, бунчат друг другу. — Бесстыдник-то какой, охальник!.. В пожилых годах ведь, а полез, выставился на всё село.

...Что это? Явление какого-то древнего обычая? Или одна из многочисленных забав, игр, выдумок, на которые особо гораздо ядрёное, озорное казачье племя? Что означает это представление? Показывает

радость начала супружеской жизни? Подчёркивает статью, силу и удалую мужскую?

...Эх, гадай и думай о чём хочешь. Предположений найдётся много...

...Завёлся, разгулялся дед, знай хлещет и хлещет... наярявает себя веником!... Гомонит, кричит.

— Хорошо-то как — ядрёный корень! Раздолье какое! Эх, любо, раскудри твою в деревню! Эх, ладно!

Как бы притихла каланча в центре села — почти самое высокое строение рядом с возвышающимся на крыше дома могучим стариком, гулякой и охальником — Акимычем.

Вот дружка подносит ему новый, наполненный до краёв, стакан водки. Подружка (в подмогу дружке он тоже на крыше) держит наготове закуску на подносе: огурцы, помидоры солёные, квашеную капусту. Подает только что принесённую тарелку горячих щей.

Дед останавливается, залпом выпивает водку, по-скоростному уметает, уплетает закуску и снова продолжает парную.

Сколько длится это зимнее купание на крыше? Полчаса, час — больше, меньше?.. Но вот дружка с подружкой подходят к захмелевшему крепко, уставшему от бани, пеня и выкриков старику, из ковша окатывают, поливают его горячей водой... Пар клубами стелется над крышей, катится волнами по кровле, окутывая и деда, и дом... Накидывают на пунцового, покрасневшего как помидор (не то от водки, не то от бани этой, не то от мороза), деда овчинный тулуп. Разомлевшего купальщика с уважением, как особо важную персону, под руки сводят с крыши,

бережно, осторожно по лестнице ссаживают вниз. Провожают в дом, где он одевается, чтоб продолжить гулянье.

Вот тут только по-настоящему праздник и начинает разворачиваться...

ДЯДЯ ГРИША

А что же это происходит за столами на том конце горницы? Что за столпотворенье образовалось?

В переднем углу, укрытый тулупом, на скамейке кто-то лежит.

Бабы, они любопытнее всех, подходят к скамье, сбрасывают тулуп. В одном исподнем, закрыв глаза, скрестив, как усопший, руки на груди, тоже не последний озорник и забавник, участник почти всех свадебных гуляньев и праздников — дядя Гриша Вотинцев.

Бабы подыгрывают ему — охают, причитают, отвешивают, кладут поклоны, стучат лбами об пол, шутиливо отпевая, произносят, вычитывают озорные потешные складухи.

Дядя Гриша упорно лежит и бровью не ведёт. Спектаклю конца нет... Надо поднимать, уносить «усопшего», а то свадьба встанет.

Гости подают бутылку самогонки, наливают в стакан и ставят рядом с дядей Гришей — на табуретку. Тут-то он соскакивает с лавки, осушает стакан, снова наливает. Мужики поднимают его на руки и несут по горнице надо всей праздничной толпой.

Дядя Гриша омахивает стаканом самогонки горницу, всех гостей, молодых, выпивает и, чтоб разбилась (на счастье!), резко бросает стакан на пол.

Так на руках и выносят дядю Гришу из горницы в другую комна-

ту. Здесь он одевается и снова возвращается на гулянку.

ОВИН

Тушение овина — последний день свадьбы. Собравшись снова в свадебную гурьбу, гости идут по улице. Посреди неё — движущейся, шевелящейся, колышущейся во все стороны невозмутимо шагают гармонисты.

*Все три наши гармониста,
Хоть пьяны, играют чисто.
На них шапки набекрень,
За гармонию третий день...*

Снова в доме жениха собираются гости. Дядя Гриша Вотинцев опять впереди всех — и тут успел! Развесил качели в дверях, при входе из сенцев в избу. Чалму из полотенца смастерил, в широкий, вдвое шире себя самого, цветастый женский халат завернулся. Длинный красный шарф вместо пояса обмотал вокруг себя. Забрался на качели, раскачивается себе. Всё шире, всё размашистее. Из дома да в сенцы! Никак в дом не попасть, не пролезть. Ни снизу, ни сбоку, ни прямо — сшибут качели! Нечего делать, подаёт гость ему стакан водочки. Качели останавливаются. Выпивает дядя Гриша угощение. Гость прошмыгивает в дом к праздничному столу. Опять качается дядя Гриша. Следующий гость подаёт самогонку. Третий, четвёртый... Утомляется наконец качельник, соловей от выпитого. Нехотя сползает с качелей. Гости с криками, с хохотом и гоготом, толпой устремляются в дом. Продолжается праздник.

...Вечер. Разжигают костёр возле

дома жениха. Дым мешается с вечерним сумраком. Самые неуголимые, не растерявшие за эти дни задор и силу гости собираются и толпятся возле огня. С подначками, смехом, криками прыгают гуляки через костёр. Дрова догорают. Тлеющие угли засыпают снегом. Овин потушен. Гости возвращаются в дом.

В последний раз вспыхивает веселье. Ряды гуляк значительно поредели. Не выдержав схватки с хмелем, многие уже спят. Кто лежит на лавках (а кто и на пол сполз), кто на печке, кто на сундуке, кто на койках...

* * *

...Эх, казаки, казачки и потомки казаков, сомлели от хмеля! Не сдавайтесь ему, не поддавайтесь, топырьтесь и упирайтесь, станичники. Держи в ногах правду — не черти кренделя! Крепи волю, не теряй силу. Не давай потачки слабинке, хмелем свою стать и крепость не ломай: ровненько шагай. Гулять, так гулять: такой зарок у казаков. Такая повадка наша от предков досталась. Не изничтожишь её — не сотрёшь! Казаки — мы! Такая наша порода — буйная, бурная, удалая! В веках калилась, веками ковалась — от боевого, военного риска и опасности, от жизни походной, от службы станичной, — да и гульбища норову придавали.

...Казачье раздолье неисповедимо, от счастья и радости неотделимо. Но судьбу наперёд по мгновеньям не распишешь. Всякая закандычка на любой момент может выскочить. Какую и не ждёшь, и не предполагаешь. Силён хмель? повязал тебя? Ззорного нету. Ты ведь не сдался

(никогда никому на белом свете казак не сдаётся). Приключилась слабинка, на крепость вышла заминка. Не сдюжил казак в прямой и неравной схватке с брагой. Пеняй, не пеняй на себя... В застолье казачья удаль неодолима, в гулянье такая промашка допустима. Со всяким может случиться...

* * *

...А те, кто держится на ногах, продолжают веселиться. Женщины пляшут, мужики сидят за столами, угощаются и угощают друг друга, курят. Радостные и счастливые продолжающейся свадебной суетой, довольные друг другом, обнявшись, восторженно оглядывают праздничное застолье. Захмелев, поочерёдно отправляются под лавку или засыпают тут же над столом. Гармонь с небольшими перерывами пиликает ещё. Она, как знамя, переходит из рук в руки гармонистов. Двое из них уже сражены водкой, спят на скамейках. Третий, самый главный, самый неугомонный, самый неуголимый, самый весёлый — дядя Вася Бочкарёв — держится. Никакой хмель его не валит. Как будто ни в одном глазу хмельного нету — перебивая топот и гром пляски, поёт под гармонию звонко, задорно. Не зря его Певчевым прозвали.

— Дай хоть отдохнуть и себе, и гармонии, и людям. Заиграл ведь, запел всех до хрипоты, заплясал всех до упаду почти! — сокрушается его жена, тётя Настя.

А сама продолжает его угощать. Не стаканами потчует, а кружками. На подносе прямо ему подаёт. Так и старается водкой выпшибить его из-за стола.

— Настя, Настя, чё ж ты делаешь-то, — укоряют её бабы, — свалишь так мужика.

— Пусть быстрее валится, а то так и будет в обнимку с гармонью сидеть.

— Пусть поёт всю свадьбу, оправдывает свою уличную фамилию, вон ведь, смотри — как соловей заливаётся. Певчевым потому и зовём его, — защищают гармониста бабы.

После очередной кружки самогонки, поданной родной же супругой, звонкий голос дяди Васи осекается. Захрипела протяжно, натужно, растянувшись мехами гармони, словно жалуясь, что оборвали игру, замерла в руках у заснувшего за столом гармониста...

Ничего, дядя Вася, что хмель одолел тебя. Земляки потихонечку, бережно под руки возьмут, с почётом к мягкой постели доставят... В гулянье всяко бывает... Случается, что хмель дюжее казака окажется. Опугает рученьки, повяжет ноженьки, головушку оплетёт и в сон галопом отправит... Отдыхай! Отсыпайся, казак лихой, певец чернореченский, гармонист и заводила всех сельских праздников! Свадьба не закончилась! Отоспишься и опять на скамейку, в заветный строй деревенских гармонистов. Да успеешь, успеешь ещё наиграться, потешить и себя, и земляков, и праздник. Гулянье — иди дальше, а ты — поспи, поспи!..

* * *

...На смену дяде Васе, отдохнув, отоспавшись, встаёт и садится за стол следующий гармонист. Просит похмелья, забирает гармонию из рук дяди Васи и играет.

Снова топот и пляс в доме, грохот тарелок, столов, дребезжанье окон... Свадьба заканчивается только в полночь...

...Но ещё целую неделю после этого будут вспыхивать то там, то здесь гуляночки. Ещё не раз придётся хозяевам развёртывать столы требующим угощения родственникам — стараться угодить каждому прибывшему к их дому гостю. Пусть даже самый наиникчёмный зайдёт, — всё равно надо угостить, выдер-

жать марку, не ударить в грязь лицом. Соблюсти деревенский порядок и обычай, показать, что радость видеть своих детей счастливыми дороже всяких затрат, забот и хлопот. Эх, никуда от обычая не денешься. Накрывай снова, хозяйка, столы для старых и новых гостей! С толком привет и угости! Чтоб никто и никогда худого слова о свадьбе не мог сказать. Чтоб долго помнилась она размахом и удалью, приветом и угощениями...

Примечания:

¹ Угормонился (местн.) — угомонился.

² Выкуп невесты — праздничный весёлый игровой обряд, как бы предваряющий начало свадьбы. Происходит в доме невесты. «Покупатели» невесты — жених и его родня пытаются пройти в дом, её родственники стараются их не пропустить, шуточно мешают этому. Провившись в дом, жених со своей роднёй начинают выкупать невесту.

³ Маша-немая — Мария Спасёнкина, глухонемая. Замечательная швея-самородок. Многие жители села были одеты её руками. Шила мужские и женские пальто, костюмы. Особенно удавалась ей женская одежда. В жакеты, сарафаны, блузки, кофточки, платья, скроенные и сшитые Марией Спасёнкиной, чернореченские казачки одевались, щеголяли и форсили почти до начала шестидесятых годов.

⁴ Выбатьывать, выбатьвающих (местн. казачье) — отбивать, стучать, отстукивать, здесь: отбивающих, отстукивающих.

⁵ Маншур(Маншуров Пётр Григорьевич), Максимыч(Николай Максимович Лапшин), вальщики, приезжие из Ульяновской области, давно укоренившиеся семьями в нашей станице. Были претендентами на эту роль и коренные сельчане.

...В хмельной отваге, застольной удале и Пётр Григорьевич, и Николай Максимович не уступали местным, бывалым, знающим толк в гуляньях — коренным потомственным казакам, а, может, были и покруче и покрепче их... К слову сказать, имея пристрастие к выпивке, и Николай Максимович, и Пётр Григорьевич вальщиками слыли отменными. Уважали, ценили сельчане своих мастеров. Валенки валять только им доверяли, на стороне не заказывали.

⁶ О неимоверной силе деда Новоженина до сих пор ходят легенды. Так, например (из рассказов старожилов), двухсотлитровые бочки, наполненные водой всклень, он поднимал почти без натуги. Частенько его приглашали, как грузчика, на склады. Там, где требовалось для такой работы три-четыре человека, он спокойно управлялся один.

Галина Павловна Матвиевская родилась в Днепрпетровске. Вместе с семьёй в 1941 г. переехала в Оренбург. Окончила математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. Доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН Узбекской ССР, академик АН Узбекистана, действительный член Международной академии истории науки. С 1994 г. — профессор ОГПУ. Член Союза писателей России. Известный краевед, автор многочисленных работ по истории края. Лауреат премии «Оренбургская лира», Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка», Шолоховской премии «Они сражаются за Родину».

Галина МАТВИЕВСКАЯ

«ЗАВЕДЕНИЯ, ПОЛЕЗНЫЕ ДЛЯ ГОРОДА И КРАЯ...»

В начале XIX века перед оренбургской администрацией возникла серьёзная задача: организовать водоснабжение города так, чтобы не только обеспечить жителей питьевой водой, но и дать Оренбургу, сильно пострадавшему от пожаров в 1786 и 1807 годах, некоторую гарантию пожарной безопасности. Обычно воду получали из колодцев или доставляли из Урала по улице, получившей название Водяная (сейчас улица М. Горького). Первую попытку устроить в городе водопровод предпринял оренбургский военный губернатор П.К. Эссен, управлявший краем в 1817-1830 годах¹.

В 1827 г. Эссен обратился к начальнику оренбургского инженерного округа М.М. Бикбулатову с предложением составить проект водопровода для наполнения уральской водой бассейна, который был устроен при колодце «против почтамта», но «по неимению воды оставался для города бесполезным».

Через год проект вместе со сме-

той расходов на строительство был представлен. Воду предполагалось качать из Урала насосами с помощью двух установленных на берегу машин, каждую из которых должны были приводить в действие четыре лошади. Поданная вверх вода, поступив в большой резервуар, «могла бы течь по городу в желанные места».

Для оценки проект был отослан в Екатеринбург, к известному горному механику Меджеру, который одобрил его, но предложил другой, более дешёвый и весьма остроумный. Он был основан на применении «плавающего колеса» и позволял «сделать так, чтобы Урал сам снабжал жителей своею водою». Предлагалось поместить среди реки две барки, удерживаемые «быками», и между ними — колесо с 24 лопастями, которое вращается текущей водой и приводит в действие насосы. Все инструкции и расчёты Меджер передал оренбургскому военному инженеру К.И. Агашиеву, человеку, по его словам, весьма способному и знающему. Агашиев служил в Оренбургской инженерной команде с 1821 года, после окончания Главного инженерного училища в Петербурге². Ему и было поручено осуществить этот проект.

Строительство, начавшееся осенью 1829 года, шло быстро и успешно, казалось, был обеспечен. П.К. Эссен, назначенный 5 февраля 1830 года на должность военного губернатора Санкт-Петербурга, уехал — как пишет А.П. Гра — «в надежде на скорое окончание работ и исполнение своей мечты снабдить город хорошей водой». Однако весеннее

половодье разрушило все планы: 8 апреля, несмотря на огромный вес «быков», вода подмыла их, подняла, покачнула и опрокинула. Агашиев, сообщая об этом Эссену, заключил: «Итак, опыт показал, что машина господина механика Меджера при всей её замысловатости для севера неудобна». Он настаивал на возвращении к первому проекту с использованием лошадей и утверждал, что «при избрании средств надёжных, общепотребительных» обеспечен «несомнительный успех».

Решением вопроса о водоснабжении Оренбурга пришлось заниматься новому военному губернатору П.П. Сухтелену, правившему в 1830-1833 годах. Вскоре после своего назначения, в июле 1830 года, он направил министру внутренних дел ходатайство о присылке для составления нового проекта «опытного гидравлика из чинов корпуса путей сообщения».

В это же время возникла новая идея — обеспечить город водой с помощью артезианских колодцев³. С этой целью П.П. Сухтелен просил о назначении к нему горного инженера Я.Ф. Мейера, который окончил в 1821 году Горный кадетский корпус и с тех пор служил на Илецких соляных приисках⁴. В марте 1831 года на это было получено Высочайшее соизволение, а в октябре того же года Мейера отправили в Одессу, к французскому инженеру Е. Флашу для приобретения практических сведений по бурению артезианских колодцев. В Оренбург он вернулся только в сентябре 1835 года, когда оренбургским военным губернатором был уже В.А. Перовский, на-

значенный на эту должность в 1833 году после внезапной смерти П.П. Сухтелена. С присущей ему решительностью Перовский взялся за дело, начатое его предшественниками.

Прежде всего ему пришлось столкнуться с присланным из столицы для составления нового проекта доставления воды из Урала майором Термином, который в рапорте от 1 февраля 1835 года доложил, что для постройки водопровода видит единственное средство — «запрудить Урал весьма прочной плотиной и накопившуюся воду употреблять для движения подъёмного колеса, приводящего в действие водоподъёмные насосы». Но, поскольку такое строительство очень дорого, Термин пришёл к выводу, что оно вообще не нужно. Он считал, что, хотя возить воду из Урала неудобно, люди к этому уже привыкли. «Так как в городе и слободах — писал он, — нет почти ни одного жителя, который бы не имел по крайней мере одной лошади, то затруднение в возке воды не столь велико, чтоб стоило такого жертвования, какового будет стоить водоподъёмная машина». Термин полагал, что обеспечить жителей Оренбурга водой — причём не мутной уральской, а совершенно чистой, — следует с помощью артезианских колодцев.

А.П. Гра отмечает «странное, если не сказать более, отношение к другим способам доставить воду»⁵: ведь Термин вообще не упоминает проекта Агашиева. То же впечатление сложилось, по видимому, и у Перовского, поставившего на полях рапорта вопросительные знаки.

Тем не менее проект Термина в столице был одобрен, и в письме от 20 апреля 1835 года министр внутренних дел признал наиболее целесообразным для Оренбурга бурение артезианских колодцев. Перовский не возражал, и, сообщив, что уже поручил горному инженеру капитану Мейеру составить смету, просил о необходимых денежных ассигнованиях. Затем Мейер был отправлен на екатеринбургский, горноблагодатный и камсковоткинский заводы наблюдать за изготовлением инструментов, необходимых для бурения скважин. Вернувшись, он принялся за дело. Как говорится в архивном документе, «по приготовлении г. Мейером буровых снарядов и по устройении бурильных козел, бревенчатого сарая и кузницы 23 мая 1836 года в присутствии г. военного губернатора был заложен артезианский колодец на площади Оренбургского гостиного двора, и с того времени начались работы»⁶. Однако, несмо-

тря на все усилия, добиться успеха не удалось: буровая скважина, как свидетельствовал геолог Г. Гельмерсен, «остановилась в красном песчаном камне на глубине примерно 600 футов, не дав воды»⁷.

В 1839 году Я.Ф. Мейер, «надежный горный инженер, с делом уже знакомый», был включён в число специалистов, отправляемых правительством за границу «для изучения выбора мест и способов бурения артезианских колодцев»⁸. Перовский был весьма недоволен, так как «производимые в Оренбурге под надзором капитана Мейера по бурению артезианского колодца работы не приведены ещё к окончанию» «Сверх того, — писал он министру финансов графу Е.Ф. Канкрину, — я имел в виду возложить на него некоторые другие по горной части поручения, но, желая спешествовать исполнению предположения Вашего сиятельства и зная, что этот офицер по приобретённой им опытности действительно может быть с пользою употреблён в предназначаемой ему от Вас, милостивый государь, командировке, я приму меры к устранению затруднений, которые по отправлении его могли бы здесь встретиться в окончании порученных ему работ».

Осенью 1840 года Я.Ф. Мейер, сдав дела, отправился в столицу, но в Казани заболел и затем был уволен в отставку. Работы по бурению артезианского колодца в Оренбурге прекратились. В письме от 6 мая 1841 г. В.А. Перовский сообщал министру внутренних дел, что после отъезда Мейера «чиновника, на которого можно бы было возложить

продолжение этих работ, теперь здесь нет»⁹. «Основываясь на этом, — продолжал он, — я полагаю, что бурение здесь пресноводного фонтана следует прекратить». Впоследствии эти работы были продолжены, но успеха не имели.

Пытаясь организовать бурение артезианских колодцев, В.А. Перовский не отказался и от проекта снабжения жителей Оренбурга речной уральской водой¹⁰. Но, в отличие от предшественников, он решил установить на берегу реки механизм, который приводился бы в движение не лошадьми, а с помощью паровой машины. Для России в то время это техническое новшество было ещё очень большой редкостью.

Об осуществлении этой замечательной идеи В.А. Перовского рассказывает хранящееся в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) «Дело по заключённому с механиком Ишервудом контракту об устройстве в городе Оренбурге водоподъёмной машины, мукомольного и лесопильного заведений, а также об обучении семи способных молодых казаков Оренбургского войска искусству устанавливать машины, знать употребление их и проч.»¹¹. Дело содержит 312 листов, документы из него датированы 1837-1840 годами.

Из этого архивного дела мы узнаём, что во время своей длительной командировки в столицу зимой 1836-1837 года В.А. Перовский заключил контракт с петербургским механиком англичанином Джоном Ишервудом (в России именовавшимся Иваном Христофоровичем), который обязывался изготовить на Вы-

боргском чугунно-литейном заводе не только водоподъёмную машину, но и оборудование для мукомольного и лесопильного заведений, которые военный губернатор задумал основать в Оренбурге.

Согласно контракту¹², «паровая машина с водяным насосом и трубами» должна была быть готова к 15 августа 1837 года, затем доставлена на место и в октябре приведена в действие. Специально присланный Ишервудом механик был обязан «установить и содержать машину в ходу один месяц». Таким образом, предполагалось, что устройство водопровода в Оренбурге будет завершено в кратчайший срок — к началу 1838 года.

В контракте сказано, что тот же механик «должен составить планы для пильной и мукомольной мельницы с проводом к оной воды из Урала». К апрелю 1838 года предполагалось доставить оборудование, в том числе паровую машину, а в октябре лесопильное и мукомольное заведения должны были начать работу. Ишервуд обязывался прислать «механика для установки всех машин» и двух мастеров, «чтобы они находились при этом деле один год».

Среди оборудования в контракте упомянуты токарный и сверлильный станки, винторезный прибор, два чугунных меха и две наковальни для кузницы, ножницы для резания железа, трое тисков, слесарные и токарные инструменты, «весь нужный инструмент для двух горнов», ручной насос с медными трубами. Отдельным пунктом значится гидравлический «пресс для упаковки

хлопчатой бумаги, для сжимания сена и для прессования других вещей».

Особенно интересно, что В.А. Перовский позаботился о подготовке местных квалифицированных механиков, которые должны были обслуживать новые «заведения». В контракте особо отмечено, что Ишервуд обязуется у себя на заводе в Петербурге за год «выучить восемь или более человек» с тем условием, «чтобы при них был исправный и грамотный унтер-офицер».

Следует заметить, что это было отнюдь не рядовым событием. Ведь ещё незадолго до того, в январе 1836 года столичная газета «Северная пчела», напомнив, что изобретение паровой машины Джемсом Уаттом оживило и привело в цветущее состояние промышленность Англии, писала: «В России с недавних времён заметно распространяется употребление паровых машин, но все эти машины строятся и управляются англичанами, которым мы платим очень дорого». Надежды улучшить положение связывались с тем, что теперь и в России «преподаётся теория паровых машин во многих учебных заведениях, а в некоторых часть воспитанников приготавливается собственно по механике в строители механизмов сего рода». Другими словами, проблема подготовки квалифицированных кадров по управлению новой техникой была весьма актуальной.

Вскоре после подписания контракта, 3 мая 1837 года Перовский отправляет Ишервуду «план и профиль местоположению, на котором предполагается устроить водоподъ-

ёмную машину»¹³. Тогда же он обращается к старому оренбуржцу петербургскому военному губернатору П.К. Эссену с просьбой о выдаче проездных документов механикам, отправляющимся в Оренбург. Он пишет: «По заключённому мною с Санкт-Петербургским механиком Ив. Хр. Ишервудом контракту для устройства в Оренбурге на казённый счёт нескольких полезных для города и края заведений следует выдавать посылаемым от Ишервуда по этому делу механикам подорожные по казённой надобности»¹⁴.

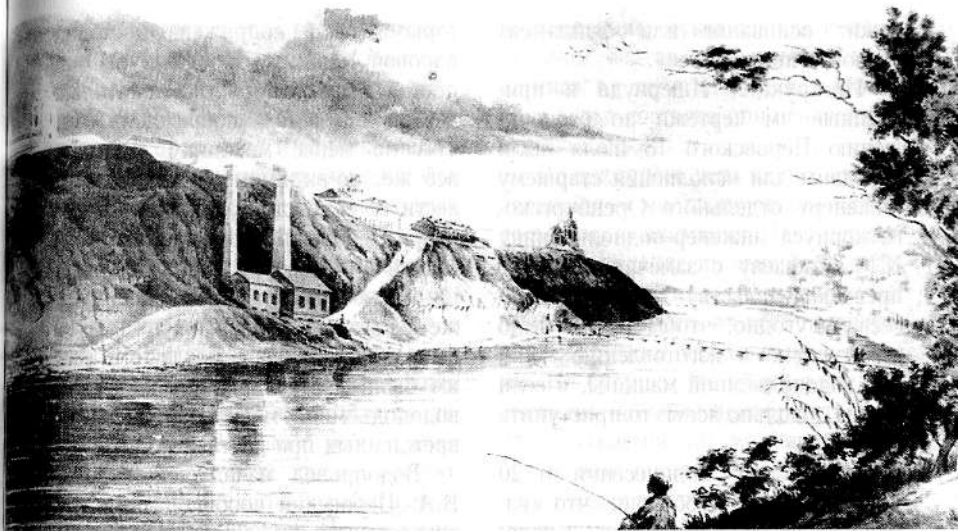
Тем же числом датировано распоряжение, отданное Перовским наказному атаману Оренбургского казачьего войска генерал-майору Шуцкому, в котором он сообщает, что Ишервуд обязался «обучить несколько человек, чтобы они могли находиться при заведениях, устанавливать машины, знать употребление их и проч.» «Я прошу Ваше превосходительство приказать, — пишет далее военный губернатор, — избрать семь человек способных молодых казаков от 16-ти до 20-ти лет, по возможности грамотных, и представить их ко мне при именном списке. Они должны быть снабжены на один год зимнею и летнею одеждою, также на проезд до Санкт-Петербурга кормовыми деньгами. Для доставки этих людей к механику Ишервуду прикажите избрать расторопного и благонадежного урядника из грамотных, который должен будет из Санкт-Петербурга отправиться сюда с разными машинами и вещами, а потом опять возвратиться к Ишервуду на

завод, где и останется при учениках до отправления сюда в апреле 1838 года большой паровой машины»¹⁵.

Распоряжение было выполнено уже 3 июня. В представленном списке значились: Алексей Савельев сын Серебрянов, 20 лет, из станицы Табынской, Василий Яковлев сын Шеметов, 18 лет, из станицы Ельдяцкой, Гаврила Андреев сын Беляев, 19 лет, из крепости Рассыпной, Яков Петров сын Голвачёв, 18 и Фёдор Иванов сын Порогов, 19 лет, оба из станицы Борской, Филипп Алексеев сын Сенисов, 18 лет, из станицы Ольшанской, и Иван Михайлов сын Бородин, 18 лет, из Оренбургского казачьего полка. Для препровождения их до Петербурга был назначен урядник Деревянов.

8 июня 1837 года они, как сообщил Перовскому Ишервуд, благополучно прибыли на место и «размещены были по мастерским, а именно: три по кузнечному, три по слесарному и один по медничному цеху. Впоследствии они переходить будут также и по другим металлическим цехам, дабы имели познание по всем частям, в особенности же по части сборки машин и содержания оных в ходу». Ишервуд замечает, что «молодые люди сии весьма хорошие и можно ожидать, что они будут хорошие мастера». По его словам, они «за дело принялись с охотою и прилежно». Со своей стороны он обещает снабдить их рабочей одеждою, а «на счёт харчей они будут в совершенном довольствии и, согласно желанию и по обычаю, в дни постные пищу будут получать постную».

В письме от 19 июня Ишервуд

Вид на Оренбург из Зауральной рощи.
Художник Бронислав Залеский

сообщал Перовскому, что, получив «планы и профиль местоположения, назначаемого под водоподъёмное заведение», он «немедленно занялся окончательным составлением проекта». Были предложены «два способа для доставления воды к насосам: один прокопанием канала от реки под самое строение, и другой проложением от насосов до воды чугунной всасывающей трубы». Из них Ишервуд отдаёт предпочтение второму — «как более прочности для строения представляющему»¹⁶.

Так как водопровод предполагалось ввести в действие в кратчайший срок, Ишервуд даёт Перовскому инструкцию по проведению подготовительных работ. Она позволяет ясно представить устройство «водоподъёмного заведения».

Ишервуд пишет: «Можно приступить к отрывке грунта из косогора для заложения строения, коего стона с дымовой трубой должна быть к горе, а другой фас — к реке». Под-

робно описана галерея, «выделанная из камня и кирпича, со сводом», в которой будет находиться чугунная труба, подводящая воду из реки к насосам. «Конец сей галереи, — говорится далее, — где она выйдет из берегового откоса к воде, можно обделывать и сваями, и всё оное обложить землёю и камнем для предохранения от мороза и действия вешних вод». Между береговым склоном и задней стенкой строения нужно оставить «хотя небольшое пространство», которое служит «для устранения давления грунта», учитывая, что «сим средством и сырость не будет иметь вредного влияния на сию стену». Особо отмечено, что «под дымовую трубу, которую, сообразуясь с местностью, надлежит вывести довольно значительной вышины, чтоб ветер со стороны горы не препятствовал исправному горению топлива, над-

лежит основание или фундамент устроить прочнейшее».

Инструкция Ишервуда и приланные им чертежи по распоряжению Перовского 18 июля были переданы для исполнения старшему инженеру отдельного Оренбургского корпуса инженер-подполковнику К.М. Тафаеву с замечанием: «Его превосходительству Василию Алексеевичу угодно, чтобы тотчас было приступлено к изготовлению места для водоподъёмной машины, и если планы довольно ясны, то приступить к стройке»¹⁷.

Между тем в донесении от 20 июля¹⁸ Ишервуд сообщает, что «изготовление паровой машины и водоподъёмного снаряда продолжается успешно» и «всё оное будет готово в начале августа». Доставка груза планировалась водным путём до Самары, откуда его должны были перевозить на воловых упряжках. Для водных перевозок Ишервуд составил договор с неким г. Данковским, который, по его словам, благонадёжен, так как «с давнего времени таковыми делами занимается». Наконец 19 августа Ишервуд сообщил: «Вещи, принадлежащие к паровой водоподъёмной машине, мною все отделаны, а частью уже и укупорены и грузятся на лодки»¹⁹. В путь транспорт отправился 6 сентября. Его сопровождал один из двух мастеровых, посланных Ишервудом, а второй поехал прямо в Оренбург вместе с механиком Шерифом, который должен был установить машину, изготавливавшуюся под его «непосредственным присмотром».

Архивные документы свидетельствуют о великих трудностях, с ко-

торыми была сопряжена доставка паровой машины. В Оренбург она прибыла 26 октября, но некоторые детали оказались повреждёнными. Тем не менее механику Шерифу всё же, по-видимому, удалось привести её в действие, так как 10 декабря Перовский разрешает ему вернуться в Петербург и производит с ним денежный расчёт²⁰. Ишервуду же деньги были высланы только 12 февраля 1838 года — после того, как им были доставлены новые детали водоподъёмной машины взамен повреждённых при доставке²¹.

Водопровод начал действовать. В.А. Перовский сообщал министру внутренних дел 15 ноября 1841 года: «Обзаводясь снабжением города Оренбурга водою, которую получал он из реки Урала с большими по местному положению своему неудобствами, я распорядился устроить водопровод, в который вода подымается из Урала посредством машины паровой и конной»²². В книге геолога Г.П. Гельмерсена «Путешествие на Урал и в киргизскую степь», вышедшей из печати в 1841 году, сказано, что паровая машина «устроена теперь у берега Урала и приводит в действие пагнетальный механизм, который поднимает достаточное количество воды»²³.

Если устройство водопровода В.А.Перовскому удалось осуществить в намеченный срок, то с изготовлением и доставкой оборудования для лесопильного и мукомольного заведений произошла значительная задержка. Она была связана, прежде всего, с проводившимися в Петербурге работами по восстановлению Зимнего дворца после пожара,

случившегося в 1837 году. По этому поводу Ишервуд писал Перовскому 12 июля 1838 года: «Ваше превосходительство! Милостивый государь! Отправление и отделка вещей нынешний год весьма замедлилась по случаю строений, производимых в Зимнем дворце, для коего заняты все кузнецы и наипаче котельщики, потому что все балки в оном делаются из листового железа, и за оную работу платят здесь почти неслыханную цену, так что каждый работник вырабатывает в день от пяти до десяти рублей; все оные работы производятся с такой поспешностью, что для партикулярных работ невозможно найти рабочих. Но я со своей стороны делаю всё то, что только возможно для ускорения окончания отделки машин и котлов»²⁴.

Действительно, Ишервуд, хотя и с опозданием, свои обязательства выполнял. В июле был отправлен по воде первый транспорт, который сопровождал урядник с молодыми казаками, возвращавшимися после учёбы на столичном чугунолитейном заводе. Оренбургская войсковая канцелярия доносила Перовскому 4 октября 1838 года: «Урядник Деревянов ныне прибыл в Оренбург вместе с находившимися у Ишервуда семью казаками и паровую машиною». В ответ на поставленный в рапорте вопрос: «Иметь ли казаков в Оренбурге или отправить их в место жительства?» — военный губернатор распорядился: «Предписываю возвратившихся из Санкт-Петербурга обучавшихся там у механика Ишервуда семь казаков Оренбургского войска оставить при устраиваемых здесь заведениях, во-

доподъёмном, мукомольном и лесопильном, считая этих людей находящимися на действительной службе, пока будут состоять при означенных заведениях»²⁵.

Из архивного дела видно, что и в дальнейшем молодым людям уделялось немало внимания. Так, передавая их в ведение инженерного отдела, Перовский писал 2 декабря: «Я приказал снабдить их всех полушубками и другими необходимыми вещами. На будущее же время одежду и обувь они должны приобретать сами на отпускаемое им жалование»; по его словам, оно значительно превосходит жалование казаков, состоящих на действительной службе, которые «обмундировываются сами». Перовский предписывает старшему инженеру: «Не оставьте распорядиться о помещении их таким образом, чтоб они могли составить из себя особую артель, и чтоб удобно было иметь над ними ближайший надзор, который и поручить состоящему при них уряднику Деревянову».

Вслед за паровой машиной 9 октября из Самары «в целости» доставлены в Оренбург «на пятнадцати воловых фурах» различные «чугунные и железные вещи», прибывшие с первым транспортом. Вскоре пришёл и второй, о котором посланный за ним хорунжий Михайлов сообщал 3 ноября: «Следующие для пильного и мукомольного заведений чугунные и железные вещи 30 числа того октября водяною коммуникацией в город Самару доставлены и мною противу накладной приняты»²⁶.

Третий же транспорт, в котором находился «котёл к паровой машине со всеми остальными вещами», ока-

зался многострадальным. Он был отправлен из Петербурга только в сентябре 1839 года и получен в конце октября, а запасной котёл, следовавший отдельно, застрял в пути надолго из-за смерти подрядчика и прибыл только в марте 1840 года. Недовольный задержками Перовский отказался от заказанного ранее гидравлического пресса: 12 сентября 1839 года Ишервуду сообщили, что он «теперь уже не нужен».

Согласно контракту, после установки машин и приведения их в действие два механика, присланные Ишервудом, должны были оставаться в Оренбурге в течение года — «для присмотра за ними». Этими механиками оказались сын Ишервуда (в документах он назван «молодым Ишервудом») и его племянник Христофор Ледлей, прибывшие в октябре 1838 года. Следующим летом молодой Ишервуд, который, по видимому, оставался без дела из-за задержки оборудования, решил вернуться в столицу. Он писал 11 июля 1839 года Перовскому, очевидно, порядком раздражённому: «Ваше превосходительство изволили разрешить отправиться мне в Санкт-Петербург к родителю для управления заводами, вследствие чего я неоднократно приходил к Вашему превосходительству, но не имел чести лично видеть особу Вашу, а дабы не упускать время к скорейшему прибытию и не остановить действие завода, осмеливаюсь низжайше просить о выдаче мне на дорогу 1000 рублей, равно и двоюродному брату моему, остающемуся здесь, на расходы 1000 рублей». Сообщая Ишервуду-старшему о произведённом расчёте, Перовский

спрашивает: «Когда будет доставлен котёл?»²⁷

Ледлей, судя по документам, пробыл в Оренбурге ещё год, устанавливая прибывшие машины и налаживая лесопильное и мукомольное производство. О встрече с ним писал английский капитан Джеймс Аббот, побывавший в Оренбурге летом 1840 года.²⁸

В ходе работы выяснилось, что не хватает работников, обученных «правильной ковке камней», «молотию разных сортов крупчатой муки», «лесопильному искусству»; требовался также «хороший машинист для правки машин во время ломки их». Поэтому 5 ноября 1839 года Перовский предписал войсковой канцелярии, «избрав четырёх молодых и способных к делу казаков», отослать их для обучения к управляющему хозяйственной частью при мукомольном и лесопильном заведениях Крейцнемеру. С этой целью были выбраны из Оренбургского неперменного казачьего полка казаки Пётр Морев, Филипп Сильнев, Степан Тиманов и Иван Шилинцов, которые пополнили первый отряд оренбургских мастеровых людей.²⁹

Примечания:

¹ Гра А.П. Первая попытка устройства в городе Оренбурге водопровода // Тр. Орен. Уч. арх. комиссии. Вып. XI. Оренбург, 1903. С. 49-63.

² Максимовский М.С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища (1819-1869). СПб., 1869. С. 66.

³ ГАОО, ф. 6, оп. 6, № 11657, л. 8-12.

⁴ ГАОО, ф. 6, оп. 5, № 11512, л. 3-8.

⁵ Гра А.П. Первая попытка устройства в городе Оренбурге водопровода // Тр. Орен. Уч. арх. комиссии. Вып. XI. Оренбург, 1903. С. 62.

⁶ ГАОО, ф. 6, оп. 6, № 11657, л. 10.

⁷ Gelmersen G. Reise nach dem Ural und der Kirgisiensteppe. St. Pet., 1841. S. 155.

⁸ ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 4979, лл. 2-2 об.

⁹ ГАОО, ф. 6, оп. 6, № 11657, л. 14.

¹⁰ ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 4979, лл. 2-2 об.

¹¹ ГАОО, ф. 6, оп. 5, № 11277.

¹² Там же, лл. 38-38 об.

¹³ Там же, лл. 1 об.-2.

¹⁴ Там же, лл. 2 об.-3.

¹⁵ Там же, лл. 3-3 об.

¹⁶ Там же, лл. 14-15 об.

¹⁷ Там же, лл. 19-19 об.

¹⁸ Там же, лл. 20-21 об.

¹⁹ Там же, лл. 32.

²⁰ Там же, лл. 62-62 об.

²¹ Там же, лл. 80.

²² ГАОО, ф. 6, оп. 5, № 11373, л. 142.

²³ Gelmersen G. Reise nach dem Ural und der Kirgisiensteppe. St. Pet., 1841. S. 155.

²⁴ ГАОО, ф. 6, оп. 5, № 11277, лл. 95-95 об.

²⁵ Там же, л. 128.

²⁶ Там же, л. 142-143.

²⁷ Там же, лл. 212-213.

²⁸ Abbot J. Narrative of a journey from Heraut to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the late Russian invasion of Khiva. London, 1843. P. 117.

²⁹ ГАОО, ф. 6, оп. 5, № 11277, л. 250.

лет пьянствовал, то с чего бы ему от водки умирать? Тут дело нечистое». После уезда сына Малиновского папынок обзавёлся костылями.

МЫШИХА

Каждое утро я рассказывала маме свои придуманные ночные приключения. Главной героиней моих рассказов была Мышиха, жившая в норке под столом. Ещё я рассказывала о её многочисленных родственниках и знакомых. Каждую ночь я путешествовала по Мышихиному царству — огромному количеству нор. Я становилась ростом с мышь и всюду могла пролезть.

А днём ни Мышиха, ни её родственники ко мне не приходили. Они боялись взрослых котов.

Один раз я взяла вилку и начала скрести мышихину норку под столом. Из норки вылез мышенок, посмотрел на меня внимательно и залез обратно.

А потом я с Мышихой поссорилась. Я взяла лист бумаги, нарисовала пёструю кошку и этот рисунок

положила возле Мышихиной норки, чтобы напугать. И Мышиха ко мне больше не приходила. И я перестала о ней рассказывать.

Когда мы переезжали, я забыла забрать рисунок с кошкой. Он так и остался возле норки.

ПРОЩАЙ, АРЕНДА!

Огромная машина стояла около наших ворот. Папа с товарищами, с которыми занимался «рукопашкой», грузили в машину мебель и коробки. Мама руководила погрузкой. «Переезжаете?», — спросил Армен. «Переезжаем», — ответила я. «Плохо», — сказал Армен. И мы с ним, стоя у палисадника, стали наблюдать за погрузкой.

Да, мы переезжали. Что ждёт впереди? Мне исполнилось шесть с половиной лет и осенью я должна пойти в первый класс. Но уже не на Аренде... Она осталась в моей памяти.

Когда я жила на Аренде, я любила смотреть из окна, как проезжают поезда...

Леонид Иосифович Футорянский родился в Киеве в 1928 году. Окончил историко-филологический факультет Чкаловского (Оренбургского) педагогического института. Работал в школах и училищах области, 35 лет заведовал кафедрой истории (истории СССР, истории России) в Оренбургском государственном педагогическом институте (университете). Ныне — директор научно-исследовательского института истории Южного Урала и казачества России Оренбургского государственного университета. Профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, автор многочисленных трудов по истории края, академик Академии военно-исторических наук.

Леонид ФУТОРЯНСКИЙ

«МАДРИД» МОЕГО ДЕТСТВА

За несколько лет до войны из состава Киевского военного округа, где в штабе работал мой отец, был выделен Одесский военный округ. В него и перевели отца с обещанием, что через пару лет вернут снова в столицу. Семья осталась в Киеве, мама работала в Водздравотделе. В июне 1941 года, когда закончился учебный год, мы выехали всей семьёй к нему в Одессу.

Мне тогда было 13 лет, старшему брату шёл шестнадцатый год. Сестрёнке исполнилось четыре.

Не забыть, как в первый же день войны фашисты бомбили Одессу. Мы жили тогда на углу улиц Дерибасовской и XV лет РККА, в гостинице «Пассаж». Отца, как и других военнослужащих, ночью вызвали в штаб округа. В гостинице оставались только женщины и дети. Прозвучал сигнал тревоги, послышались разрывы бомб, затрещали зенитки. В гостинице царил паника, плакали дети. Бежали, прижимая их к груди, женщины: искали,

куда же спрятаться. Наконец забили в чудом обнаруженный подвал. Было трудно дышать. Вверху всё гремело. Наконец раздался отбой. Все высыпали на улицу глотнуть воздуха.

Напротив главного входа в гостиницу находился сквер, в котором возвышался памятник князю генерал-губернатору Новороссии Н.С. Воронцову. Сквер и памятник утопали в розах, а через несколько дней цветы исчезли. На смену им пришли «щели» – углубленные окопы, в которых можно было укрыться от бомб. Они были полутораметровой глубины.

Тревоги, бомбёжки стали обычным делом, и мы, мальчишки, призывали к ним, как будто это было обычное явление. Объявлялась тревога, а мы бегали по улицам как ни в чём не бывало.

Кольцо немецких и румынских войск всё туже окружало Одессу, кроме бомб, страшным нашим противником была засуха. Вода стала бесценной жидкостью.

За неделю до полного окружения Одессы семьи офицеров погрузили в три грузовика и дали сопровождающего – майора Бадусова, в обязанность которого входило сохранить жизнь женщин и детей. Не забыть его периодический крик: «Воздух!» Это означало, что все мы должны немедленно покинуть машины и спрятаться в кюветы, чтобы избежать (насколько возможно) попадания бомб или брющих обстрелов с самолётов.

Не всем это удавалось. Помню, как одному из мальчишек оторвало руку, а девочке обе ноги, и мать

в ужасе рыдала над истекающим кровью ребёнком.

Путь до Херсона, а потом Днепропетровска, Ростова был очень долог. В Чкалов же мы прибыли в январе 1942 года.

Нашу семью поселили в маленькой комнатухе. Мама сразу же стала работать в госпитале, брат начал трудиться токарем-сталерезом на 545-м патронном заводе, эвакуированном в Чкалов из Ворошиловграда.

В город каждый день прибывали санитарные поезда. Мать с подругами, часто даже ночью, отправлялась разгружать вагоны с ранеными.

Жили мы в доме, который находился рядом со 2-м Чкаловским воздушным авиационным училищем. Этот комплекс зданий, расположенный на берегу Урала, назывался 13-м авиагородком. А наш дом – он был самым большим – почему-то называли «Мадридом». Позднее я догадался, почему: нашими соседями были лётчики, перед войной уже успевшие повоювать с фашистами на территории Испании.

Там, кстати, сражался в качестве военного советника и наш земляк Александр Ильич Родимцев, получил свою первую звезду Героя Советского Союза. Позже он командовал гвардейской стрелковой дивизией, отличившейся в боях под Сталинградом.

Теперь одна из улиц Оренбурга носит имя генерала-полковника, дважды Героя Советского Союза Александра Ильича Родимцева.

Тогда мало кто знал, что Чкаловская область стала важнейшей

базой штурмовой и бомбардировочной авиации, откуда наносились удары по фашистским оккупантам. На основе приказа командующего ВВС Красной Армии Приволжского округа, штаб которого был эвакуирован в Чкалов, было отдано распоряжение о срочном создании в нашей области 16 аэродромов: в Сорочинске, Новосергиевке, Переволоцком, Акбулаке, Сакмаре, Саракташе, Абдулине и других местах. Аэродромы разместили так, чтобы не поставить под удар крупные промышленные центры области. И надо заметить, ни одному вражескому самолёту за всё время войны не удалось прорваться сюда, в глубокий тыл. Но и наши лётчики не все возвращались на родные аэродромы. Так, под Штетингом погиб в воздушном

бою бывший начальник Чкаловского военного училища штурмовой авиации генерал-майор авиации дважды Герой Советского Союза Иван Семёнович Полбин. Его имя потом долгое время (до ликвидации) носило Оренбургское высшее военное авиационное училище лётчиков.

Но часто мы видели и счастливых, запылённых обитателей «Мадрида», таинственные улыбки на их лицах говорили о том, что из очередного боя они вернулись с победой...

Улица Челюскинцев. Справа – «Мадрид», за ним – здание бывшей духовной семинарии, в то время лётного училища.

Конец 1950-х гг.
Фото А. Бехтерева

Я учился в средней школе № 30. Правда, в то время там располагался госпиталь, поэтому учёба проходила в небольшом здании на углу улиц Советской и М. Горького. Мы, школьники, периодически выступали перед ранеными с концертами, лекциями, а летом трудились в совхозе «Овощевод». На Сакмаре, как в своё время Николай Островский, вылавливали из воды пловущие брёвна, укладывали их на берегу для просушки. Зимой ими топили печи. Такие «корчагинские» выезды многое дали для закалки наших характеров.

Старшеклассники, едва закончив школу, уходили на фронт. Многие из них погибли и живут теперь только в нашей памяти...

Незабываемо было и 9 мая 1945 года. Весть о победе пришла в город утром. Она облетела «Мадрид» с быстротой молнии. Мальчишки, боясь, что не все ещё знают о радостном событии, бегали по комнатам, стучали в двери и сообщали о капитуляции фашистской Германии.

Большинство жителей высыпало на площадку перед домом: смеялись, пели, танцевали, а некоторые плакали, ибо не было семьи, которая не потеряла бы родных и близких. Громогласное «Ура!» потрясло воздух. Офицеров-лётчиков качали, подбрасывая в воздух. Победа!

Через много лет после войны историки подсчитали: среди лётчиков Героев Советского Союза десятая часть – наши земляки.

Самигулла Сафреевич Баймурзин родился в 1948 году в селе Тугустемир Тюльганского района. Окончил Литературный институт им. М. Горького и Уфимский нефтяной технический университет. Работал моряком, журналистом в Мурманской и Оренбургской областях, Карелии и Башкортостане, заместителем генерального директора ОАО «Оренбургнефть». В настоящее время советник Президента общественного благотворительного фонда «Совесть». Живёт в Оренбурге.

Самигулла БАЙМУРЗИН ЗАНОЗА

Рассказ

Рассказ этот – скромный сыновний долг перед моим отцом Сахиулла Музафаровичем Баймурзиным, солдатом Великой Победы. С первых дней службы в Красной Армии он крутил баранку легендарной «полуторки», затем пересел за руль работяги-«Захара» и, наконец, как один из опытных водителей прошёл переподготовку и получил мощный американский тягач «студебеккер», на котором проехал дорогами войны от стен непобеждённой Москвы до берегов Одера.

Отец присягнул на верность Родине 1 января 1939 года, его действительная служба, вместившая всё суровое военное лихолетье, растянулась на долгие семь лет.

Дорогому отцу, его однополчанам, всем, кто выжил, и кто не вернулся с полей брани, мой низкий поклон и восхищение!

Несмотря на знаменательный день, Сахиулла ещё не принял «на грудь», как он обычно выражался,

Валентина КАПУСТИНА
**«ВОИНСКИЕ
 ИГРЫ»
 ОРЕНБУРГСКИХ
 КАЗАКОВ**

Валентина Михайловна Капустина родилась в с.Новоуральске Кувандыжского района. Окончила библиотечный факультет Куйбышевского (Самарского) государственного института культуры. Заведует отделом естественно-научной и сельскохозяйственной литературы областной научной библиотеки им.Н.К.Крупской.

Выносливость, живучесть, сметливость казаков общеизвестны. Эти качества поражали всех, а особенно иностранцев. Так, англичанин М. Уоллес, автор книги «Россия», был удивлён до крайности способностью казаков «выносить невероятную усталость и всевозможные лишения». Англичанин отметил: «Они могут жить и процветать при таких условиях, которые скоро обессилели бы регулярные войска. Они в величайшей степени обладают способностью приспособливаться...»

Они пришли в наш край первыми. Здесь не было дорог, мостов через реки. Неоглядные степные просторы можно было преодолеть, только будучи прекрасным наездником, обладая выносливостью и хорошим здоровьем. Кочевники встретили появление казаков, мягко говоря, недружелюбно и опасность подстерегала повсюду. Здесь ещё не было России, и казаки были её авангардом. Край отличался суро-

вой снежной зимой и жарким безводным летом. Суровая природа, суровый жизненный уклад закаляли казаков, но для службы этого было мало. Требовались обучение и тренировка.

В «Материалах по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска» (Оренбург, 1913, вып. 11, с. 149-150) приводятся сведения из архивных документов, которые касаются обучения и тренировки казаков: «Для обучения строю служащие казаки с 1842 года собираются в станицах в свободное от полевых работ время, пять раз в год, каждый раз не более как на три дня. Сверх того служащие казаки и сиденки обучаются верховой езде, скачке и стрелянию на марш-марше из пистолетов и ружей; между казаками укореняются древние воинские игры; искусное ристание и плавание на лошадях, ловкое действие пикой и шашкой, меткая стрельба в цель, беганье, борьба и прочие гимнастические упражнения, свойственные казачьей службе, для развития удалства и развязности, необходимых в быту».

«Древние воинские игры введены в войске на основании параграфов 26 и 27 приложения 12-го к наказу гражданского управления войска Донского, для чего станичные атаманы с судьями и стариками, в воскресенье и праздничные дни после обеда, обязаны собирать молодых казаков и малолетков на назначенном месте и заставляя их, вместо забавы, заниматься воинскими играми и гимнастикой. Упражнения малолетков в верховой езде, действия оружием, стрельбою в цель и в плавании

на лошадях через реку проводились в станицах на основании параграфа 424, главы 13-й положения войска Донского, применённого к Оренбургскому войску параграфом 223-м положения 12 декабря 1840 г.»

В школах Оренбургского казачьего войска физическим упражнениям и спортивным играм уделялось большое внимание.

Казачий офицер П.И. Авдеев в своей книге «Историческая записка об Оренбургском казачьем войске», которая была написана в 1873 году, а издана в 1904 г., на страницах посвящённых казачьей школе, отметил: «Предметы учения заключались: в чтении, письме, арифметике и Законе Божьем... Вменялось также в обязанность учителям обучать учеников гимнастике, строю и фехтованию саблями и пиками». (С. 117 – 118).

Уроки в казачьих школах длились час, а иногда два. Затем дети отдыхали, но отдыхали активно: для них устраивались игры или же казачата отработывали гимнастические упражнения. В воскресенье или в праздничные дни учащиеся собирались в школе и строем шли в церковь. Послеобеденное время посвящалось снова фехтованию деревянными саблями и пиками, или же школьники лёгкими дротиками сбивали специальные мишени – соломённые шары, прикреплённые к палкам.

Тренированность ловкости и выносливости нередко спасала казак жизнь и зачастую подсказывала выход из щекотливых и довольно неприятных ситуаций. Сохранились воспоминания Алексея Селивёрсто-

вича Мелянина, генерал-майора атамана 1-го отдела Оренбургского казачьего войска. В молодости в звании есаула А. С. Мелянин участвовал в Кокандском походе 1875-1876 гг., командовал 1-й отдельной сотней. Алексей Селивёрстович описывает загадочный и вместе с тем забавный случай, произошедший во время парада в честь победы над Кокандским ханством. «Казачьи построены были в сотенную полковую колонну и шли на указанных дистанциях переменным аллором. Сигналы подавал генерал Скобелев. Впереди шла 1-я сотня рысью и удостоилась было похвалы, но вдруг генерал вспылал, крикнул: «Шапка!» Я посмотрел на сотню: у одного казака не было шапки — слетела как раз при прохождении против начальника и лежала сиротой на плацу. Генерал крайне не любил этого и строго преследовал. Остальные сотни проходили больше карьером. Когда все прошли, генерал Скобелев подъехал к моей сотне и удивился, что у всех казаков шапки были надеты. Нельзя было думать, что виновный отлучился из фронта, боясь наказания. Очевидно, кто-то из казаков 2-й или 5-й сотен поднял шапку и выручил товарища, но кто именно — осталось неизвестным. Сначала даже не могли найти казака, который потерял шапку. Генерал посмеялся, назвал всех казаков молодцами за взаимную выручку и дал пять рублей для передачи поднявшему шапку, но, к сожалению, такового не нашлось. Надо иметь большую смелость и ловкость, чтобы в сомкнутом строю поднять с земли шапку. Вероятно, это было

сделано замыкающим одной из шедших сзади сотен».

Спортивно-развлекательное действо «Взятие снежного городка» у оренбургских казаков было очень популярно. Происходило «взятие», как правило, на Масленицу. Подробно об этом можно прочитать в работе оренбургского казачьего историка А. И. Кривощёкова «Обряды и обычаи оренбургских казаков». Эта работа была опубликована в журнале «Вестник Оренбургского учебного округа» в 1915 году в № 1-7.

Снежный городок строился на церковной площади или на краю станицы. Каждое казачье общество ежегодно выделяло деньги на возведение «городка» и на премирование победителей. В день соревнований сюда стекалось всё население. В назначенный час в сопровождении трубача и в строгом боевом порядке выезжали казаки, которым предстояло участвовать в соревнованиях. За ними в таком же боевом порядке выезжали мальчишки, вооружённые острыми колышками, которые необходимы для штурма крепостной стены.

Штурму снежного городка у оренбургских казаков предшествовали состязания. Во-первых, это скачки, в которых участвовали все желающие казаки. Во-вторых, соревнование казаков во владении шапками и пиками. Для этого соревнования ставили несколько препятствий и соломенных чучел, которые нужно было на скаку рубить пашкой или колоть пикой. Гул одобрений и крики «браво» были наградой для лихого казака, ловко посадившего на пикку соломенного «немца»

или в рубке снесшего метким ударом «голову». Вслед за рубкой следовали соревнования по джигитовке. На полном скаку демонстрировались головокружительные трюки. Самый простой из трюков за три минуты, держась за седельную луку, успеть 5-6 раз спрыгнуть с коня и, словно мячик ударившись о землю, снова взлететь в седло. Для таких упражнений не годится простая рабочая лошадь, нужна хорошая, которая не подведёт казака. После этих соревнований наконец-то начиналось главное действо.

Штурм А.И. Кривощёковым описан в деталях, красочно. Но мы остановимся на взятии маленького снежного городка, возведённого специально для мальчишек: «Каждый старается первым взобраться на вершину городка, где уже стоит поселковый казначей с призами и гостинцами. Однако здесь ребят ожидает искушение. Едва они облепили город, едва столпились у его подножья, как сверху на них посыпался целый дождь конфет и пряников. Это казначей сладкими пустяками смущает детские души. Многие бросились подбирать, но этим моментом воспользовались более опытные и с удвоенной энергией принялись работать руками и ногами, взбираясь все выше и выше к главной цели. Наконец голова одного показалась над площадкой городка, и через секунду сюда вскочил малыш и с сияющим от восторга лицом протянул руку к казначею: «Пожалуйста первый приз!» Представление окончено. Все покидают площадь. Впереди с песней едут казаки, которые взяли городок, за ними также с песней идут

казачата, окружённые толпой и чувствующие себя героями».

Будучи на службе в других городах России: Москве, Пензе, Нижнем Новгороде и других, оренбургские казаки устраивали, говоря современным языком, показательные выступления, на которых демонстрировали своё спортивное и воинское искусство. Эти мероприятия привлекали тысячи жителей городов и окрестных сел. Из статьи «Оренбургский казачий полк в Харькове», опубликованной в газете «Оренбургские губернские ведомости» № 40 за 1897 год: «9 февраля на конной площади полком были проведены джигитовка и небольшой манёвр: «взятие снежного городка». Публика, очень любящая это зрелище, ещё с 12 часов запрудила путь на всю громадную конную площадь, сплошными массами охватив с трёх сторон место военных эскерций... К месту казачьих игр прибыли: командир 10-го армейского корпуса генерал от кавалерии В.Ф. Винберг, начальник 10-й кавдивизии генерал-лейтенант А.М. Ребиндер, бывший командир оренбуржцев генерал-майор Е.В. Шницберг и много других начальников Харьковского гарнизона».

Из статьи «Возвращение 1-й Оренбургской казачьей сотни из Пензы», опубликованной в газете «Оренбургские губернские ведомости» за 29 августа 1897 года (перепечатка из газеты «Пензенские губернские ведомости» (1897, № 187): «17 августа на лагерном поле происходила джигитовка казаков Оренбургского казачьего войска, прибывших в Пензу для участия в общем лагерном сборе. На огороженном

месте более 50 казаков упражнялись в различных действиях, показывая свою силу и ловкость: ездили с необыкновенной быстротой, соскакивали с лошадей на всём скаку и снова садились, быстро мчались, держась за седло и поднявши ноги вверх, стреляли во время езды из ружей и т. п. Для пензенской публики подобные упражнения были новостью и потому не удивительно, что народу собралось несколько тысяч, и казаки вполне оправдали свою славу. То, что делали они, может казаться невероятным, легендарным. По окончании джигитовки изумлённые зрители долгое время беседовали между собой о том, что они видели, и выражали сожаление, что подобное удовольствие приходится испытывать чрезвычайно редко.

Даже во время тяжелой экспедиции 1894-1896 гг. по англо-русско-афганскому разграничению у казаков хватало сил для спортивных состязаний. Совершенно неожиданно в книге шведского путешественника Свена Гедина «В сердце Азии. Памир — Тибет — Восточный Туркестан» (СПб, 1899. — 455с.) читателю открываются светлые и очень интересные страницы, посвящённые «международным соревнованиям», в которых участвовали оренбургские казаки.

Свен Гедин пишет: «Эскорт русских составляли 40 (оренбургских — В.К.) казаков, военный оркестр из 18 человек и масса туземцев — джигитов и караванных проводников. У англичан было с собой до 200 солдат индийской армии, индусов, афридиев и канджутцев. Я не стану касаться важных задач комиссии, упомяну

только, что нельзя и представить себе более товарищеских и приятных отношений, нежели отношения, установившиеся между этими двумя лагерями, которые отстаивали столь противоположные интересы». В честь знаменитого путешественника были устроены соревнования: «...К великому удовольствию нижних чинов и киргизцев, офицеры обоих лагерей устроили для них грандиозное «тамаша» (зрелище). Праздник начался стрельбой в цель на расстоянии 250 шагов, в которой приняли участие и некоторые из офицеров». «Генералы лично раздавали за стрельбу призы, состоявшие из серебряных чарок, халатов, материй, рублей и рупий... Второе отделение разнообразной программы прошло также очень весело. Началось оно состязанием в силах. Две партии, по 8 человек в каждой, изо всех сил тащили каждая к себе один из концов верёвки, стараясь перетянуть противников. Сначала «тягались» казаки с афридиями, и первые победили, потом киргизы с канджутцами, и опять победила русская партия... Потом состоялся бег в запуски, свободный и в мешках, с перепрыгиванием, вернее, перекувыркиванием через протянутую верёвку, и бег в запуски между «сиамскими близнецами», т. е. попарно связанными людьми». На другой день состоялись скачки: «Около 200-300 всадников собрались на равнине... Дистанция была назначена в 1,5 версты, и казаки обскакали индийских кавалеристов на 2 минуты. Зато в другом соревновании («lime cutting») победителями оказались последние. Были установлены трое ворот (столбы с перекладинами) в

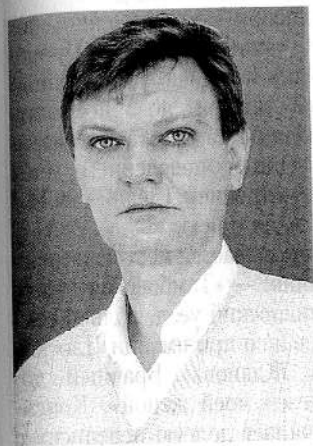
одну линию; к перекладинам подвесили картофелины, и наездники должны были, проносясь в карьер под воротами, рассечь на всём скаку одним ударом сабли любую из картофелин пополам, что и удавалось многим». Думается, что казаки проиграли только потому, что этот вид состязаний до этого не был им знаком. Много было и других забавных и экзотических видов соревнования. Знаменитый путешественник сильно переживал, что в походе потерял фотоаппарат, а увиденное требовало быть запечатлённым. Считая себя плохим рисовальщиком, он всё же нарисовал нашего казака, и рисунок поместил в своей знаменитой книге.

Из сохранившегося приказа № 494 от 18 июля 1916 года по Оренбургскому казачьему войску следует, что четырёхнедельные лагерные сборы казаков призыва 1916 года (это один из призывов, которому здорово достанется в гражданскую войну) инспектировал наказной атаман генерал-лейтенант Михаил Степанович Тюлин (он будет расстрелян в 1935 году).

От взгляда атамана не ускользает ничего: жильё, питание, состояние лошадей, но главное — военная и физическая подготовка казаков. Каждый казак сам по себе — герой, а вот геройское или хотя бы боеспособное воинское подразделение должны создать офицеры. Вот им-то да ещё младшим командирам досталось больше всего от наказного атамана. Отличился хорошей подготовкой 2-й отдел Оренбургского казачьего войска. Атаман отдела полковник Евдюков был удостоен благодарности. В ходе смотра бла-

годарности получили прапорщик Ефимов, подхорунжие Соломов и Антонов, хорунжий Алексеев. Из приказа № 494: «7-й сотни 3-й взвод. Командир подхорунжий Соломов. Взводное учение было произведено отлично: казаки учились так, как в пору только старослужащим. Барьеры взяли очень хорошо. Благодарю подхорунжего Соломова за отличную подготовку казаков». Смотри подготовки в 3-м отделе был провальным. Разгневанный атаман посадил под домашний арест на двое суток прапорщиков Нелобина и Колобова, прапорщику Атарцеву за плохую подготовку казаков был объявлен строгий выговор. М. С. Тюлин в приказе среди недостатков отмечал: «Посадка не выработана», «казаки сидят крайне разнообразно и в большинстве неправильно», «стремена не пригнаны, повороты и заезды делают не одновременно», «многие казаки не знают, что делать. Останавливаются и ждут других». Были недостатки в обучении рубке шашкой и владении пикой. Казачьи пики во время русско-японской войны были жестоко критикуемы русскими военными и ненавидимы японцами. Этот вид казачьего оружия оскорблял их: «Вы, что, гоняете нас палками как мальчишек?», — негодовали они. Тем не менее обучение казаков владению пикой продолжалось. Казаки должны были колоть стоячее чучело и лежащее. В ходе смотра выяснилось, что казаки, даже из самых лучших взводов, лежащее чучело колоть не умеют. Офицеры их просто не учили этому. Казаки лежащих не бьют!

Не сразу после революции и гражданской войны оренбургские казаки стали «обычным сельским населением». В книге Н. Евсеева «О прошлом и настоящем оренбургских казаков» (Самара, 1929) отмечено: «Казаки остались военными. Воинский дух, уклад, привычки, сноровка сохранились. Казаки любят военное дело, конный и стрелковый спорт, строевые занятия, состязания, рассказы и беседы на военные темы. Характерно, что до сих пор сохранился станичный спортивный патриотизм: если казак станицы Сакмарской забрал призы по рубке в посёлках Каменноозёрном и Нежинском, то по этому поводу каждый сакмарский казак при удобном случае обязательно скажет или напомним». Ещё какое-то время бывшие станицы усиленно готовились к состязаниям, считая, что победа в них важна для престижа посёлка. Потом эти соревнования канули в Лету...

Александр Евгеньевич Исковский родился в 1964 г. в Оренбурге. Окончил Оренбургский государственный медицинский институт. Врач-реаниматолог. Увлекается историей и краеведением, автор справочника «Домовладельцы города Оренбурга и Оренбургской станицы Форштадт», публикаций в альманахе «Оренбургская старина». Живёт в Подмоскowie.

Александр ИСКОВСКИЙ

СМЫТЬ ПЯТНО ПОЗОРА И ВОСПИТАТЬ ДОЧЬ

Семейный очаг во все времена был опорой и пристанью человеку в трудные минуты жизни. Нравственные устои супружеской жизни воспитывались в недалёком прошлом не только Церковью, внутри семьи родители супругов передавали традиции и заветы брачных отношений для укрепления духа в сложной, порой неоднозначной борьбе женского и мужского начала. Церковь освещала брак красивым ритуалом венчания, молитвой защищая долгий совместный путь супругов.

Но часто сама жизнь, с её соблазнами и перипетиями, становилась испытанием для супругов. И далеко не каждый человек мог снести «пошечину судьбы» и сохранить верность семье, супругу, самому себе.

Сложно быть на чьей-то стороне в таких случаях, тем более если «чужая душа — потёмки».

О трудном выборе решения и сложном процессе развода известно

из уникального дела «По расторжению брака земского начальника Бориса Михайловича Леваневского с женою Любовью Демьяновной по ея прелободению», хранящегося в фондах Государственного архива Оренбургской области.¹

На пожелтевших страницах подробно описаны все мытарства обманутого мужа и чиновника, его желание защитить свою честь и уберечь от ветреной матери свою малолетнюю дочь.

Проблемы в семейной жизни Б.М. Леваневского начались, как у большинства военных, во время его службы поручиком 1-го Финляндского стрелкового полка в г. Гельсингфорс². Тогда, в 1903 году, жена его Любовь Демьяновна Леваневская, урождённая Муяхи, (видимо, из греков — А.И.), «покинула семейный очаг, исчезла из города». Покинутый муж нанял сыщика Форсмана, который, после долгих поисков, обнаружил беглянку в г. Вильманстранде³, проживавшую на Королевской улице в доме № 8 с корнетом 55-го Финляндского драгунского полка Николаем Андреевичем Голоушиным.

Оскорблённый Борис Леваневский назвал эту связь «позорной», «преступной» и решил развестись. Простение о расторжении брака было подано 10 января 1906 года и оплачено гербовым сбором в 4 рубля 25 копеек, а 16 января уже было прочитано в Духовной Консistorии г. Оренбурга. Забегая вперёд, нужно сказать, что бракоразводное дело Б.М. Леваневского рассматривалось Оренбургской Духовной Консistorией более трёх лет, с января 1906 года по август 1909-го.

В прошении прямолинейно, по военному, указывается: — «Прошу смыть с меня и с моей единственной пятилетней дочери позорное пятно, наложенное на нас безпутным и безнравственным поведением моей жены рассмотрением (дела — А.И.) о разводе меня с нею...».

Далее указывается место совершения венчания: — «Тамбовская губерния, Темниковский уезд, вблизи села Кушки в церкви при имени Плоское господина Жданова. Брачный документ увезён моей женой». Консistorия начинает долгую переписку с указанной Тамбовской Консistorией для получения копии документа и подтверждения брака.

Необычен приведённый в прошении о разводе довольно большой список «свидетелей, могущих подтвердить дурное поведение жены моей и сожительство с корнетом Голоушиным», который Б.М. Леваневский написал собственноручно: — «1-го Финляндского стрелкового полка капитан Малышевич, подпоручик Никулищев; адъютант Финляндского артиллерийского управления капитан Чернявский, сыщик Гельсингфорской полиции Форсман, живущие в г. Гельсингфорс (Финляндия) и 55-го Финляндского драгунского полка корнет Рожин, живущий в г. Вильманстранде...».

Более того, Б.М. Леваневский указывает на наличие свидетелей, которые были при открытии квартиры Голоушина сыщиком Форсманом, «где скрывалась... жена».

Ко времени написания прошения о разводе жена Леваневского на месте не сидит.

Любовь Демьяновна перемещает-

ся в г. Петербург, живёт на улице Симбирской в доме № 47, снимает квартиру № 22.

А покинутый муж с дочерью по делам службы живёт вдалеке от столицы, в Оренбургском уезде Оренбургской губернии, в 140 верстах от Оренбурга, в селе Михайловском (ныне Шарлык — А.И.). Должность занимает, им самим же указанную в прошении, — «кандидат к земским начальникам Оренбургского уезда поручик запаса стрелковых частей».

Оренбургская Духовная Консistorия запрашивает Оренбургское Губернское Присутствие о личности Б.М. Леваневского. В удостоверении на него сказано: — «состоит штатным кандидатом на должность земского начальника при Челябинском Уездном Съезде».

Примечательно, что удостоверение получено еще 19 августа 1905

года не самим Б.М. Леваневским, а его отцом, земским начальником 7-го участка Оренбургского уезда полковником М.А. Леваневским. Видимо, отец и сын давно советовались о необходимости развода и запаслись некоторыми документами заранее.

Из Тамбовской Духовной Консistorии 6 февраля 1906 года приходит запрашиваемый документ — справка о браке Б. Леваневского и Л. Муяхи. В выдаче повторного свидетельства о браке было отказано на основании 885 статьи IX свода законов издания 1899 года и сообщается, что свидетельство было выдано 26 ноября 1903 года.

Справкой выясняются некоторые подробности сословного происхождения и места жительства повенчанных, а именно, что в селе Плоском Темниковского уезда в 1899 году венчание произведено 11

октября священником Владимиром Самуиловым;

Леваневский Борис Михайлович, 23 лет (1876 года рождения — А.И.) тогда служил в 57-м пехотном Модлинском полку поручиком, православный, женат первым браком;

Любовь Демьяновна Муяхи, 23 лет, православная, дочь помещика Демьяна Петрова Муяхи Херсонской Епархии (так в тексте — А.И.) Одесского уезда.

Заинтересованная в сохранении православного брака Консistorия направила священника Никольской церкви с. Титовка Николая Жинжина (который позже был священником и учителем в школе с. Михайловского — А.И.) к Б.М. Леваневскому с «пастырскими увещаниями о прекращении супружеских несогласий его с женой». Поручик запаса Б.М. Леваневский встретился со священником 17 февраля 1906 года и отказался от христианского примирения, «остался при своём убеждении». Священник уехал «ни с чем», не забыв взять объяснение с Б.М. Леваневского, о чём доложил в рапорте Консistorии 5 марта того же года.

Получив отказ о примирении одного супруга, Оренбургская Духовная Консistorия направляет 17 февраля 1906 года сообщение в Санкт-Петербургскую Духовную Консistorию о необходимости «по случаю нарушения... святости брака прелюбодеянием... пастырского увещания» жены Б.М. Леваневского, Любови Демьяновны и указывает адрес её проживания в С.-Петербурге.

К Л. Леваневской едет священник Спасо-Бочаринской церкви Василий Петропавловский.

Встреча священника и Л. Леваневской произошла в Санкт-Петербурге 5 мая 1906 года. Любовь Демьяновна отказалась прекратить дело и заявила об этом своим заявлением, которое передала священнику Василию Петропавловскому.

Текст заявления полностью меняет смысл происходящего. Виновна в разладе семейных отношений, по мнению жены, не она, а её муж, Б.М. Леваневский. Оскорблённая подозрениями и отношением к себе со стороны мужа, Любовь Леваневская пишет нервным, торопливым почерком: — «Покончить дело я не согласна, выставленное против меня мужем обвинение в супружеской неверности есть для него повод свалить собственную вину на меня. Муж мой сам систематически нарушал в отношении меня супружескую верность, не стесняясь ни временем, ни местом для своих блудных походов, и когда в результате всего он заразился неизлечимой болезнью, то этим окончательно принудил меня отдалиться от него... но надежда на возможное исправление мужа побуждала меня относиться снисходительно к его поступкам... муж сам иском о разводе предупредил меня, с целью, видимо, поставить себя в более выгодные процессуальные условия».

Оренбургская Духовная Консistorия, получив отказ в примирении от обоих супругов, приступила 23 июня 1906 года к формальному производству дела о разводе на основании Устава ст. 240, 245 и 246, а также Указа № 10 Священного Синода от 28 июня 1888 года.

Повестка о прибытии в Присутствие Консistorии для «судоговоре-

ния» была выслана через полицию истцу Б.М. Леваневскому 31 июля 1906 года, а ответчице Л.Д. Леваневской, также через полицию, выслана «копия исковой просьбы истца и истребовать от нея... ея письменный вид на жительство».

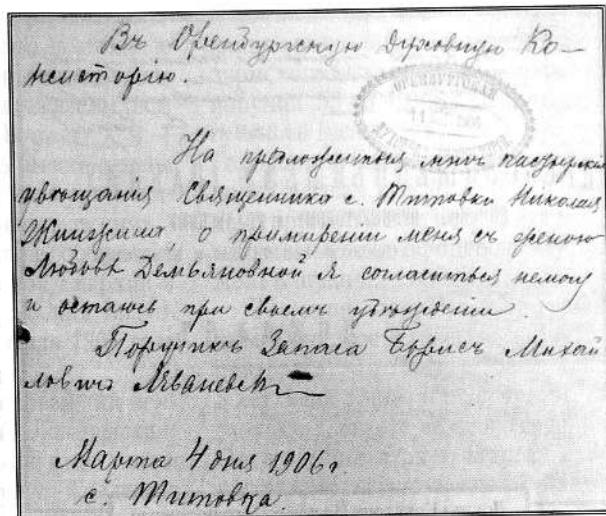
Время получить повестку и прибыть в г. Оренбург Б.М. Леваневский не смог, почта задержала бумаги в пути. В Михайловское Волостное Правление бумага пришла только 4 августа 1906 года.

Повторное «судоговорение» назначается на 21 августа, к 12 часам Б.М. Леваневский повесткой приглашается в Присутствие «по Вашему бракоразводному делу». Повестку вручал «кандидат волостного старшины» житель с. Михайловского по фамилии Мячин.

К тому времени Б.М. Леваневский становится земским начальником 12 участка и проживает в селе Дедове (Исаево) Оренбургского уезда, переписка пересылается ему на новый адрес.

В адрес Л.Д. Леваневской также высылается повестка с просьбой прибыть 21 августа в Оренбургское Духовное Правление на «судоговорение по бракоразводному делу».

В Санкт-Петербурге жены Леваневского уже нет, она ещё 5 августа 1906 года выехала в Гатчину, во всяком случае, именно этот адрес указан в домовой книге.

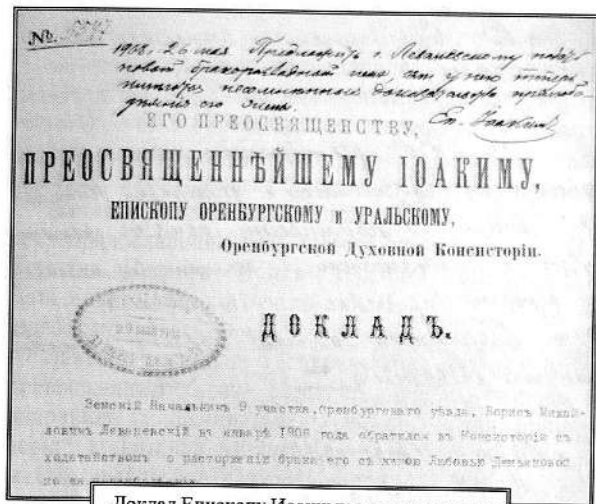

В Оренбурге же на первое слушание пришёл только истец, Б.М. Леваневский, его жена, соответственно, из столицы приехать не захотела. Нужно отметить, что по документам она значится как «на содержании мужа». Зачем ей приезжать?

Гатчинское Полицейское Управление ищет Л. Леваневскую для вручения повестки уже на 6 октября 1906 года. Но не находит таковую в Гатчине! Леваневская скрылась, повестка не вручена, Оренбургское Духовное Правление получает повестку обратно.

Тем не менее Б.М. Леваневский приходит на слушание дела в Духовное Присутствие г. Оренбурга 6 октября, как было указано. Но дело не движется, жена вновь на суд не пришла. Игумен Николай пишет «Акт» о неявке во второй раз жены отставного поручика Л. Леваневской.

24 октября 1906 года Оренбургское Духовное Правление получает письмо, датированное 20 октября,

Доклад Епископу Иоакиму с его подписью

из Санкт-Петербурга от Леваневской, где указан прежний адрес на улице Симбирской. В письме, написанном на клочке бумаги 8 на 14 см, она просит сообщить ей «в каком состоянии находится дело о разводе поручика Бориса Михайловича Леваневского» и подписывается «с почтением». Ну чем не глумление над мужем и судом?

Сам же Б.М. Леваневский 13 ноября 1906 года подаёт заявление в Оренбургскую Консисторию с просьбой об ускорении его дела по разводу с женой, указывает, что он уже дважды приезжал на «судоговорение» и приводит следующие доводы — «будучи человеком женатым, фактически не имею жены уже более трёх лет... письма жены, из которых ясно видно, что она первая нарушила нашу совместную жизнь». Стоит отметить, что дочь Леваневского всё это время проживает вместе с ним.

Оренбургской Консисторией вновь

написала заявление с просьбой перенести слушание дела в Санкт-Петербургскую Духовную Консисторию, мотивируя свою просьбу тем, что «я переехала на постоянное жительство в Петербург». В просьбе этой ей было отказано и не столько потому, что она не оплатила положенный в таком случае гербовый сбор, сколько ссылаясь на положения статей закона.

Она же, конечно, на слушание дела о разводе 19 января 1907 года в г. Оренбург не приехала. Игумен Николай вновь пишет «Акт» о неявке супруги Леваневского, уже в третий раз.

В журнале заседания Духовного Правления в связи с этим была сделана запись о том, что на слушание прибыл только истец, Б.М. Леваневский, и внесено замечание, что по существующим законоположениям ведение дел о разводе супругов «вчиняется в тех епархиях, в которых

назначается слушание дела о разводе на 19 января 1907 года. В Санкт-Петербурге Любовь Леваневскую наконец-то нашли, правда, в соседнем доме № 49 в квартире № 8 по той же Симбирской улице. Спасибо, дворник подсказал!

А 22 ноября 1906 года ей передали повестку, в получении которой она расписалась. Но тут же, грамотная во всех отношениях, жена отставного поручи-

обязанные ими супруги имеют постоянное место жительства, постоянное место жительства жены определяется постоянным местом жительства мужа, т.к. по силе 103 ст. т. X ч. 1 супруги обязаны жить вместе и жена при всякой перемене ея мужем жительства обязана следовать за ним».

Любови Леваневской сообщается о решении Оренбургской Епархии и назначается следующая дата бракоразводного дела — 9 июля 1907 года в г. Оренбурге.

Но ни игумен Николай, ни земский начальник Б.М. Леваневский, ни город Оренбург так и не увидели Любовь Демьяновну. Традицию свою она не нарушила...

А игумену Николаю ничего не оставалось делать, как написать ещё один «Акт» о неявке ответчицы.

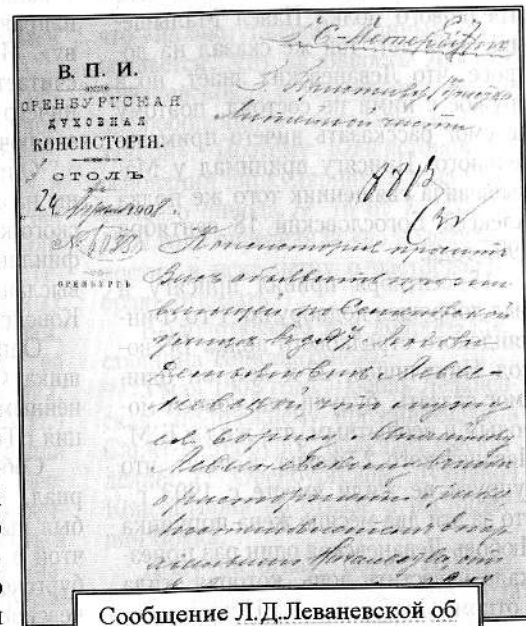
17 августа 1907 года журнальным решением Оренбургской Консистории было принято мнение о производстве бракоразводного дела Б.М. Леваневского без «судоговорения» и разосланы опросные листы свидетелям истца «по обстоятельствам настоящего дела» Малышевичу, Никулищеву, Чернявскому, Форсману, Рожину и Голоушину.

Опросные листы были высланы на имя помощника Финляндского генерал-губернатора для допроса свидетелей через полицию в присутствии священника, причём оговаривалось, что допрос Голоушина должен быть без присяги.

11 октября 1907 года

в г. Гельсингфорсе в помещении канцелярии 6-го Полевого Жандармского Эскадрона был опрошен поручик 55-го Финляндского драгунского полка Николай Андреевич Голоушин. Секретарь канцелярии полка вызвал его по делу о разводе супругов Леваневских, эта весть мигом облетела офицеров. Ну как же, Голоушин — орёл!

30-летний поручик был грамотным и смелым человеком, он честно признался, что Любовь Леваневская 5 лет была с ним, а не с мужем, поскольку у того, с её слов, сифилис. Он вспомнил первую встречу с Борисом Леваневским весной 1903 года в г. Вильманстранде, после чего они стали дружить, как подчеркнул Н. Голоушин, «на его средства». По-

Сообщение Л.Д.Леваневской об отказе в расторжении брака

ручик Голоушин рассказал о поездке с Б. Леваневским в Санкт-Петербург, где тот «посещал дам лёгкого поведения весьма активно». Он рассказал про «друга» и то, что тот часто бывает нетрезв и ругается на жену, бывает с ней груб. Поручик Голоушин добавил в конце опроса: — «Всё мною показано по чистой совести с готовностью подтвердить показанное под присягою».

Под присягой, которую принял полковой священник Сергей Сабинин, был опрошен 5 октября 1907 года в г. Вильманстранде 32-летний поручик 55-го Финляндского драгунского полка Анатолий Васильевич Рожин. Он рассказал, что знает о Леваневских со слов Голоушина, подробности событий не ведаёт.

Капитан 1-го Финляндского стрелкового полка Павел Малышев, 42-х лет, так же сказал на допросе, что Леваневских знает, но в дружбе с ними не состоял, поэтому не смог рассказать ничего примечательного. Присягу принимал у Малышевича священник того же полка Алексей Богословский 18 сентября 1907 года.

15 сентября принял присягу и был допрошен подпоручик 1-го Финляндского стрелкового полка Всеволод Никулищев, 22-х лет, он один смог сказать, будучи ещё совсем молодым и неопытным, что жил у Б.М. Леваневского 2 месяца, и знает, что супруги не жили вместе с 1903 г., что за эти два месяца жена поручика Любовь Леваневская один раз приезжала навесить дочь, которая жила с отцом. Особо отметил Никулищев, что «поведение Любви Демьяновны мне совсем неизвестно».

Показания адъютанта Финляндского артиллерийского управления капитана 1-го Горного артиллерийского дивизиона Леонида Чернявского записаны в опросный лист под присягой финской полицией по его же просьбе, более того, он просил в дальнейшем освободить его от участия в деле о разводе Леваневских, которых он знал по службе и проживанию в г. Гельсингфорсе. Он бывал у них в гостях, но особой дружбы с ними не было. Борис Леваневский говорил ему о жене, оставшейся у Голоушина, о дочери, которую привёз от жены, оставшейся в г. Вильманстранде. Капитан Чернявский однажды, находясь в Санкт-Петербурге, видел Любовь Леваневскую, «едушую на коленях у каких-то пьяных незнакомец по направлению к Крестовскому острову». И всё же капитан Чернявский считает, что «в моих показаниях ничего существенного для дела не заключается».

Опросные листы были подписаны начальником штаба 22-го Армейского корпуса на бланке канцелярии финляндского генерал-губернатора и высланы в Оренбургскую Духовную Консistorию в ноябре 1907 года.

Один опросный лист на имя сыщика Форсмана вернулся незаполненным, его не смогла найти полиция г. Гельсингфорса.

Собранный следственный материал, обозначенный «Запиской», был выслан в январе 1908 года почтой в село Исаево (Дедово) Оренбургского уезда на имя Б. Леваневского, а в Петербург «полетела» телеграмма с вопросом «Где Любовь Демьяновна?». Её опять не могут

найти, по прежнему адресу она не живёт.

Через месяц «беглянку» нашли на Выборгской стороне, по Самсоновской улице в доме № 7. Оттуда она посылает короткое письмо, написанное почерком «вкривь и вкось», с обращением в начале «Боря» и с подписью в конце «Люба», суть которого в том, что «ты подожди несколько дней, дядя болеет, квартира пустует, нужно следить за вещами».

Материалы дела прибыли Б.М. Леваневскому в с. Исаево (Дедово) в марте 1908 года, прочитаны им и составлен новый документ «Отзывы», в которых земский начальник уточняет некоторые сведения следствия и отрицает факт болезни. Здесь же он рассказывает, как ездил в январе 1903 года с сыщиком Форсманом в Петербург на квартиру Голоушина и застал там свою жену и дочь.

Б. Леваневский приводит новый факт и имя свидетеля порочной жизни своей жены, а именно то, что в феврале 1908 года он был в Оренбурге и «случайно» повстречал крестьянина Ивана Петровича Константинова, проживающего «на Телеграфной улице близ Центральных бань», который был, по его словам, «очевидцем ея прелюбодеяния во время возвращения из с. Чумляка, куда (жена Леваневского — А.И.) приезжала в октябре 1904 года для свидания с дочерью». Б.М. Леваневский пишет: — «По своей службе земским начальником я должен жить в деревне и служить примером для населения. Как воспитанный в строгой христианской семье, учившей меня строго соблюдать заветы Господни, считаю для себя насущной потребо-

стью соединить свою судьбу с женщиной, союз мой с которой освящён бы был Церковью, а потому убедительно прошу членов Консistorии, как моих духовных наставников, войти в моё тяжкое положение мужа без жены и благоприятно для меня в скорейшее время разрешить развод мой... К этому долгом считаю прибавить, что у меня на руках дочь моя 8 лет, которой необходим нежный женский надзор и руководство».

По смыслу написанного чувствуется, что чиновник заскучал без женского участия, возможно, надумал и жениться, если торопит с разводом Консistorию. Нужно отдать ему должное, дочь проживает с ним в заботе и внимании со стороны отца.

В Духовной Консistorии всё же придерживались мнения такого, что «из поступивших ...данных усматривается, что виновность Любви Леваневской... в нарушении брака прелюбодеянием осталась недоказанной». Поэтому Консistorия на основании циркулярного Указа Святейшего синода № 16 от 7 декабря 1902 года определила «по недоказанности» в иске истцу о расторжении брака отказать.

Было отказано и в допросе крестьянина Константинова.

5 мая 1908 года Любовь Леваневская, по-прежнему проживающая в Санкт-Петербурге, получает уведомление из Оренбургской Духовной Консistorии об отказе в расторжении брака.

Получив отказ, Борис Леваневский пишет 26 апреля 1908 года прошение епископу Оренбургскому и Уральскому Иоакиму с просьбой пересмотреть дело о разводе его с

женой и жалуется, что крестьянина Константинова не допросили.

Получив прошение, Преосвященный Иоаким требует доложить ему о ходе расследования дела о разводе земского начальника 9 стана Оренбургского уезда Б.М. Леваневского. Доклад епископу за №5547 был подготовлен 26 мая 1908 года, в доклад резолюцию внёс сам епископ Иоаким и поставил собственную подпись в том, что у Леваневского «теперь имеются несомненные доказательства прелюбодеяния его жены».

Казалось бы, вопрос решён, епископ Иоаким вынес нужное решение для Леваневского, но Духовная Консистория не отменила своего решения, а его преосвященству напомнила указы Св. синода и рекомендовала направить дело на рассмотрение именно в Св. синод. «Соломоново решение» позволило Консистории сложить с себя некоторые обязательства по иску о разводе.

К тому времени Б. Леваневский направил новое прошение о расторжении брака в Духовную Консисторию с указанием имён новых свидетелей и просьбой их допроса по своему иску. Прошение было перенаправлено в Св. синод.

22 августа 1908 года Указом № 2087 Его Императорского Величества из Святейшего правящего синода Оренбургской Духовной Консистории предписано «бракоразводное дело... дополнить допросом новых свидетелей... по приведению дела в ясность... буде окажется нужным, постановить... новое решение, не стесняясь прежним, в дальнейшем же ходе дела поступить по закону».

Новые свидетели — Иван Петро-

вич Константинов, крестьянин Казанской губернии, живший во 2-й части г. Оренбурга, по Путоловскому переулку в доме чиновника Фомина, и крестьянин Курской губернии Никифор Иванович Белозёров, живший в Оренбурге во 2-й части по Степной улице в доме Гумерова — были вызваны повесткой через полицию в Присутствие Консистории на 16 января 1909 года к 12 часам дня.

После приведения к присяге и дав клятвенное обещание Никифор Белозёров показал, что «супругов Леваневских в лицо не знаю, ни того, ни другого», но «года четыре назад... я служил на железной дороге... был очевидцем... случая: вечером мы с товарищем Константиновым пошли по поезду... чтобы осветить вагоны... подошли... к одному купе второго класса... дверь купе была заперта... отпер дверь... ключём... и увидели, что пассажиры — мужчина и женщина — лежат на диване ногами к двери и совершают акт совокупления. Мы ушли. На площадке вагона Константинов сказал мне, что женщина... жена Бориса Михайловича Леваневского».

Крестьянин Константинов также под присягой показал, что «супругов Леваневских знаю, в дружбе (с ними — А.И.)», знает о их раздельной жизни, подтвердил сказанное Белозёровым, как осенью 1904 года, служа на железной дороге кондуктором, на станции «Кинель» в купе с незнакомым ему мужчиной встретил Любовь Демьяновну Леваневскую.

Дело приняло новый оборот, показания свидетелей поменяли ход следствия.

В Санкт-Петербург 10 февраля 1909 года высланы копии показаний Белозёрова и Константинова, прочитав которые, Леваневская поставила свою подпись и надписала «читала».

Из Санкт-Петербурга 4 марта 1909 года Л. Леваневская пишет письмо в Оренбургскую Духовную Консистирию на имя секретаря таковой, в котором она интересуется ходом дела о разводе с её мужем.

Она пишет: — «М.Г. (милолюбивый государь — А.И.), простите за беспокойство, будьте так добры и не откажите сообщить, где находится дело о разводе супругов Леваневских, у Вас-ли оно ещё или же уже перешло в Свят. синод. Если у Вас, то скоро ли перейдёт в С. синод. Надеюсь, что Вы не откажете и сообщите в недалеком будущем. С искренним почтением и уважением Вас. Л.Д. Леваневская».

27 апреля 1909 года состоялось очередное заседание Духовной Консистории по делу супругов Леваневских и составлен протокол № 287, в котором записано: — «брак...по причине нарушения Любовью Леваневской святости брака прелюбодеянием расторгнуть с дозволением истцу вступить в новый — второй брак... и с преданием ответчицы... семилетней церковной епитимии, по отбытии каковой... также может вступить в новое супружество...».

Б.М. Леваневскому Духовной Консисторией было объявлено о расторжении его брака 21 мая 1909 года сообщением № 7316, а 3 июня он пишет из Исаева ответ, в котором выражает своё удовлетворение таким решением епархиального начальства.

В Санкт-Петербурге объявление о расторжении брака с Б. Леваневским его, уже бывшая, супруга, дочь помещика Любовь Муяхи, читала под роспись 3 июня 1909 года в присутствии пристава 1-го участка Литейной части.

В сентябре 1909 года Любовь экс-Леваневская пишет в Оренбургскую Духовную Консистирию письмо, в котором просит поторопиться с высылкой документов и свидетельства о разводе. Видимо, личная жизнь у неё налаживается и есть планы на будущее.

9 сентября 1909 года в г. Санкт-Петербург объявление № 13299 о расторжении брака супругов Леваневских направлено на новый адрес проживания Л.Д. Леваневской (фамилию она оставила) — Семёновская улица, 1/32, квартира 31.

Сам же Б. Леваневский по-прежнему, по делам службы, проживал в с. Исаева Оренбургского уезда вместе с дочерью.

Дело о разводе длилось более трёх с половиной лет, было привлечено довольно большое количество людей в свидетели, исписана стопа бумаги.

Наверное, правду говорят, что брак совершается на небесах...

¹ ГУ ГАОО ф.173 оп.5 д.9934

² Гельсингфорс (Helsingfors) — шведское название города Хельсинки, столицы Финляндии.

³ Вильманstrand (Villmanstrand) — шведское название г. Лаппенранта в Выборгской губернии Финляндии.

Валерий КУЗНЕЦОВ
МАКСИМЫ*
АЛЕКСАНДРЫ
ПРОТОПОПОВОЙ

Записки из «Амбарной книги»

Валерий Николаевич Кузнецов родился в 1941 году в Оренбурге. Окончил Киевский топографический техникум, Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. Работал в полевых партиях, журналистом в областной газете «Южный Урал». Поэт, автор и составитель нескольких поэтических сборников, очерков литературного краеведения, книги «Я посетил места...» Член Союза писателей России. Награждён серебряным крестом «За возрождение оренбургского казачества».

Амбаром у нас чаще всего называли хлебный склад. От него и пошла «амбарная книга» — незамеченная в деле учёта толстая общая тетрадь, обычно в прочной коленкоревой обложке, удобная для подённых записей прихода-расхода.

Живое слово и хлеб на Руси всегда рядом: если «хлеб — всему голова», то «слово — всему начало». В любые времена слово, единое с делом, значило не меньше хлеба.

Вот и я порой занопу в свою «амбарную книгу» продиктованные построением, внешне не связанные между собой записи — всё, о чём болит, чем занята душа. У неё, души, есть свой подённый приход и свой расход.

*Эх, Ташла, эх, Ташла,
 Где ты поселённая...
 Кругом лес, крутые горы,
 Да трава зелёная!*

* Максима — краткое изречение, формулирующее нравственное, житейское правило в чёткой форме, родственное афоризму

В конце семидесятых обронила этот припев, частушку ли пожилая крестьянка, коренная жительница села Ташла, что в Тюльганском районе, хранительница местных преданий, сказочница, песенница, самородок русского языка Александра Сергеевна Протопопова (1912 — 1996), и с тех пор прочно поселилась в памяти, поражая образным лаконизмом и художественной силой.

Отец Александры Сергеевны — Сергей Игнатьевич Санин, — был первым председателем местного колхоза имени Челюскина, а она окончила в тридцатом году курсы трактористов, пахала только что отведённые совхозу имени Молотова (позже «Колос» Октябрьского района Оренбургской области) земли. Это было время, когда застигнутых в поле трактористов кулаки поджигали вместе с их машинами.

И её будущий муж, Сергей Гаврилович, в это же время пахал, сеял, убирал хлеб. А во второй половине тридцатых прославился на всю область: вызвал на соревнование знаменитого Фёдора Колесова и убрал за сезон не 600 гектаров зерновых, как тот, а 750. Потом он воевал, после Победы ещё служил во Львове, куда через всю разбитую, изувеченную страну приехала за ним из Ташлы жена. Об этом стоит рассказать так, как рассказывала в 80-е годы сама Александра Сергеевна.

Обычно молчаливый Сергей Гаврилович и до Победы не баловал дом письмами. А после окончания войны замолчал совсем. В село начали возвращаться фронтовики, а от него ни слуху ни духу. Не знала Александра, что думать, — и решила

погадать на Святках. В полночь набрала в проруби воды, не оборачиваясь, принесла домой, опустила на дно обручальное кольцо и после ещё каких-то ритуальных действий увидела в воде своего Серёжу в кабине трофейного «студебеккера», а рядом с ним — свою разлучницу — «пэ-пэ-жэ» (полевую походную жену). Думала она недолго. Договорилась с матерью, чтобы та присмотрела за домом и скотиной, продала, что могла, набирая рубли на дорогу, надела праздничный белый свитер и отправилась за «изменщиком».

Решиться на такое, видимо, помогла ей только настоящая любовь. В освобождённых районах и на вокзалах ещё действовали законы военного времени. Регулярное междугородное сообщение только налаживалось. Пешком, на попутках, на тормозных площадках и в угольных ящиках товарных поездов неведомая сила несла Александру от станции к станции, от города к городу. Она объясняла каждому патрулю конечную цель своей дороги, на каждом крупном контрольно-пропускном пункте ждала, пока подтвердится общённый ею номер части, куда ехала. Её белый свитер стал чёрным от угольной пыли и паровозного дыма. И всё же через полтора месяца она добралась до Львова, до воинской части, в которой служил её Сергей.

Та самая сила, которая вела её, поставила перед глазами жены командира части, и той первой поведала Александра о своём горе. Всё поняла командирская жена, отмыла её, модно постригла, пристойно одела для долгожданного свидания. Как ни заманчиво передать «немую

сцену» при встрече жены с мужем, я не буду этого делать из уважения к фронтовику, который мог и не выйти живым из войны. В двадцать четыре часа военный водитель Протопопов был демобилизован и отправлен с законной супругой на родину, домой. Растроганная силой чувств, жена командира части подарила Протопоповой целое состояние: перину, швейную машинку «Зингер» и золотые часы.

Мы уже не узнаем, что думал тогда военный водитель о чуде внезапных жизненных перемен, но мысль о том, что есть жёны, изменять которым нельзя, не могла его обойти. Правду говорят в народе, что «суженого ни обойти, ни объехать».

18 июля. Снова в Ташле после городской суеты и томления духа. Сплю на сеновале без сновидений. Восемь утра. Орут петухи: два своих и дюжина окрестных. День серый, преддождевой, плохо для сенокоса. Сегодня договорились идти со стариками Протопоповыми на выделенные лесхозом неудобья.

Раньше на покос они ездили на «муравье» — мотороллере с грузовой тележкой, в которую тяжело усаживалась Александра Сергеевна, теперь тот сломался, и они ходят пешком. Каждый раз жду встречи со сказочницей, жду нового — и никогда не обманываюсь. Как она умудряется не повторяться, её секрет.

Вырывать фразы из бесед с Протопоповой — всё равно, что вытаскивать радужную гальку из горной речки: высохшая галька превращается в серый голыш. И всё-таки жаль, если

совсем исчезнет во времени живое, искреннее, образное слово старой крестьянки, оставшееся лишь в памяти знавших её и в моих записных книжках. И так — народные максимы Александры Протопоповой.

«Люблю свою Ташлу... Осенью лес разукрасится, а зимой покроется куржаком, как заколдованный. Любила я молодой на лыжах в лес ходить. Уже и не знаю, чего там искала...»

«Моя корова на меня похожа, а эта не моя».

«Года идут, совесть убивает».

«Этот мал, а этот велик, А с этим мама не велит».

«Брали девок (в Ташле в конце XIX века. — В.К.), чтобы на палец была грязь на подоле. Если нет грязи, значит, белоручка, замуж не возьмут».

«Избы топили по-чёрному. К Пасхе потолок, лаковый от сажки, покрывали крапинами белой глины. Любили смотреть на него в лунные ночи с лучиной — как звёздное небо... А белёные избы не любили. Было это в Старом Турае, от Тугустемира 3 километра (Тюльганский район Оренбуржья — В.К.). Рассказывала мне об этом бабушка (мать отца), а отец родился больше ста лет назад».

Для А.С. выражение «ушёл в армию» — не переносное, она застала то время, когда в армию уходили *пешком!*

«Если бы не песни, зачем и жить?»

Стоя на пороге своей избы, А.С. показывает рукой вниз, в долину, на еле видимую опушку леса: «А какая вон там, посмотри, поляна! Кажется, придёшь туда, и она все тайны тебе откроет!»

— Как его зовут? (Об односельчанине А.С.)

— Да его мало зовут, — больше выгоняют!

Приехал в Ташлу после большого перерыва и, прежде всего, — к Александре Сергеевне. Она слушает объяснения, что, вот, собирался приехать с магнитофоном, чтобы наконец записать её песни, которые, не дай бог, уйдут вместе с ней. Старинных песен знает она великое множество, как и сказок, пословиц, прибауток. Она не заставляет себя ждать и, понимая улыбаясь глубоко посаженными глазами, подхватывает:

Александра Сергеевна Протопопова
и автор «Записок»,
конец 80-х — начало 90-х гг.

— Собирались, собирались да рассыпались!.. Давно здесь?

— Только что приехал и сразу — к вам.

— Как же пройти мимо — за угол задеваю! — ведёт она свою линию.

На вопрос «как живут» отвечает, весело блестя глазами:

— Было два телёнка: один худой, другой кругленький. Спрашивают: «Что они такие у тебя?» — «Один ест со мной, другой — с Серёжей».

* * *

«Порог вымыла,
В горох вылила!» — какая гениальная звуковая организация творчества народа-художника!

* * *

«Еду, еду — ночь тёмная, а лопать чёрная, еду, еду — пощупаю, здесь ли она?..»

* * *

А.С. о ягодах клубники в рядках на покосе: «Они такие хорошие лежат, только во сне можно увидеть!»

* * *

«Видно сову по полёту, а молодца по штанам» (т.е. одежде. — В.К.).

* * *

«Втулка железная вместо сердца» (А.С. о своей бабушке Марии).

* * *

О тщеславии и манерности: «В хлеву отелилась, а кашляет погорнишному».

* * *

«Растёт каждый день по коровьему котяху» (о ребёнке).

* * *

*Ох, грибы мои, грибы,
Вы грибочки мои!
Вчетвером сели за стол,
Дали душенькам простор —
Распоясались...*

Погляжу я на Егора —

Он рыгает у забора,

А жена его Татьяна

Лезет на стену, как пьяна.

(Поели ядовитых грибов. — В.К.)

* * *

Своеобразный юмор А.С.: «Я такая женщина — мало найдёшь на навозной куче».

* * *

«Горе с тобой, беда без тебя». «С ним горе, а без него вдвое».

* * *

А.С. выгоняет мух из летней кухни: «Идите, где-нибудь переночуете, завтра придёте. Не обижайтесь на меня!»

* * *

«На лавочке всю калду (стойло для скота. — В.К.) проеду, как ведьма, мне бы ещё пест железный!» (по поводу стропливой коровы, которая не даёт доить её).

* * *

«Напьётся и валяется, как окурок», — А.С. передаёт слова рабочего лесхоза о жене местного начальника.

* * *

Директор местного лесхоза готовился к приёму очередных нужных людей. Велел бабам, когда

закончат работу на лесоповале, навязать веников, а внутрь положить по три веточки душицы — для благоухания в бане. А.С. беззлобно-насмешливо выругалась, понимая, в чём дело:

— Я им, их мать, шиповника по три веточки вставлю!

Баба, задремавшая после обеда, спросонья вскочила:

— Да как же шиповник? Он ить колючий!

Объяснение такой неприязни обычно сдержанной А.С. простое: осенью 1982 года в Ташле умерла фронтовичка Постнова Вера Ивановна. Директор не дал досок на гроб и не пустил мастера с готовыми досками к станку...

* * *

Петух кудахчет курицей. Оказывается, это ничего. «Вот когда курица заорёт петухом — это к беде», — говорит А.С.

* * *

«Мне лекарства не помогают. Полынь кипячу — пью или в печке парюсь».

* * *

Юмор А.С.: «Принёс чёрт гостей — подруга детства пришла».

* * *

Налил я в доме у А.С. квасу в кружку. Заметил, что кружка изнутри чёрная, подгоревшая. С квасом всплыли какие-то чёрные крошки. Зная простоту нравов этого дома, не сказал ничего. Выпил квасу и Сергей Гаврилович (муж А.С. — В.К.) и говорит:

— Шура, что-то у меня в кружке! Посмотрела А.С. и всплеснула руками:

— Господи, это же я кружку скоблила и забыла ополоснуть!

И тут же виновато-весело рассказала историю на полевом стане с судомойкой (тряпкой), оставленной в бригадном котле с кашей.

Уже смеясь, завершила обычным своим присловьем:

— Чем в таз, лучше в вас!

* * *

— Всю зиму болела. Думала Николаше (Н.И. Мухину, председателю сельсовета, живущему тогда у стариков, — В.К.) гроб заказывать. Он говорит:

— Осина ещё не выросла...

* * *

Показываю А.С. её фотографии с прошлого приезда.

— Вы бы их побольше сделали — ребятнишек пугать.

* * *

«Никак до культуры не дойдём — не разделимся: спим вместе»... (о муже. — В.К.)

* * *

«Я видела: они ехали парой — то левой, то правой...»

* * *

«Надо баб спрашивать (что делать — В.К.). Они всю правду скажут. И даже с добавлением. Вот добавление-то и дороже всего».

* * *

К вопросу о народной культуре. А.С. читает стихотворение Брюсова

«Каменщик». Скорее всего, из школьного учебника послереволюционных десятилетий. И на фоне новейшей отечественной истории отмечаешь новый смысл старых стихов:

— Каменщик, каменщик в фартуке белом,

Что ты там строишь? Кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,

Строим мы, строим тюрьму.

А.С. повторяет, что говорит о себе знакомая 83-летняя старуха: «Через каждую соломинку падаю...»

— Она к нам часто ходит. Приходит, расплачется... Поговорим — поговорим, смотрю: улыбается — ну, значит, дошла до истины!

Всегда поражался отсутствию уныния в душе Александры Сергеевны. Если древние греки лечились «катарсисом» — очищением духа посредством «страха и сострадания», то русская крестьянка, не обойдённая противоречиями жизни, лечится неустойчивым юмором чудом дошедшей из глубины времён припевки:

*Сошью милому рубашку
Из крапивного мешка,
Чтобы тело не болело,
Не чесалось никогда!*

Обычная беззлобная пикировка между мужем и женой — Сергеем Гавриловичем и Александрой Сергеевной:

— Золотая ты баба, — хоть бы у тебя язык отсох!

— Я бы тебя руками защеконала!..

«У людей грехи — кулижки небольшие, а у меня — вся поляна.»

«Я много видала работы и повторять свою жизнь не хотела бы. Сказали бы: живи ещё! — Нет, закапывайте лучше живём!»

Праздник Покрова в Ташле. После предзимней непогоды с дождём и холодным ветром — дни Чуда — летние, тихие, божественно-просветлённые. Закладка камня в честь восстановления разрушенной в русско-российский геноцид 20-30-х годов церкви Покрова. Молебен. Весёлое, целомудренное, без тени ханжества застолье во главе с митрополитом Леонтием. Последняя встреча с угасающей А.С. Протопоповой. Её не слышанная прежде частушка о первых послереволюционных годах:

*Николашка (Николай II — В.К.)
был дурак:*

*Ел крупчатку за пятак.
А мы с годик поживём —
И мякину пережуём.*

Этнографический комментарий не только для молодых: по Далю, «крупчатка» — лучшая пшеничная белая мука, «мякина» — полова, избитый хлебный колос, от которого отвеяно зерно... Так народ видел перспективы революционных перемен...

Татьяна Владимировна Асабина родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт, работала учителем, заведующей библиографическим отделом в научной библиотеке Оренбургской государственной медицинской академии. В настоящее время заведующая народным музеем истории ОГМА. Поэтесса, прозаик, член Союза писателей России.

Татьяна АСАБИНА

ИСЦЕЛЕНИЕ

Рассказ

Школа, где я училась все десять лет, была небольшой, поэтому мы знали и тех, кто учился старше нас двумя-тремя классами, и тех, кто был младше нас. Ну а уж наши три параллельных класса — это была просто одна большая семья: мы знали, кто как в соседнем классе учится, кто ходит ещё в «музыкалку», кто занимается гимнастикой, а кто балетом, знали отличников, хулиганов, двоечников. Четыре года нас учили разные учителя, но мы всё равно были вместе: у нас была одна смена, классные комнаты расположены рядом, мы ходили на одни утренники и сборы, нас всех вместе принимали в октябрюта, потом — в пионеры. А в пятом классе, когда нас стали обучать учителя-предметники, они тоже стали для нас точкой соприкосновения, так как, в основном, параллельные классы вели одни и те же преподаватели по одним программам и планам.

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ ОРЕНБУРГѢ.

- I. Два протокола.
- II. *М. Л. Юдинъ*. Воспоминанія современниковъ о пребываніи А. С. Пушкина въ ОренбургѢ.
- III. *Ею-же*. Домъ, въ которомъ останавливался Пушкинъ въ ОренбургѢ.
- IV. *С. Н. Севастьяновъ*. Нѣсколько указаній о пребываніи А. С. Пушкина на Бердахъ.
- V. *Н. Г. Ивановъ*. Пушкинъ на Бердахъ.
- VI. Изъ газеты «Свѣтъ» № 144—1899 г.

Засѣданіе Пушкинской Коммисіи 7 апрѣля 1899 г.

На засѣданіе, состоявшееся въ зданіи Архивной Коммисіи, прибыли: Н. И. Бутовскій, С. А. Быбинъ, Н. Г. Ивановъ, С. Н. Севастьяновъ, И. С. Шукшинцевъ и, кромѣ того, присутствовалъ А. М. Ивановъ.

Предсѣдателемъ на это собраніе былъ избранъ И. С. Шукшинцевъ.

Обсужденію подлежали слѣдующіе вопросы:

- 1) Какъ должно выразиться чествованіе памяти поэта?
- 2) Гдѣ должно происходить чествованіе?
- 3) Какова должна быть программа чествованія?
- 4) Какова должна быть редакція надписи на доскѣ имѣющей быть прибитой на домѣ Ладыгина?

По обсужденіи этихъ вопросовъ постановлено:

1) Согласиться съ постановленіемъ очередного собранія Архивной Коммисіи на 8 февраля сего года (пунктъ 8 протокола), но ввести, кромѣ чтенія намѣченныхъ рефератовъ, чтеніе произведеній какъ Пушкина, такъ и посвященныхъ его памяти, а также исполненіе музыкально-вокальныхъ произведеній.

2) Просить совѣтъ старшинъ Общественнаго Собранія уступить залу Собранія на вечеръ 26 мая.

3) Просить непремѣннаго попочителя Коммисіи опубликовать во всеобщее свѣдѣніе о назначеніи 26 мая заупокойной литургіи въ Казанскомъ кафедральномъ соборѣ, а также просить г. предсѣдателя Коммисіи обратиться къ преосвященному Владимиру съ просьбою отслужить литургію.

4) Признать прибитіе одной доски на домѣ Ладыгина съ именами Императора Александра II и Пушкина неудобнымъ, а потому заказать двѣ доски, изъ которыхъ на одной должно быть выбито: «Здѣсь имѣлъ пребываніе, въ бытность Наслѣдникомъ престола, Императоръ Александръ II юня 1837 года», а на другой — «Здѣсь жилъ поэтъ А. С. Пушкинъ въ сентябрѣ 1833 года».

Далѣе постановлено:

1) Представить на усмотрѣніе очередного собранія Архивной Коммисіи нижеслѣдующую программу торжественнаго засѣданія 26 мая:

Первое отдѣленіе:

Народный гимнъ.

Пѣніе кантаты, посвященной Пушкину.

Чтеніе реферата Ф. М. Лисицынымъ

Чтеніе свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ объ А. С. Пушкинѣ въ Оренбургской губ.

Антрактъ 10 мин., во время котораго оркестръ исполнитъ пьесу, посвященную памяти Пушкина.

Второе отдѣленіе:

Пѣніе.

Рѣчь Г. А. Соколова.

Чтеніе произведеній Пушкина.

Стихотвореніе Н. Г. Иванова «Памяти Пушкина».

Пѣніе «Слава».

2) Копію съ настоящаго протокола, въ случаѣ утвержденія его собраніемъ Коммиссіи, послать въ городскую думу съ просьбою доложить его въ ближайшемъ засѣданіи думы и о имѣющемъ быть постановленіи увѣдомить Коммиссію, а также просить членовъ городского управленія присутствовать какъ на литургіи, такъ и на торжественномъ засѣданіи 28 мая въ 8 часовъ вечера

Торжественное засѣданіе 27 мая въ залѣ Общественнаго Собранія въ память 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина.

Присутствовали: предсѣдатель П. П. Биркѣ, члены: Соколовъ А. В., Соколовъ Г. А., Ф. М. Лисицынѣ, Поповъ, Ивановъ, Севастьяновъ, Евфимовскій-Мировицкій, Жуковскій, Быбинѣ и 50 гостей. Засѣданіе открыто въ 1³/₄ час. дня.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель объявилъ, что оно будетъ посвящено исключительно чествованію памяти великаго русскаго поэта Пушкина и предложилъ Н. Г. Иванову прочесть его стихотвореніе «А. С. Пушкинъ»: по прочтеніи членами Быбинымъ и Севастьяновымъ, при звукахъ туша былъ на бюстъ поэта возложенъ вѣнокъ съ надписью на лентѣ «Оренбургская Ученая Архивная Коммиссія А. С. Пушкину. 27 мая 1899 г.».

Затѣмъ Ф. М. Лисицынѣ прочелъ рѣчь «Обзоръ ху-

дожественной дѣятельности А. С. Пушкина», покрытую рукоплесканіями гостей.

Послѣ рѣчи Ф. М. Лисицына предсѣдатель объявилъ перерывъ на 10 мин. Во время перерыва оркестръ исполнилъ пьесу изъ «Пиковой дамы».

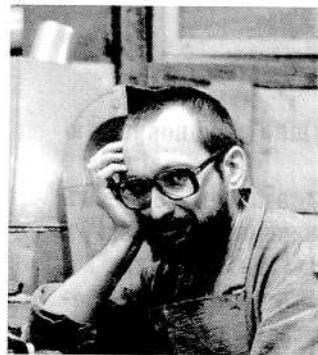
Затѣмъ по открытіи засѣданія Г. А. Соколовъ прочелъ рѣчь «Капитанская дочка какъ завершеніе реальнаго направленія въ поэтическомъ творчествѣ А. С. Пушкина». Рѣчь Г. А. Соколова также вызвала взрывъ рукоплесканій гостей.

Затѣмъ Н. Г. Ивановъ прочелъ рѣчь «Пушкинъ въ Бердахъ»; послѣ рѣчи Н. Г. Иванова оркестръ исполнилъ «Боже, Царя храни»!

*Труды Оренбургской архивной коммисии,
6-й выпуск, 1900 г.*

Александр КОКШАРОВ

ТРОФЕИ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ

Александр Дмитриевич Кокшаров родился в 1960 г. в Мурманске, в семье военно-морского врача. Окончил исторический факультет Оренбургского государственного педагогического института, работал старшим научным сотрудником в областном краеведческом музее, занимался реставрацией музейных экспонатов. Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории в научно-исследовательском институте истории Южного Урала и казачества России Оренбургского государственного университета.

*«Вопрос: Какая казаку позволе-
на в военное время пожива или до-
быча?»*

*Ответ: Военная добыча позво-
лена, а миродерство нет. Военной
добычей называется все то, что
отбито у неприятеля, что взято
с бою, а не воровски. Миродерство
называется то, коли кто обирает
жителей неприятельской земли,
или пленных, которых поручено
будет доставить казаку на место,
коли казак шарит по дворам, да по
избам, а за это бьют и Бог велит
ответ держать.»*

*«Памятная книжка для нижних
чинов Императорских Казачьих
войск». Санкт-Петербург.
1837 г.¹*

Как известно, оренбургские казаки участвовали в войнах с Наполеоном. В заграничных походах были Первый, Второй и Третий Оренбургские казачьи полки и Оренбургский атаманский казачий тысячный полк.

В войско полки возвращались с 1814 по 1820 гг.²

А. Кривощёков в книге, изданной в 1914 г., приводит интересное свидетельство относительно возвращения казаков: «Старики рассказывают, что особенно много оружия казаки принесли после наполеоновских войн; все оно было в серебре и золоте, патронташи и подсумки серебряные, шашки на серебряном позументе, сапоги лакированные, мундиры из тонкого сукна, словом все явились щеголями. Серебряные подсумки продавали по 60 р., а пара pistols с насечками была и того дороже.»³ Для того чтобы как-то оценить сумму в 60 рублей в первой четверти XIX века, попытаемся сопоставить её, например, с жалованьем обер-офицеров в лёгкой кавалерии. По табели 1816 г. гусарский корнет (чин XIV класса — в пехоте ему соответствовал прапорщик, у казаков — хорунжий) имел жалованье 142 рубля в год. Поручик (чин XII класса, у казаков соответствовал сотнику) получал 192 рубля в год.⁴ Таким образом, стоимость украшенного золотом и серебром трофейного оружия на территории Оренбургского казачьего войска представляется довольно значительной. Естественно, что действительная цена такого рода оружия была много выше — трофеи обычно продаются дешевле.

Дополнительную информацию о трофейном оружии содержат «Очерки прилинейной жизни Оренбургских казаков» войскового старшины Н.К. Бухарина: «...Подсумки также серебряные на серебряном позументе с цепочками... Некоторые казаки продавали подсумки за 60 рублей

офицерам и пару pistols с насечками за пару быков. При роспуске объявили, что рядовым казакам нельзя носить серебряный прибор (перевязи и лядушки) равно как и наборную сбрую.»⁵ Вообще снаряжение, украшенное серебром, соответствовало требованиям к вооружению и обмундированию Оренбургского казачьего войска. Так, в высочайше утверждённом 8 июня 1803 г. докладе Государственной военной коллегии говорилось: «...Сумка или лядушка патронная из черной кожи, а у офицеров с серебряными бляхами и цепочками по произволу каждого.»⁶ Менее конкретно требование к украшению снаряжения в указе «Его Императорского Величества, самодержца всероссийского, из Государственной Военной Коллегии господину генералу от кавалерии и кавалеру князю Волконскому...» от 23 января 1808 г. об обмундировании: «...Сумки, перевязи и портупей иметь всему войску из черной кожи и дозволяется украшать их серебряными бляхами и галуном.»⁷ Однако право украшать белым металлом снаряжение предоставлялось не только офицерам — в 1818 г. войсковой атаман сообщил в числе прочего кантонным начальникам, а они станичным атаманам, что «Его превосходительству военному губернатору желательно, чтобы у урядников на подсумках крышки и на ремнях пряжки были белые, т.е. если не серебряные, то серебром полуженые.»⁸ Конечно, в этой цитате имеется неясность — идёт ли речь о серебрении или о лужении (покрытии оловом) с целью придания серебристого цвета. Если второе, то это весьма недолговечный способ от-

Пистолет с кремневым замком ОРОМ 1364/5. Ствол и замок украшены обронным орнаментом и позолотой. Прибор литой, серебряный. Ореховая ложа инкрустирована серебром. Вид справа

делки: олово, в силу своей мягкости, быстро стирается. Что касается украшенных пистолетов, то даже если не существовало официального запрета рядовым казакам носить такое оружие в строю, существенную роль в продаже его офицерам сыграл экономический фактор. Многие обладатели трофеев поправили материальное положение своих семей продажей дорогого оружия.

Впрочем, переход украшенных предметов вооружения и снаряжения от рядовых казаков к офицерам обуславливался не только (а может быть, и не столько) деньгами, сколько общественным положением. Столь ценные предметы в большей степени соответствовали статусу офицера. Такое понимание существовало и в XVIII, и в XIX вв. — каждый слой

общества имел определённый круг предметов, символизировавших благосостояние и пр. Представьте себе крестьянина середины XIX в., всерьёз мечтавшего о фуражке с красным дворянским околышем! Зачем?! Подобное разделение — кому что «положено» — ослабляло разрушительное действие зависти — человеку приходилось соревноваться в материальном отношении лишь с подобными себе. О сохранявшемся отчасти в 30-е гг. XX столетия действии «... как бы сословных правил» писал Даниил Александрович Гранин.⁹ Сейчас различия сохранились, но они затухают в руках создателями «мод» на предметы потребления. Таким образом всех,

Пистолет с кремневым замком ОРОМ 1364/5. Вид слева

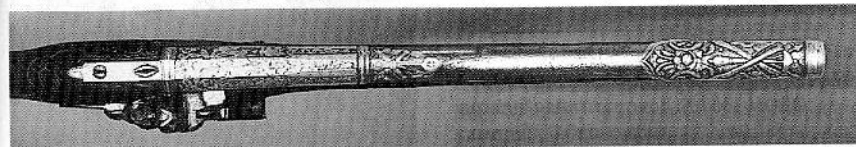
Пистолет с кремневым замком ОРОМ 1364/5. Вид снизу (фрагмент)

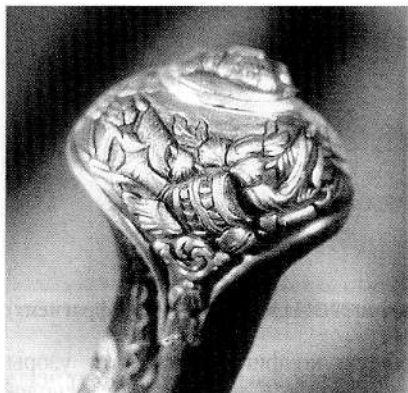
в том числе и бедных, толкают к приобретению жалких подделок модных вещей людей состоятельных. Как выглядело и что собой представляло это «богато оправленное в серебро и золото оружие»?¹⁰ Примером такого произведённого в Западной Европе трофея можно полагать один из пистолетов, находящихся в экспозиции областного краеведческого музея. В инвентарной книге он числится под номером ОРОМ 1364/5.¹¹ Его длина — 530 мм. Интересно, что в Историческом музее г. Дрездена (Саксония) хранится пара пистолетов, во многом сходных с упомянутым выше пистолетом из оренбургского музея такой же длины.¹² Ложа в обоих случаях имеет схожую форму, декорирована серебряной насечкой (инкрустацией), при этом имеется сходство даже в форме некоторых элементов, их взаимное расположение относительно усов набалдашника. Детали прибора отлиты из серебра и имеют сходную

общую конфигурацию, хотя узоры отличаются. С точки зрения технологии стволы украшены сходным образом: в казённой части выгравированы изображения с позолотой.

Пистолеты из Дрезденской галереи изготовлены Бертраном Пираубе (Bertrand Piraube) в Париже в 1697 г.¹³ Он арендовал оружейную мастерскую в основанной Генрихом IV Луврской галерее, где работали лучшие мастера Франции. Кстати, в личном собрании оружия Петра Великого (оно находится в оружейной палате Московского Кремля) имеется ружьё работы названного мастера.¹⁴ Кем и когда был изготовлен пистолет, хранящийся в оренбургском музее, пока сказать трудно. Во многом схожие по конфигурации детали прибора у пистолетов из Дрездена и Оренбурга тем не менее являются совершенно различными по характеру орнамента. Опираясь на сходство формы, размеров, технологических

Пистолет с кремневым замком ОРОМ 1364/5. Вид сверху (фрагмент)

**Пистолет с кремневым замком
ОРОМ 1364/5. Набалдашник
(оковка рукояти)**

приёмов и материалов можно только предположить, что пистолет ОРОМ 1364/5 изготовлен во Франции в XVIII в.

Возникает вопрос — в каком качестве во втором десятилетии XIX в. мог быть привезён он в Оренбург — в качестве сувенира или как боевое оружие? Вероятнее всего как полноценное оружие и вот почему. В настоящее время критерием «современности» того или иного пистолета является продолжение выпуска к нему патронов (естественно, унитарных). В XVII-XVIII веках (и даже в начале XIX века) проблема снабжения «современными» патронами не стояла — пистолеты могли заряжаться как при помощи пороховницы, пуль, пыжей, так и бумажными дульными патронами, изготовлявшимися для каждого пистолета (и ружья) индивидуально по причине различного калибра и соответственно ему отливаемых пуль. Кроме того, дульные патро-

**Пистолет с кремневым замком
ОРОМ 1364/5. Декоративная шляпка
гвоздя набалдашника**

ны отличались низкой прочностью и гигроскопичностью, что затрудняло их перевозку и хранение. Поэтому менялось декоративное оформление, форма рукояти пистолета, отдельные детали, но в целом оружие с ударным кремневым замком оставалось неизменным и морально не устаревало. Поэтому мы вправе предположить, что часть оружия, захваченного казаками в качестве трофеев в ходе наполеоновских войн, могла быть изготовлена за сто и более лет до упомянутых событий — при бережном хранении и не слишком интенсивной эксплуатации (а с украшенным оружием обычно так и обращаются) их боевые качества вполне могли сохраниться.

Что представляет собой пистолет из оренбургского собрания при более подробном рассмотрении? Кстати, как музейный предмет пистолет заинвентаризован 3 марта 1949 г. Как уже говорилось — общая длина предмета 530 мм. Длина ствола 352 мм.; калибр 15,5 мм; канал ство-

ла гладкий; в казённой части ствола гранёный (граней 8), в дульной части круглый; гранёная поверхность от круглой отделяется выпуклым пояском. Казённая часть ствола декорирована обронным орнаментом. При таком методе (фон углублен, снят специальным инструментом) узор становится рельефным.¹⁵ Для усиления декоративного эффекта обронный орнамент покрыт позолотой. Видимо, золочение произведено горячим способом или наводкой.¹⁶ Его суть заключается в том, что на поверхность (в данном случае стали) наносится амальгама (сплав золота и ртути), после чего изделие подвергается равномерному и не слишком интенсивному нагреву. При нагревании ртуть испаряется, золото частично диффундирует (то есть проникает в межатомные пространства) в поверхность основного металла — за счёт этого достигается значительная прочность покрытия. Метод чрезвычайно опасен для здоровья мастеров, производящих золочение: пары ртути не обнаруживаются органами чувств человека.¹⁷ Не исключено также, что часть декоративных элементов нанесена одной из разновидностей врезной таушировки. В поверхности металла специальным зубилом — сечкой наносят контур рисунка. Закрепляемый в образовавшейся канавке фрагмент золотого узора не вбивается заподлицо с фоном как при нанесении узора штихелем — над поверхностью металла остаётся некоторый избыток золота, который соответственно замыслу мастера «натекает» на фон, скрадывает угловатость вырубленного зубилом узора. Такого рода способ нанесения

золота нередко в дальнейшем дополняется наводкой.¹⁸ На поверхности ствола изображение воинской амуниции — алебарда, пики с флажками, барабан, пушки и элементы растительного орнамента. Ствол снаружи имеет многочисленные следы коррозии.

Замок пистолета ударный кремневый, французского типа. Лицевые стороны замочной доски и курка уплощены. Полка железная. Замочная доска, курок, полка (снизу), огниво с крышкой полки украшены элементами обронного орнамента с последующей позолотой рельефных деталей. Винт курка сломан, верхняя губа отсутствует.

Ложа ореховая, инкрустирована серебром. Серебро контрастирует с тёмной древесиной ореха. При изготовлении элементы орнамента закреплялись в заранее прорезанном в дереве контуре рисунка. Следует отметить, что в данном изделии инкрустация дополняет и обрамляет детали прибора пистолета. Цевьё в середине и ближе дульной части фрагментировано — имеются три большие отдельности. Отдельные элементы инкрустации утрачены.

Наиболее богатой частью декора является литой серебряный прибор, состоящий из наконечника устья цевья, шомпольной трубочки с двумя муфтами (крепящимися к цевью двумя железными штифтами), спусковой скобы, набалдашника, счита на рукояти, накладки под замочные винты.

Наконечник устья цевья украшен изображениями перекрещенных пушек, знамен и растительных элементов в картуше. Фон канфа-

рённый специальным инструментом, канфарником (имеющим рабочий конец (бой) в виде затупленной иглы), фон заполняется равномерно расположенными углубленными точками. Накладка под замочные винты фигурная, составлена ажурными растительными побегими. Спусковая скоба декорирована растительными элементами и воинской арматурой (скрещённые топор и копье). Набалдашник (оковка рукояти) украшен сочетанием растительных элементов и изображением пушек, барабана, знамён. Данная деталь закрепляется на рукояти при помощи гвоздя набалдашника. Медное тело гвоздя разрушилось, поэтому во время реставрационных работ было заменено аналогичным. Шляпка гвоздя набалдашника серебряная, в виде выпуклого медальона овальной формы с изображением в профиль рыцарского шлема с забралом, ожерельем и плюмажем из страусовых перьев.

Я занимался реставрацией данного музейного предмета. На поверхности ствола и деталей замка были видны рыхлые окислы железа, а многие детали покрылись сульфидами и загрязнениями. Необходимо было снять замок, ствол, детали прибора. Во избежание повреждения украшенных золотом деталей рельефа пришлось ограничиться осторожной механической расчисткой корродированных участков. В дальнейшем стальные детали были законсервированы при помощи соответствующего ингибитора коррозии. Детали прибора были подвергнуты химической обработке, после чего стали отчетливо видны отдельные

подробности изображений — в том числе канфарёный фон в картеше наконечника цевья.

Относительно боевых качеств данного пистолета можно высказать ряд соображений. Практическое его испытание совершенно исключено по причине редкости и ценности музейного предмета с одной стороны, и по причине возможности возникновения в стенках ствола межкристаллической коррозии, которая будучи не заметной при внешнем осмотре, может привести к разрыву ствола при попытке произвести выстрел, — с другой стороны.

Особенности прицельных приспособлений также предполагают стрельбу с небольшого расстояния. Задним визиром является расположенный на хвостовике казённого винта целик в виде низкого продолговатого обтекаемого выступа с прорезью (или иначе — холка с прорезью). Вокруг целика имеются следы обводки золотом. Передний визир — мушка отсутствует. Очевидно, при прицельной стрельбе мушку заменяла дульная часть ствола. Однако в боевой обстановке, в скоротечной (уже в силу короткой дистанции) схватке наведение оружия происходило без использования прицельных приспособлений — на это не было времени.¹⁹ Попадание в цель достигалось в таком случае за счёт «мышечной памяти», которая нарабатывалась в ходе постоянных тренировок. Первоначально стрелок добивался правильного положения оружия с помощью прицельных приспособлений. Главным была не быстрота наведения, а правильность. Далее отрабатывалось быстрое со-

вмещение линии глаз — вырез на холке — верх мушки — цель в сочетании с мгновенным выхватыванием оружия из-за пояса, седельной кобуры и т.п. После отработки упомянутого этапа тренировок стрелок не ищет глазом прицельные приспособления, а видит цель — при этом мышцы «вспоминают» положение пистолета, обеспечивающее попадание. Такой уровень подготовки стрелка делает кремневый пистолет (да и любой другой) весьма серьёзным оружием в ближнем бою. Естественно, что далеко не все обладали подобными навыками. Кроме возможности и желания тренироваться, необходимы соответствующие способности. Что же касается невысоких, с современной точки зрения, тактико-технических характеристик кремневых пистолетов, то ведь в то время почти все пистолеты были одинаковой конструкции и сходных боевых качеств. Поэтому если оружие противников одинаково плохо (или хорошо), то абсолютная величина прицельной дальности (например) не играет никакой роли. Оценку боевых качеств данного пистолета можно провести, лишь опираясь на достоверную словесную информацию о сходном с ним оружии. Весьма подробным источником по вопросу о стрельбе из дульнозарядного гладкоствольного пистолета является «Высочайше утвержденное Наставление для стрелкового образования пехоты и драгун» (1866 г.). Правда, в нём идёт речь о капсюльном пистолете, то есть об оружии с более совершенной системой воспламенения заряда пороха. Однако дальность и точность стрельбы были

весьма схожи с таковыми у кремневых пистолетов. Учебная стрельба боевыми патронами производилась с дистанции 20 шагов.²⁰ Речь в данном случае идёт о строевом оружии. О произвольных пистолетах В.Е. Маркевич писал, что дульные и пистолеты для стрельбы в цель обладали кучным и верным боем на 20 шагов при зарядании сферической пулей и относительно малым зарядом пороха.²¹ Таким образом, наиболее эффективной дальностью стрельбы из рассматриваемого нами музейного пистолета следует полагать расстояние до 10 — 15 метров.

В приложении к книге Л.К. Маковской дальность стрельбы из пистолета указана 40 — 50 метров.²² Противоречия тут нет. Дело в том, что при стрельбе сферической пулей из гладкоствольного дульнозарядного оружия с ростом дистанции точность полёта пули очень быстро уменьшается. Видимо, на расстоянии 40 — 50 метров энергии пистолетной пули для поражения цели достаточно, а вот вероятность попадания, мягко говоря, невелика. Для сравнения — пистолет Макарова предназначен для стрельбы на расстояние до 50 м, однако боевой опыт (приводившийся в периодике) говорит о том, что ПМ наиболее эффективен на дистанциях 3 — 7 метров.

Говоря о пистолете из оренбургского музея как о возможном трофее иррегулярных воинов в эпоху наполеоновских войн, следует добавить, что выше были упомянуты не все участвовавшие в походах полки. Осенью 1812 г. из пределов Оренбургского края были «выкомандированы» 32 полка: три уральских ка-

зачьих, пять полков Оренбургского казачьего войска, два мишарских, двадцать башкирских полков.²³ В заграничном походе 1813 г. приняли участие Атаманский и 3-й пятисотенный полки оренбургских казаков, 5 полков уральских казаков, 2 тептярских, один — ставропольский калмыцкий и 15 башкирских полков.²⁴ Большое число участников боевых действий автоматически увеличивало вероятность появления заметного количества трофейного оружия в крае. Однако было бы упрощением полагать, что интересующий нас пистолет непременно привезён казаками — участниками заграничного похода. Дело в том, что во время наполеоновского нашествия на Россию было разграблено много городов и помещичьих усадеб, где упомянутый пистолет мог находиться с XVIII в. Казакам случалось брать с бою обобы французов, где в том числе находилось и награбленное имущество.

Нельзя полностью исключать и вероятность появления столь ценного оружия в связи с освоением края в XVIII в. или с именем какого-либо выдающегося деятеля. Так, на известном портрете В.А. Перовского работы Брюллова на стене висит не только восточное оружие, но и один пистолет западноевропейского типа, и, судя по форме и пропорциям, скорее всего XVIII в.²⁵ Однако такого рода предположения представляются многократно менее вероятными, чем версия «трофей 1812 года».

Любая война — это страшное бедствие, несущее с собой массу последствий. Одним из последствий наполеоновских войн для казаков Южного Урала, как и для других

российских воинов, было знакомство с жизнью тогдашней Европы, со всеми её «плюсами» и «минусами». Что касается рассматриваемого памятника материальной культуры, то судьбы вещей порой не менее причудливы, чем судьбы людей. Думал ли оружейник во Франции, что пистолет его работы окажется за поясом (или во вьюке) лихого всадника в оренбургских степях? Вряд ли. Для казаков такого рода предметы были живым напоминанием о дальних героических походах, о народах с совершенно иной жизнью. Таков один из путей взаимного влияния культур.

Фото С.С. Кильдюшкина.

Примечания:

¹ Неизвестный Владимир Иванович Даль. — Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. — 480 с. — С. 111.

² Казачьи войска. Хроника. Репринтное издание. Оформление Н. Саутина. Под ред. В.К. Шенк, В.Х. Казин по 1 апр. 1912. Справочная книжка императорской главной квартиры — М. Акционерное общество «Дорваль», 1992. — 480 с. — С.237.

³ Кривощёков А. На Оренбургской пограничной линии (Очерки прошлого) — Уфа, электрическая тип. — лит. т-ва Ф.Г. Соловьёв и К, 1914. — 94 с. — С.93.

⁴ Волков С.В. Русский офицерский корпус. — М.: Воениздат, 1993. — 368 с. — С. 344.

⁵ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Выпуск VI — Оренбург. Тургайская областная Типо-литография, 1905. — 170 с. — С.156.

⁶ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Выпуск VIII — Оренбург: Тургайская областная типография 1907. — 520 с. — С.49.

⁷ Там же, с.116

⁸ Там же, с. 296

⁹ Гранин Д.А. Ленинградский каталог, 1986. — Л.: «Детская литература», 1986. — 112 с. — С.52.

¹⁰ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Выпуск VI — Оренбург. Тургайская областная Типо-литография 1905. — 170 с. — С.156

¹¹ Оренбургский Областной музей.

¹² HISTORISCHES MUSEUM DRESDEN.

¹³ Historisches Museum Staatliche Kunstsammlungen Dresden 3 Auflage 1982 114S. S.18.

¹⁴ Оружие коллекции Петра I. Текст Тихомирова Е.В. — М.: Издательский дом «Техника молодёжи», 1995. — 144 с. — С.34.

¹⁵ Шнейдер Г.А. Основы художественной обработки металлов — Минск: «Высшая школа», 1986. — 158с. — С.90.

¹⁶ Гутов Л.А. Никитин М.К. Справочник по художественной обработке металлов. — СПб.: Политехника 1994. — 435 с. — С.370.

¹⁷ Бренполь Э. Теория и практика ювелирного дела — Изд. 3-е. — Перевод с немецкого. /Под ред. канд. техн. наук Л.А. Гутова и Г.Т. Обалдуева — Л.: «Машиностроение» (Ленинградское отд-е) — 1977. — 384 с. — С.296.

¹⁸ Гутов Л.А., Никитин М.К. Указ. соч., с. 368.

¹⁹ Кольцов С.П. Как воевать в «неправильной» войне. — Солдат удачи. — №7 (94). — 2002. — С. 26 — 28.

²⁰ 43444 — июня 28 Высочайше утвержденное Наставление для стрелкового образования пехоты и драгун. С. 743 — 868 / ПСЗ Собрание второе XLI отделение первое 1866 В типографии II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии С.П.6. 1868 1079 с. с.806

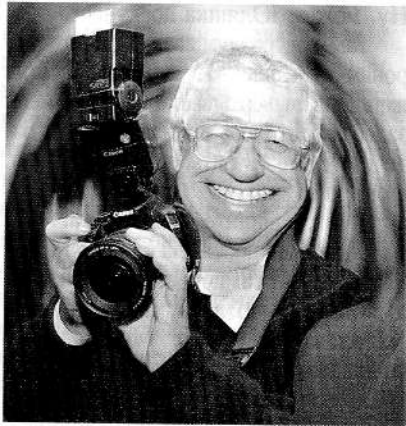
²¹ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. Полигон. — СПб: АСТМ. — 1996. — 580 с. — С. 85.

²² Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV-XVII веков — М.: Военное издательство, 1992. — 200с. — С. 8.

²³ Мамонов В.Ф., Фростман Г.В. Гроза двенадцатого года (Казаки Урала в Отечественной войне 1812 года) — Челябинск, 1991. — 96 с. — С.6.

²⁴ Там же, с. 70.

²⁵ Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII — начало XX в. Альбом. — Л.: Художник РСФСР, 1988. — 239 с. ил. 86.

Посмеяться над собой тоже надо уметь. Валерий Гуньков делает это профессионально

Константин АРТЕМЬЕВ

ЛОВЕЦ МГНОВЕНИЙ ЧУДНЫХ...

Пять лет тому назад до Саракташа добралась мини-экспедиция газеты «Оренбургье» в составе только что назначенного главного редактора Александра Корсунова, меня, корреспондента газеты, и нашего фотокамера Валерия Гунькова. Редактор наводил контакты с руководством района, я собирал информацию по нужным темам, Гуньков щёлкал затвором своего фотоаппарата.

В церковном комплексе Обители милосердия нас потряс возводимый собор Святой Троицы — уменьшенная на треть копия Казанского кафедрального собора, до тридцатых годов прошлого века находившегося в Оренбурге на месте нынешнего Дома Советов. Строительство было ещё в самом разгаре, и над незакрытым куполом нового храма возвышался громадный подъёмный кран.

— Представляете, какой оттуда

вид! — обернулся редактор к нам с Гуньковым. — Если сделать снимки со стрелы этого крана, то, пожалуй, такого раритета ни у кого больше не будет.

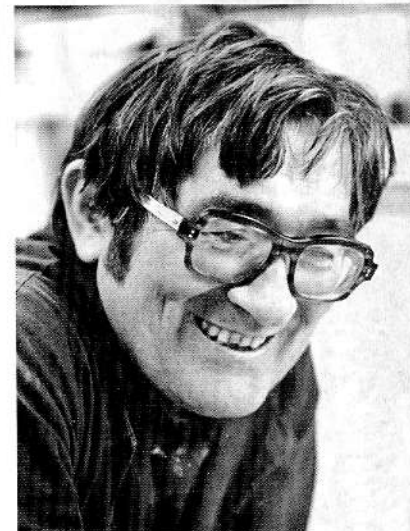
Мы с Корсуновым продолжили осматривать комплекс, и лишь через полчаса, когда срочно понадобился фотокор, сообразили, что тот куда-то исчез. Гуньков появился неожиданно, как обычно, тихий и сосредоточенный, и на вопрос, где был, лишь недоумённо пожал плечами:

— То есть как это где? На кране. Открытый купол снимал. Вы же сами сказали, что это будет уникальный кадр.

В редакции «Оренбургья» в тот момент работали два фотокорреспондента: Олег Рукавицын и Валерий Гуньков. Олег, как правило, если не получалось снять что-то ори-

гинальное, легко и профессионально придумывал постановочную съёмку, необходимую для оформления очередной газетной статьи. Валерий постановочные снимки принципиально игнорировал. Зато был готов долго и нудно сидеть в засаде на каком-нибудь баскетбольном матче, чтоб из нескольких сотен кадров вытащить один-единственный. Но именно в этом кадре, как правило, застывало остановленное мгновение игры, движения, усилия мышц и воли. И далеко не все яркие, динамичные снимки попадали на газетные полосы, иногда для оформления репортажа требовались не только игровые моменты, но и просто фото победителя с медалью, зажатой в руке.

Гуньков страдал от подобной невостребованности, как, вероятно, страдают художники, которым приходится зарабатывать на жизнь оформлением магазинных витрин. Однако свою работу выполнял

честно и аккуратно. А по вечерам, в рабочем кабинете, показывал мне необычные фотопортреты, оригинальные снимки, обработанные на компьютере, либо фотографии старого Оренбурга. Я долго не мог забыть вроде бы невзрачный кадр осенней аллеи в Зауральной роще, по которой катились два велосипедиста. От снимка просто веяло холодным дыханием первого заморозка, хотя внешне об этом ничто не говорило.

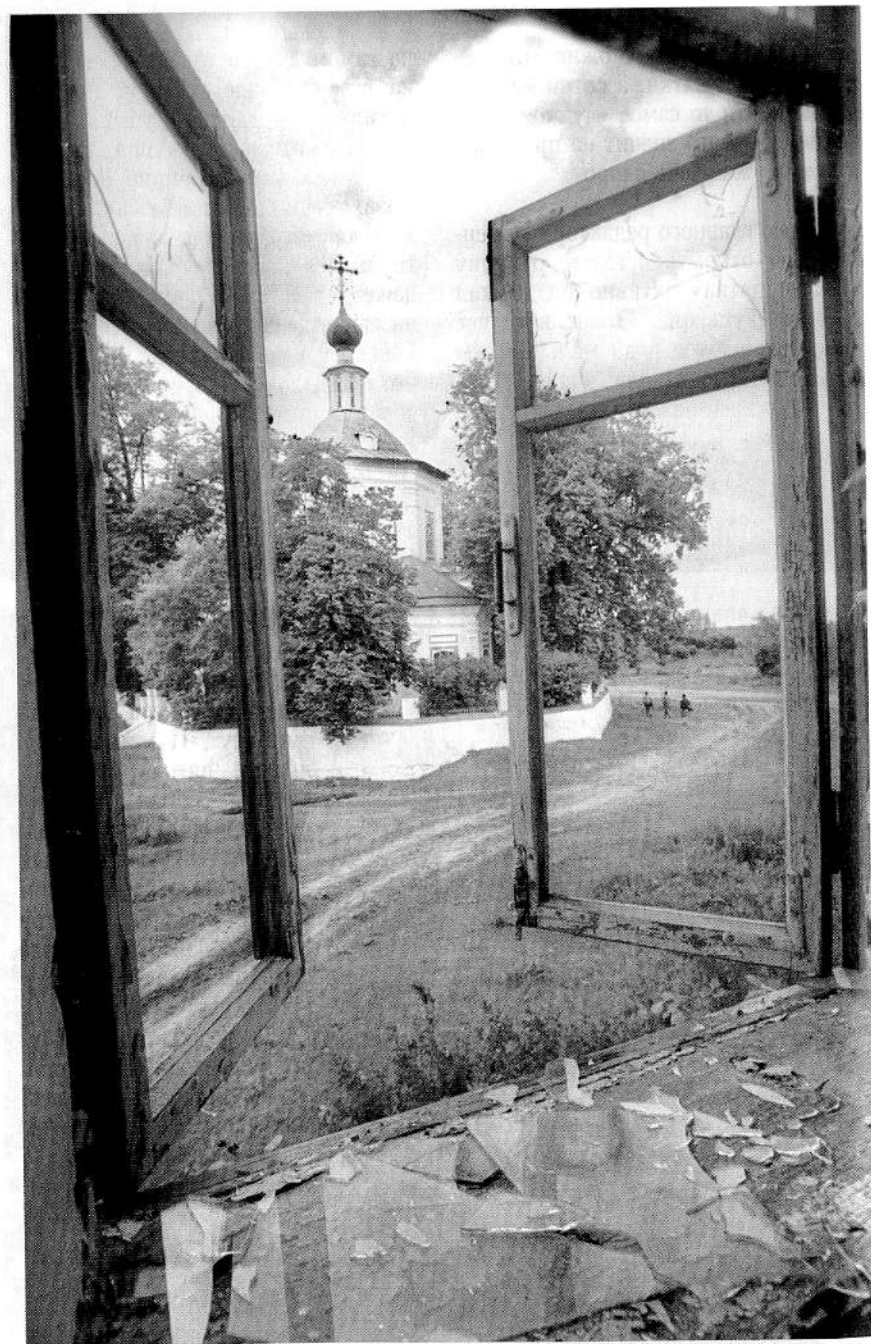
А чего стоили чёрно-белые фотографии ушедшей эпохи! И десятиметровый Брежнев с высоко поднятой рукой, застывший на фасаде кинотеатра «Октябрь», нынешнего казино «Аврора». И десятки рыбаков с удочками на деревянном мосту через Урал, возводимом каждый год на месте современного металлического пешеходного моста «Европа-Азия». Теперь только на архивных снимках Гунькова можно увидеть, как в 1991 году оренбургские демократы открывали с Дома Советов табличку с надписью «Оренбургский областной комитет КПСС». По тем временам это равнялось штурму Зимнего дворца в 1917-м. Только тогда в Петрограде не нашлось фотографа, не побоявшегося запечатлеть это событие, а в 1991-м в Оренбурге это сделал Гуньков.

Валерий признавался, что для него важнее всего уловить, создать образ, который отражает эпоху, день, мгновение жизни, которые больше никто и никогда не увидит. И, слава богу, что научно-технический прогресс дошёл-таки до цифровых тех-

Первый учитель — Казимир Людвигович Мисевич. 1987 г.

Аллегория.
1982 г.

Дорога к храму. 1993 г.

нологий. А значит, можно «отстреливать» не десятки, а сотни кадров, чтобы найти то самое «чудное мгновение». Что это значит на практике, я понял уже очень скоро.

* * *

Идею главного редактора «Оренбургя» открыть в газете рубрику «Белые пятна» активно поддержал именно Гуньков. Отыскивая всё самое необычное и аномальное, мы вместе с ним объехали, кажется, все районы области: от Светлинского

на самом юго-востоке до Северного на северо-западе. Искали и «Баймогила», древнюю усыпальницу богатого казахского купца, находящуюся на самой границе России и Казахстана, и окаменевший планктон юрского периода, и серебряные трубы Рычковского спиртзавода, и даже неизвестного науке зверя под названием чупакабра. И всякий раз Гунькову удавалось находить то, на что я бы, возможно, и внимания не обратил. А несколько случаев заставили меня взглянуть на нашего фотокорреспондента по-новому.

Верблюдов мы нашли в Домбаровском районе. До этого были съёмки горы Верблюд, уникального природного памятника, панорама Кансакского ущелья, пещера на речке Котансу... И материал на «белые пятна» был, кажется, собран. Однако всё-таки хотелось своими глазами увидеть живых верблюдов на вольном выпасе в степи. Гуньков настаивал на том, что без подобных кадров очерк просто не получится.

Экспедицию для корреспондентов областной газеты организовал глава Домбаровского района. Вез нас на чёрном джипе директор местной агрофирмы. Но, попав на про-

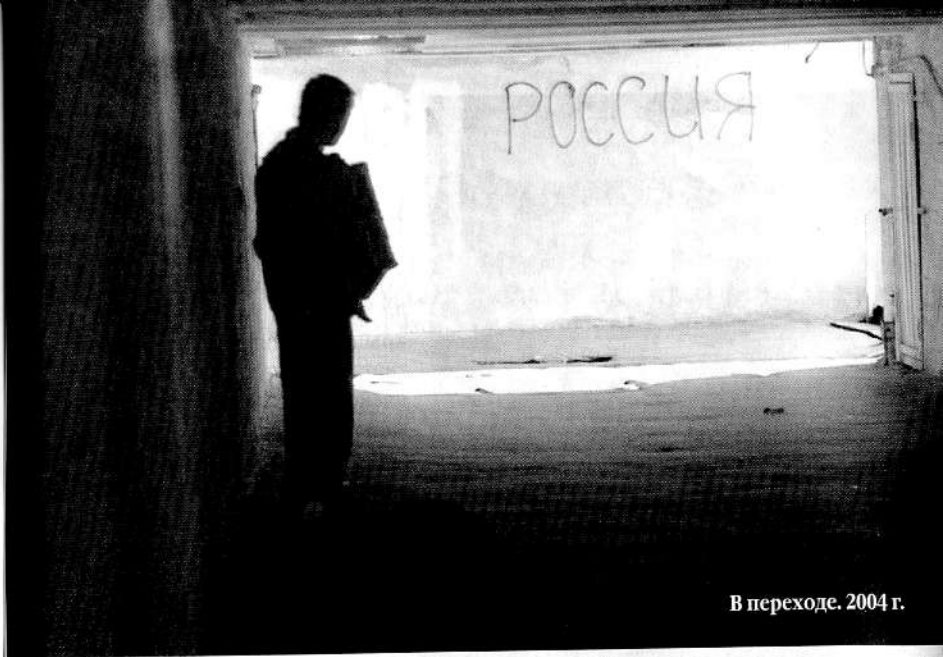
стор оренбургской степи, я ощутил, насколько беззащитен человек перед вольным горбатым гигантом. Наш джип скакал, как заяц, удирая от большого чёрного верблюда, строго охранявшего свой гарем. При этом Валерий Гуньков, отважно высунувшись в открытое окно, делал кадр за кадром. Наконец нам удалось оторваться. Хозяин джипа притормозил, все дружно перевели дыхание. Глава района оглянулся на Гунькова:

- Ну, что, получилась съёмка?
- Нет, не получилась, – поморщился Валерий. – Слишком сильно трясло. Давайте-ка объедем его ещё раз, и когда будете уходить в отрыв, не газуйте.

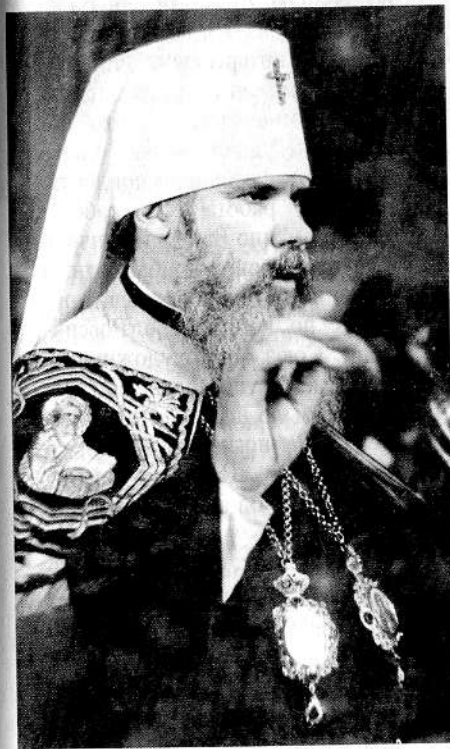
Пришлось вжаться в сиденье, слыша в паре метров от машины дыхание разъярённого великана. На

Почти как в 17-м... 1991 г.

В переходе. 2004 г.

Будущий патриарх. 1984 г.

заднее стекло летела пена из его рта. И до сих пор мне непонятно, как верблюд не откусил Гунькову голову?

Приблизительно те же чувства пришлось испытать, когда мой фотокор взобрался на крышу строящегося семнадцатэтажного здания жилого комплекса «Снегири». И под буквально сдувающим его ветром снимал работу монтажников. У каждого из строителей имелся свой страховочный пояс, а на Гунькова страховки не хватило.

О журналистских приключениях можно говорить долго, но не знаю, будут ли для Валерия Гунькова эти воспоминания наиболее интересными или значимыми моментами его жизни? Иногда мне кажется, что его не вполне удовлетворяет статус рядового фотокорреспондента. Конечно, работа есть работа, однако именно Валерий Гуньков в начале девяностых был одним из немногих оренбуржцев, принятых по конкурсу в Российский Союз фотохудожников. Тогда даже упоминать об этом статусе было не принято: слишком уж немногие могли на него претендовать. В творческой же биографии Валерия Анатольевича было и участие в столичных выставках, и признание его работ коллегами.

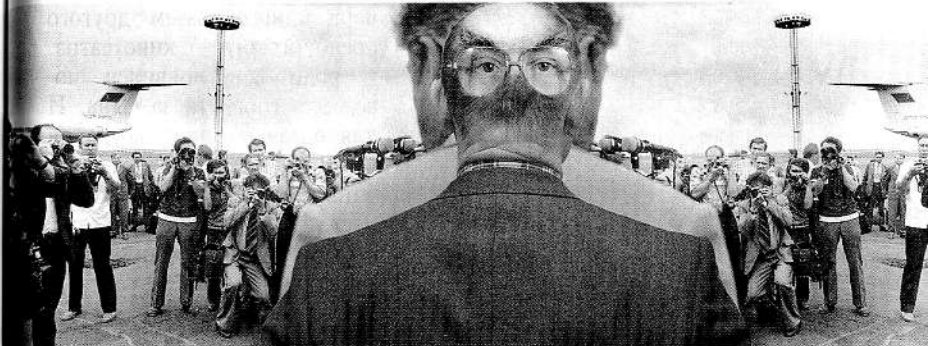
Однако согласитесь, в наше

Воспоминание о будущем. 1985 г.

время оставаться свободным художником позволит себе не всякий, тем более тот, у кого за плечами семья и трое детей. Мне кажется, творческий потенциал Гунькова в первую очередь скрывается в его архивах. И его фотоработы ждут своего часа, чтобы, оказавшись экспонатами какой-нибудь крупной выставки, привести в восторг и зрителей, и художественных критиков. Тех, кому под силу оценить степень искусства современной фотографии.

остановленное мгновение, это — настоящее искусство.

Интересно, думал ли он о своём приобщении к искусству, когда в пятнадцать лет, оставшись один дома, взял отцовский фотоаппарат «Смена» и сразу отснял целую плёнку? Наверняка не думал. Просто снимал в своё удовольствие, а уж потом стал искать книги по теории фотографии, чтобы освоить её не на любительском, а на профессиональном уровне.

Масс-медиа. 1983 г.

Взять хотя бы женский портрет, утягивающий зрителя в водоворот, в омут из ромашек и ещё каких-то цветов. Что это — фотоскуство или новая живопись? Или взгляд снизу из двора-колодца, затянутого у самого неба паутиной, через которую никак не пробьётся большая бабочка. Это ли не аллегория спрятанной, пожалуй, в каждом из нас художественной натуры, которой никак не пробиться к своему воплощению сквозь ежедневные бытовые проблемы? А исковерканные человеком деревья, поднимающие к небесам свои обрубленные ветви, сквозь которые видны вздетые вверх ладони человеческих рук? Это уже не только

Это потом, учась в железнодорожном училище, он получил сразу две профессии: электрика промышленного оборудования и фотокино-оператора. Ведь именно в ПТУ-12 в то время была мощная материальная база, не считавшая километры киноплёнки для обучения мальчишек, делавших свои первые сюжеты на областном телеканале. А ещё там был такой преподаватель, как руководитель фотокружка Казимир Людвигович Мисевич, ставший для Гунькова учителем, наставником, в конце концов, человеком, открывшим ему новый мир... Но пришлось сначала год поработать на тепловозоремонтном заводе.

В кафе. 2007 г.

луострове Мангышлак в 130 километрах южнее города Шевченко. Климат, условия жизни были нелёгкими. Одно слово — пустыня: летом жара, песок, зимой морозы до 30 градусов.

Когда в 1977 году, после окончания кинотехникума, Гунькову предложили должность главного инженера одного, затем другого оренбургского кинотеатра, у родителей появился повод для гордости за сына. И для разочарования, когда он через несколько месяцев работы со скандалом покинул место службы в горкиносети, отстаивая своё собственное

Всё это время Валерий готовился к поступлению в Ростовский кинотехникум, где собирался учиться на факультете помощников кинооператоров. Но именно в год его поступления этот факультет был закрыт. Пришлось освоить специальность технического руководителя кинотеатра. Тем более, что в техникуме была богатая библиотека по теории фотографии и киносъёмки для дополнительного самообразования. Учёба была прервана на два года в связи со службой в армии. Служил Валерий на по-

Сколько будет? 2004 г.

Верблюжья атака. 2005 г.

мнение. Отец Валерия, Анатолий Иванович, прошедший всю Великую Отечественную и до пенсии проработавший машинистом на железной дороге, был сильно расстроен тем, что сын будет работать теперь не инженером, а простым фотографом. Валерий, конечно, тоже переживал, зато у него появилась возможность заниматься любимым делом. Он и занимается им практически всю свою сознательную жизнь, вне зависимости от занимаемой должности: штатного фотографа завода «Инвертор»,

кинооператора ГТРК «Оренбург», фотокора газеты... К слову сказать, ставки фотографа в штате «Инвертора» формально никогда не было. Да и в других учреждениях тоже. А потому Гунькова оформляли, как тогда было принято говорить, «подснежником» — то на должность лаборанта, то на ставку электрика. Быть может, потому главная возможность для творчества у Валерия открылась,

Весна. 1997 г.

когда он стал фотокорреспондентом газеты «Оренбургские губернские ведомости», причём как раз в бурный момент передела власти.

«Ведомости» тогда считались чуть ли не единственной газетой оренбургских демократов. Никакое другое из местных изданий не боролось так открыто, искренне и яростно с командно-административной системой тогдашней власти.

И фотокору этой газеты приходилось бывать на всех митингах, политических баталиях и демонстрациях. От его цепкого взгляда не ускользали ни лозунги, написанные краской в подземных переходах,

«Я помню чудное мгновенье...» 1993 г.

Воскресные дни на Урале. 1970 г.

Городской парк, 2008 г.

К. Артемьев. Ловец мгновений чудных...

Размышления. 1991 г.

ни одинокий старик, сидящий за пустым столом под картиной всеобщего изобилия. Именно в те годы Валерий Гуньков познакомился со своими столичными и зарубежными коллегами, принимал участие и в выставках, и в поездках по стране в качестве фотохудожника. В 90-х годах в Оренбурге работали два фото клуба — «Поиск» и «Урал». В них устраивали ежегодные фотовыставки, в которых Валерий принимал самое активное участие.

Однако, как известно, одним творчеством сыт не будешь. В конце концов, пришлось сделать выбор

в пользу семьи и той повседневной работы, которая напрямую касалась раскрытия его творческого потенциала. Ведь фотокорреспондент — это тоже художник, особенно если он пытается поймать бесценные мгновения постоянно ускользающей жизни.

То, что мой фотокор — экстремал, было понятно давно. Но в усадьбе писателя Аксакова в Бугурусланском районе, где мы однажды оказались, все тревоги и проблемы как-то сами собой отходили на задний план. Вековые

Кто виноват? 1991 г.

вёклы, умиротворённый пруд, журчащий ручеёк из Барского родника, — всё здесь успокаивало, наводило на мысль о мимолётности нашей жизни. Ну, что такое, собственно, материальная сторона мира? Ничто! Вот изумительный вид, который можно запечатлеть с горы, будет жить в веках, как художественное произведение. Приблизительно так я думал, наблюдая, как Гуньков карабкается вверх, делает снимки, пытается спуститься, поскользывается, катится кубарем вниз...

Только тут до меня дошло, что в руках у Валерия — камера и отсо-

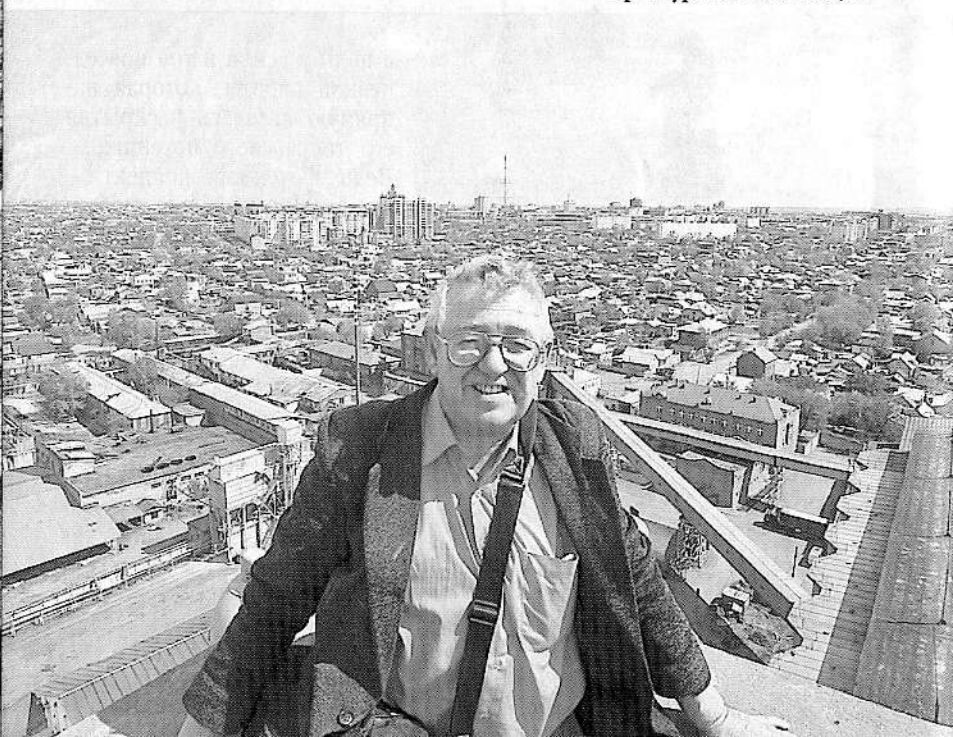
единённый фотообъектив. А потому он физически не может ухватиться за какое-нибудь дерево и пролетит все двадцать метров, пока не разобьётся о каменное дно оврага.

— Бросай! — крикнул я. — Брось камеру, убьёшься!

Валерий, через несколько секунд, уже съезжая ко мне вниз на пятой точке, сердито произнёс:

— Ага, бросай! Ты бы свою голову бросил или, например, руку? Я с камерой уже сросся. Сорок лет через объектив на мир смотрю...

Оренбург за мною... 2009 г.

Городская мадонна. Фото В. Гунькова